

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»**

Крымское республиканское отделение ВОО «ВООПИиК»

Крымское региональное отделение Российского общества «Знание»

**МАТЕРИАЛЫ
VII Всероссийской
научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ КРЫМА»**

**При финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-09-20008/20**

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020**

УДК 81'25
ББК 81.2-7
А 43

Редакторы-составители:

В. Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина

Редакционная коллегия:

А. Г. Герцен (Симферополь, Россия), В. О. Курьянов (Симферополь, Россия), С. Б. Филимонов (Симферополь, Россия), А. В. Шаманаев (Екатеринбург, Россия)

А 43 Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 21–22 октября 2020 г. / ред.-сост. В. Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 228 с.
ISBN 978-5-907376-21-2

В сборнике представлены материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма», которая проводилась в г. Симферополе 21-22 октября 2020 г. Рассматриваются фундаментальные вопросы изучения, охраны и использования культурного наследия Крыма и России, актуальные проблемы истории памятниковедения, результаты новейших исследований и практической деятельности по сохранению и популяризации памятников истории и культуры.

УДК 81'25
ББК 81.2-7

*Сборник печатается в авторской редакции.
За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен
и названий ответственность несут авторы публикаций.
Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.*

ISBN 978-5-907376-21-2

© Коллектив авторов, текст, 2020
© ИТ «АРИАЛ»,
макет, оформление, 2020

ОТ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящее издание представляет материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма», которая проходила 21–22 октября 2020 г. на базе ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь) при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Помимо университета её главным организатором на протяжении уже многих лет является Крымское республиканское отделение ВОО «ВООПИиК». С учетом также неизменности основной цели данного проекта – актуализации междисциплинарного сотрудничества специалистов различных направлений (историков, археологов, архитекторов, искусствоведов, реставраторов и др.) в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного наследия Крыма, конференция является традиционной площадкой обсуждения, апробации и выработки наиболее оптимальных решений для преодоления существующих проблем в памятниковедении.

Несмотря на серьезную эпидемиологическую обстановку в стране, в конференции приняли участие, в том или ином формате, более 70 исследователей из научно-образовательных учреждений, научных центров и музеев Республики Крым, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Тамбова, Ростова, Орла, Омска, Саратова и Новгорода. В связи с присутствием в программе учёных из Казахстана в 2020 г. она впервые фактически приобрела международный статус, что ещё раз подчеркивает актуальность и известную условность заявленной организаторами содержательной (крымской) проблематики.

Также многообразна тематика современных памятникоохранных исследований, что хорошо видно из содержания сборника материалов конференции.

Обширный археологический блок работ представлен публикациями проблемно-аналитического характера (О. П. Ларенок), междисциплинарными исследованиями (А. В. Антипенко), историей изучения отдельных крупных археологических объектов либо целых регионов Крыма (В. К. Ганцев, Н. Г. Новиченкова). Чрезвычайно важным для нас представляется опыт разработки проектов музеефикации археологических объектов и обсуждение проблем их реализации на практике на примере памятников Керчи (В. Н. Зинько, Е. А. Зинько, А. В. Зинько), а также анализ современного состояния единственного объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО на полуострове – Херсонесского городища и его хоры (Л. В. Седикова).

Для специалистов, занимающихся османским периодом в истории Крыма, значительный интерес вызовут публикации результатов новых раскопок Бахчисарайского Ханского дворца (В. Е. Науменко, А. Г. Герцен, В. К. Ганцев), опыта классификации мечетей Крымского ханства (Э. Д. Зиливинская) и анализ пока еще недостаточно изученной хроники

Реммал-Ходжи «История хана Сахиб-Гирея», составленной в середине XVI в. (М. Е. Шалак).

Крайне необходимыми для тематики конференции и памятникоохранной практики в целом являются исследования в области истории архитектуры Крыма и отдельных регионов России в XIX–XX вв. (Н. Ю. Васильев, О. М. Зайцева, Е. В. Малая, Е. Б. Овсянникова, В. Л. Саенко, Т. С. Саенко, Н. В. Стрекалова, В. Н. Струнина, Е. С. Шинтяпина), а также обзор музейных коллекций, связанных с историей и культурой крымских караимов – одного из старожильческих этносов полуострова (Д. А. Прохоров).

Классические памятниковедческие штудии в материалах конференции представлены разнообразной крымской проблематикой (А. В. Гончаров, Н. С. Дружинина, А. Ю. Манаев, И. А. Исак, Т. А. Прохорова, О. А. Скуридин, А. В. Шаманаев), а также исследованиями, посвящёнными опыту сохранения идентичности и мемориализации памятных мест немецкого населения России и Казахстана (А. Н. Блинова, Т. Б. Смирнова, Ю. И. Подопригора, Е. А. Шлегель).

Наконец, совершенно новым направлением в рамках конференции являются работы, затрагивающие на концептуальном и практическом уровне вопросы просветительской и образовательной миссии современного памятниковедения (А. Г. Демидов, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина, И. А. Каткова, В. В. Сидорова). Об этом следует сказать особо.

Безусловно, в последние годы просветительская деятельность по популяризации культурного наследия среди школьников, студентов и молодёжи, развитию у них чувства сопричастности к памятникам прошлого через разнообразные волонтерские (добровольческие) проекты становится всё более активной. В числе важных идеологов этого направления в Крыму находится Крымское республиканское отделение ВОО «ВООПИиК» [1].

Достижение конечной цели в рамках этого движения – формирования устойчивого бережного отношения молодого поколения к своему культурному и природному наследию, желания практического участия в деле его сохранения, достигается с помощью ряда проектов, которые КРО ВОО «ВООПИиК» последовательно реализует начиная с осени 2019 г.:

- «Школа волонтеров наследия» в рамках национального проекта «Культура», которую уже посетили 370 слушателей;
- Изучение и мемориализация Старорусского кладбища г. Симферополя;
- Ресурсный Центр памятникоохранения для проведения информационно-просветительских мероприятий среди обучающихся общеобразовательных учреждений и вузов Республики Крым;
- Историко-культурное исследование памятников Воинского кладбища в Симферополе.

В некоторой степени промежуточным итогом просветительской деятельности в сфере изучения, охраны и популяризации культурного наследия

стало недавнее издание членами КРО ВОО «ВООПИиК» «Сборника методических материалов по социальному проектированию и методик активизации профессионального самоопределения в сфере сохранения культурного наследия», в котором анализируются теоретические аспекты социокультурного проектирования, формы проектной деятельности, представлены классификация и виды презентаций проектов, продемонстрированы лучшие их практики, даны методические рекомендации для проведения информационно-просветительских мероприятий в области сохранения культурного наследия [2].

В заключение еще раз подчеркнем необходимость совместных усилий на практике представителей государственных органов, различных направлений науки, культурной общественности при реализации любых проектов в области изучения, охраны и популяризации памятников культурного наследия. Как нам представляется, проводимая уже многие годы научно-практическая конференция «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма» активно способствует этому.

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://crimea-voopik.ru>.
2. Сборник методических материалов по социальному проектированию и методик активизации профессионального самоопределения в сфере сохранения культурного наследия / Составители Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь, 2020. – 152 с.

*Антипенко А. В.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Antipenko A. V.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЛЫХ СФЕРИЧЕСКИХ ПУГОВИЦ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН¹

MATERIAL FOR MAKING HOLLOW SPHERICAL BUTTONS FROM THE EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU

Аннотация. В работе рассматриваются результаты естественнонаучных исследований полых металлических пуговиц, найденных в ходе археологических раскопок средневекового городища на плато Эски-Кермен. Все изученные изделия практически идентичны и представляют собой сферу с петлей для подвешивания. По итогам изучения элементного состава материала застежек методом рентгенофлюоресцентного анализа выделено четыре группы пуговиц, которые отличаются по материалу изготовления и способу дополнительного декоративного оформления поверхности. Сделан вывод, что различия в качестве и, соответственно, в цене материала пуговиц свидетельствуют о разном уровне достатка их владельцев.

Ключевые слова: рентгенофлюоресцентный анализ, производственные технологии, городище Эски-Кермен, пуговицы.

Abstrakt. This work considers the results of scientific research of hollow metal buttons found during the archaeological excavations of a medieval settlement on the Eski-Kermen plateau. All the examined items are almost identical and sphere-shaped with a loop for hanging. Based on the x-ray fluorescence analysis of the elemental composition of the material of the fasteners, four groups of buttons were identified, varying in materials and method of additional decorative surface design. It is concluded that the variation in the quality and, thus, in the cost of the button material indicates different levels of wealth of their owners.

Key words: x-ray fluorescence analysis, production technologies, Eski-Kermen settlement, buttons.

Одним из наиболее широко применяемых в археологии методов является типологический. Он основывается на выделении групп предметов, исходя из их морфологических особенностей и внешних признаков. Современные исследователи работают с тремя видами типов, различных по характеру опознавательных компонентов: самые крупные типы – функциональные; внутри них выделяют конструктивные типы; следующим уровнем являются типы, выделенные по дизайну изделий (стилистические) [5, с. 49]. Следует отметить, что далеко не всегда такой подход служит единственным возмож-

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

ным способом получения объективных данных. Наши представления об изучаемых артефактах значительно расширяются за счет применения методов естественных наук, позволяющих предоставить исчерпывающую информацию о составе материала и способах изготовления вещей. Таким образом, внутри существующих типов можно выделить группы вещей, различные по своей внутренней структуре.

В 2018 г. нами было проведено детальное исследование семи полых сферических пуговиц, найденных в могиле 1/2018 на плато Эски-Кермен. Элементный состав вещей исследовался методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФЛА). Распределение химических элементов по глубине в шлифах микропроб пуговиц изучалось методом растровой электронной микроскопии (РЭМ) с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (ЭРМ). В результате установлено, что полые сферические пуговицы изготовлены из серебра и покрыты позолотой в технике амальгамирования. Сделан вывод, что все семь обнаруженных в погребении пуговиц являются серией предметов, изготовленных одновременно и из одного сырья [6, с. 282–284].

Исследования сферических пуговиц были продолжены применительно к новым находкам изделий, обнаруженным в ходе раскопок средневекового городища Эски-Кермен в 2019 г. Найденные металлические артефакты происходят из двух археологически исследованных участков на жилом квартале городища и у его центральной базилики. Большинство изделий обнаружены в плитовых могилах, датирующихся XIV в. [1, с. 257]. Сферические пуговицы бытовали в Крыму в X–XV вв., однако география их распространения в средневековье была значительно шире [более подробно см. 1, с. 254–255].

Внешне изделия практически идентичны и представляют собой сферу с петлей для подвешивания. В одном случае пуговица (№ 72) с одной стороны сферы имела выпуклость.

Изучение элементного состава изделий позволило установить, что они отличаются по материалу и особенностям изготовления.

Группа 1. Изделия № 61–71 (табл. 1, 1–11), найденные в одном комплексе гробницы 6/2019, изготовлены из сплава на основе меди (Cu 85,1–95,47%), который затем способом амальгамирования был покрыт тонким слоем золочения. Об этом свидетельствует наличие золота (Au 0,36–7,87%) и ртути (Hg 0,35–1,65%) на поверхности пуговиц. Кроме того, в составе материала вещей зафиксировано наличие свинца (Pb 0,42–2,18%), олова (Sn 0,75–5,64%), цинка (Zn 0–0,12%), серебра (Ag 0,14–0,36%) и сурьмы (Sb 0,16–1,24%). Основным легирующим компонентом сплава выступает олово, его содержание достигает 5,64%. Содержание свинца редко выходит за пределы 1%, только в трех случаях его незначительно превышая (до 2,18%).

Группа 2. Две пуговицы (№ 73–74) (табл. 1., 13–14) изготовлены из слаболегированного свинцом и оловом медного сплава и не имеют следов дополнительного оформления поверхности (Cu 95,73–98,66%, Pb 0,18–1,78%, Sn 0,97–2,04%, Ag 0,11–0,13%).

Таблица № 1. Элементный состав сплавов пуговиц из раскопок Эски-Кермена

№ п/п	Категория вещи	Место обнаружения	Элементный состав								
			Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Au	Hg	Sb
1	Пуговица	Раскоп 16. Гробница 6/2019. Заполнение нижней части.	86,15	2,18	3,59	0,09	0,32	0,22	4,80	1,40	1,24
2	Пуговица	Там же	89,87	0,83	2,01	0,12	0,50	0,23	5,31	0,89	0,26
3	Пуговица	Там же	93,39	0,51	3,08	0,09	0,43	0,14	1,76	0,36	0,23
4	Пуговица	Там же	91,79	0,96	0,76	0,11	0,59	0,36	4,52	0,70	0,22
5	Пуговица	Там же	92,04	0,57	0,75	—	0,25	0,20	5,24	0,79	0,17
6	Пуговица	Там же	85,10	1,45	3,05	—	0,42	0,24	7,87	1,65	0,22
7	Пуговица	Там же	92,42	0,42	1,68	—	0,15	0,15	4,14	0,79	0,25
8	Пуговица	Там же	88,27	1,30	1,94	—	0,40	0,18	6,21	1,30	0,40
9	Пуговица	Там же	89,33	0,88	1,82	—	0,46	0,20	6,06	1,08	0,16
10	Пуговица	Там же	88,17	0,69	5,64	—	0,14	0,23	3,86	1,06	0,21
11	Пуговица	Там же	87,82	0,79	4,63	—	0,28	0,25	4,76	1,17	0,28
12	Пуговица	Раскоп 14. Могилы 2/2019. Заполнение	22,34	0,23	4,19	—	—	44,61	18,17	10,46	—
13	Пуговица	Гробница 6/2019. Нижний слой	95,73	1,78	2,04	—	0,31	0,13	—	—	—
14	Пуговица	Раскоп 16. Кв. 1. Денр	98,66	0,18	0,97	—	0,08	0,11	—	—	—

Группа 3. Пуговица (№ 72) (табл.1, 12), обнаруженная в заполнении могилы 2/2019, выполнена из серебряно-медного сплава, который покрывался позолотой (Ag 44,61%, Cu 22,34%). В сплаве зафиксированы примеси олова (Sn 4,19%) и свинца (Pb 0,23%). Содержание золота и ртути на поверхности изделий значительно выше, чем в изделиях группы № 1, и достигает, соответственно, 18,17% и 10,46%. По элементному составу пуговица № 72 близка пуговицам из раскопок городища Эски-Кермен, детально исследованных в 2018 г., однако отличается по своей конструкции наличием выпуклости на одной стороне сферы.

Таким образом, на материалах раскопок городища Эски-Кермен 2018/19 гг. можно выделить четыре группы пуговиц, различающихся как по элементному составу, так и по особенностям конструкции: группа 1 – позолоченные изделия из меди, идентичные по размеру и схожие по элементному составу; группа 2 – изделия из меди, различные по размеру; группа 3 – позолоченная сферическая пуговица с выпуклостью из серебряно-медного сплава; группа 4 – позолоченные пуговицы из серебряно-медных сплавов, идентичные по размеру и элементному составу (находки 2018 г.).

Все вышеописанные изделия имеют схожую конструкцию. Шов в центральной части сферы пуговиц свидетельствует об изготовлении застежек спаиванием двух полусфер и петли. Обследование частично фрагментированной пуговицы № 71 (группа 1) позволило установить, что петля была изготовлена из свернутой проволоки, опущена в предварительно изготовленные в верхней полусфере отверстия и припаяна. Края петли выступают из внутренней поверхности верхней полусферы не более чем на 1 мм. Процесс изготовления таких пуговиц хорошо иллюстрируют находки из новгородской мастерской на усадьбе А, функционировавшей с 1130 по 1190 гг., где обнаружены отходы производства и готовая продукция. Тиснением из листового металла формировали заготовки для производства полых сферических пуговиц и бубенчиков. Круглые заготовки давлением превращали в полусферы, спаиваемые затем в изделие. Элементный анализ показал, что новгородские заготовки выполнены из загрязненной свинцом меди [2, с. 195–196, рис. 5, 2].

Судя по находкам на плато Эски-Кермен, помимо полых, спаянных из двух половинок пуговиц, жители городища использовали и цельнолитые изделия, которые изготавливали местные ремесленники. На это указывает находка каменной формы для изготовления таких предметов в одном из помещений усадьбы 4 в квартале 1, погибшей в пожаре конца XIII в. [1, с. 254].

На территории Крыма остатки следов деятельности кузнецов, медников и ювелиров встречаются чрезвычайно редко. К синхронным материалам относятся находки в жилом квартале Херсонеса, где в комплексе 3 помещения 33 найдены следы кузнечного производства. Кроме того, металлические остатки указывают на то, что кузнец занимался мелкомасштабным литьем, включающим небольшую сварку. Исследователи отмечают, что, вероятнее всего, мастер работал в значительном дефиците материалов, поскольку отходы и обрезки на месте отсутствуют. В заполнении кузнечного горна найдена монета с моно-

граммой «ро», которая может быть датирована XII или началом XIII вв. [7, с. 204, 211–212].

Следы металлообработки обнаружены на посаде Алуштинского городища, однако они относятся к значительно более позднему периоду, нежели находки на территории городища Эски-Кермен. В раскопе, заложенном в 40 м от южной куртины крепости XV в., в нижнем горизонте культурных отложений зафиксированы остатки открытого очага в виде двух горизонтальных подов из обожженной глины. В непосредственной близости от очага обнаружена каменная двусторонняя форма для отливки крестов [9, рис. 2, 10; 14, 7; цв. илл. 1, 5]. Форма изготовлена из бруска светло-серого песчаника, в широких гранях которого проделаны крестообразные углубления под отливку однотипных крестов разных размеров. Литники отсутствуют. Об эксплуатации формы свидетельствуют следы воздействия высокой температуры внутри углублений. Готовая продукция из этой формы представляла собой кресты с прямыми закругленными концами без дополнительных украшений и специальных приспособлений для крепления. Вероятно, такие простые по форме и способу изготовления кресты бытовали на землях византийского круга на протяжении длительного времени; на территории Крыма их изготавливали вплоть до XV в. [9, с. 201, 205–206].

Сохранившиеся следы производства при раскопках городов и селищ Древней Руси фиксируются значительно чаще, чем на территории средневековых памятников Крыма. В ходе археологических исследований «Рубленого города» Ярославля найдены артефакты конца XII – XIV вв., традиционно связываемые с деятельностью ювелирной мастерской. Из интересующих нас изделий следует отметить находки литников, в том числе с остатками бракованных миниатюрных пуговиц [8, с. 185, рис. 3, № 1228]. Металлические сферические пуговицы, обнаруженные в ходе раскопок Ярославля, выполнялись из различных сплавов – свинцовой латуни, перемешанных сплавов, в которых медь перестала быть основным компонентом, а также из олова [4, илл. X, 75; XI, 102; XV, 24, 27, 84].

Вполне возможно, что часть спроса на ювелирную продукцию и детали костюма жители «пещерных городов» средневекового Крыма удовлетворяли за счет собственного производства в домашних мастерских. Аналогичная ситуация складывалась в сельской округе на Северо-Востоке Руси, где наряду с ремесленным производством в крупных городах существовало кустарное производство в отдельных небольших поселениях. Об этом свидетельствуют участки с остатками черной и цветной металлообработки на селищах XI–XIII вв. [3, с. 89, 97].

Изученные материалы из раскопок городища на плато Эски-Кермен показывают, что мы имеем дело с четырьмя группами полых паяных пуговиц, идентичных по форме, но различных по материалу и качеству изготовления, а также с их литыми аналогами. Такое разнообразие, большой разброс в качестве и, соответственно, в стоимости материала застежек свидетельствуют о разном уровне достатка их владельцев. Значительное количество разнообраз-

ных изделий, а также находка каменной формы для отливки пуговиц на городище свидетельствуют о наличии спроса на данные предметы у всех слоев населения и стремлении местных ремесленников частично удовлетворить этот спрос.

Литература

1. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – 2019. – Вып. XXIV. – С. 250–276.
2. Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Москва-Псков, 2017. – С.187–203.
3. Зайцева И. Е. Изготовление металлических украшений на сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси // КСИА. – 2007. – Вып. 221. – С. 89–98.
4. Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А. Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточной Руси (по материалам исследований в средневековом Ярославле // КСИА. – 2014. – Вып. 233. – С. 193–208.
5. Клейн Л. С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.
6. Лобода А. Ю., Антипенко А. В., Преснякова Н. Н., Ретивов В. М., Ващенко Е. С., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б. Особенности изготовления полых сферических пуговиц XIII – начала XIV вв. (по находкам из могилы 1/2018 на плато Эски-Кермен) // МАИЭТ. – 2019. – Вып. XXIV. – С. 277–287.
7. Рабиновиц А., Седикова Л. В. Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV. – С. 196–274.
8. Сапрыкина И. А. Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 170–187.
9. Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Дом ремесленника на посаде Алуштинского городища (по материалам раскопок 2009 г.) // ИАК. – 2019. – Вып. IX. – С. 198–224.

*Блинова А. Н.,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, Омск*

*Blinova A. N.,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

MUSEUM COLLECTIONS OF RUSSIAN GERMANS AS A FACTOR OF FORMATION AND PRESERVATION OF IDENTITY

Аннотация. Музеи для российских немцев стали одним из основных инструментов презентации культурного наследия и своей идентичности. В статье даны обзор и краткая характеристика музеев, представлены интересные практики. Раскрыты особенности презентации двух центральных тем – этнокультурного наследия и этноистории. Именно эти темы во многом являются основой для формирования и сохранения идентичности российских немцев.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, этнографические коллекции, российские немцы, идентичность.

Abstrakt. Museums for Russian Germans have become one of the main tools for presenting cultural heritage and identity. A review and brief description of museums is given in article, interesting practices are presented. The features of the presentation of two central themes - the ethnocultural heritage and ethno-history are disclosed. These topics are largely the basis for the formation and preservation of identity of Russian Germans.

Key words: museum, cultural heritage, ethnographic collections, Russian Germans, identity.

Музеи для российских немцев – одна из основных форм презентации и сохранения этнокультурного наследия и собственной идентичности. Первые музеи и музейные экспозиции появляются в 1920-е гг. в Республике немцев Поволжья (АССР НП). В Марксшадте (совр. г. Маркс) был создан в 1919 г. Национальный музей, а в Покровске (совр. г. Энгельс) в 1925 г. – Центральный музей АССР НП [1, с. 224]. Однако с изменением национальной и музейной политики в 1930-е гг. музейная работа стала сворачиваться, а музеи расформировываться.

Новый этап музейного строительства начался в 1990-е гг. Музеи российских немцев стали создаваться массово. Этот процесс был реакцией на эмиграционное движение; много предметов поступило от семей, которые выезжали в Германию. Таким образом были спасены от уничтожения много-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)».

численные предметы крестьянского быта, инструменты и орудия труда, предметы женского рукоделия и многое другое. Инициаторами создания музеев часто выступали местная интеллигенция (учителя, заведующие библиотеками), представители творческих профессий (художники) и просто увлеченные историей и краеведением люди. Помимо общественных музеев к этому процессу подключились и государственные путем целенаправленного формирования коллекций, проведения экспедиций, создания постоянных экспозиций и выставок.

Наиболее крупные коллекции по истории и культуре российских немцев хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее, Саратовском областном музее краеведения и его филиалах, музее-заповеднике «Старая Сарепта».

«Немецкая» коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея насчитывает более двух тысяч единиц хранения. Музей начал целенаправленное комплектование коллекций по истории сибирских немцев в конце 1980-х гг. в преддверии выставки «О времени, о судьбах, о себе», посвященной проблемам истории российских немцев. Наиболее активная работа по формированию фонда музея по этноистории немцев приходится на период 1993–2000 гг. Именно в это время проводятся комплексные экспедиции сотрудников музея в места компактного проживания немцев, были обнаружены и отреставрированы уникальные предметы народной культуры немцев Сибири – надворные печи, гладильный станок, кровать, пианино, шкаф и многие другие элементы материальной культуры немецкого этноса. Все собранные материалы за время экспедиций стали основой для составления альбома-каталога, изданного музеем в 2017 г. [2]. Альбом демонстрирует 1000 наиболее интересных музейных предметов по истории и культуре немцев России, сосредоточенных в трех разделах книги: изобразительные источники, письменные и вещественные.

Районные краеведческие музеи в разной степени представляют «немецкую» тематику. В некоторых из них предметы истории и этнографии российских немцев составляют основу экспозиции, как, например, в Азовском районном историко-краеведческом музее Омской области и его филиалах, Межпоселенческом музее истории Немецкого национального района в с. Гальбштадт Алтайского края, Литковском сельском отделе Тарского районного историко-краеведческого музея Омской области. В других музеях они представлены отдельными разделами в постоянной экспозиции, как в случае со Славгородским городским краеведческим музеем Алтайского края или Исилюльским историко-краеведческим музеем Омской области.

Число общественных музеев (сельских, школьных, музеев при общественных организациях российских немцев) преобладает над государственными учреждениями. Яркие и самобытные музеи находятся в с. Ананьевка и Подсосново Алтайского края, с. Неудачино Новосибирской области, с. Колыон Кемеровской области и др.

Школьные музеи часто «вырастали» из кружковой работы. Например, в 2000 г. Светлана Абрамовна Генрхс организовала в Гришковской средней школе Алтайского края краеведческо-этнографический кружок «Искатель». Изучение истории народа – одно из важных условий формирования этнической идентичности, исторической и коллективной памяти. Дети изучали источники, собирали воспоминания старожилов села, писали исследовательские работы, организовывали этнографические экспедиции и поездки в те места, где прежде находились немецкие села. «С первых же дней существования кружка мы думали о создании музейного уголка или музейной комнаты для собранных экспонатов, мечтали о реконструкции дома немцев – основателей села. Сегодня наша мечта воплощена в жизнь» [3, с. 4]. Причем эта мечта воплощена оригинально и на высоком художественном уровне. В музее «Колесо истории» возведены стены дома и уложена крыша по традиционным технологиям, а внутри в мельчайших подробностях реконструирован интерьер. Основу большинства коллекций составляют этнографические материалы, однако широко представлены и религиозная литература, документы, фотографии. Основной экспозиционный прием – реконструкция интерьера немецкого жилища. Сегодня в этнографическом музее происходят воссоздание смыслового поля культуры и актуализация этничности через вещи-символы; посетителю дается возможность увидеть, потрогать, почувствовать ушедшую народную культуру.

Для российских немцев вещи – символы: чемодан или сундук, кровать в полном убранстве, колыбель, настенное панно с религиозным изречением – шпрух, Библия, фисгармония (или другие музыкальные инструменты), традиционная обувь на деревянной подошве – шлёры, свадебный венок в футляре, пресс для изготовления колбас, маслобойка, прялка.

Применительно к немцам существует устойчивое выражение «*Volk auf dem Weg*» («народ в пути»). В музейной практике «олицетворением» этого понятия стал чемодан или сундук. Ярким воплощением такого образа является постоянная экспозиция «Распаковались» в Музее российских немцев в г. Детмольде (Германия). Каждый раз переезжая, российские немцы «собирали и распаковывали чемоданы, сундуки, ящики и сумки. Многие экспонаты, выставленные в музее, достали из таких чемоданов. Люди сохранили и привезли в них память о своей истории, о разных родинах. Чемоданы, сундуки, ящики и сумки также являются частью выставки» [4].

Традиционный немецкий интерьер жилых помещений наполнен предметами женского рукоделия, отсюда особое внимание к этому элементу в музейных коллекциях и экспозициях. Особым искусством считалось умение женщины красиво застилать кровати. Постельное белье украшалось вышивкой и кружевом. Большое внимание уделялось и убранству детских кроваток и колыбелей, которые передавались из поколения в поколение [5, с. 301]. Над кроватью вешался свадебный венок, который было принято хранить

всю супружескую жизнь. Для него делали специальный деревянный футляр (кессе) со стеклянной передней крышкой.

Вторая тема, широко представленная в музейных коллекциях и экспозициях, – этническая история российских немцев. Ее символами являются депортация, трудовая армия, спецкомендатура, Волга (для этнической группы поволжских немцев) [6, с. 18]. Основными формами презентации выступают стенды со списками мобилизованных в трудовую армию, личные вещи трудармейцев, альбомы, фотографии, справки о реабилитации и т. д. Существуют музеи, для которых тема этнической истории является основной: музей «Переселенцы XX века» В. В. Моора (г. Ухта) или Музей истории российских немцев в гимназии № 96 г. Челябинска. В 2011 г. открыт музей-заповедник «Трехречье» в Кемеровской области. Его мемориальная экспозиция «Шорский ГУЛАГ» посвящена памяти жертв политических репрессий, большую часть которых составляли поволжские немцы. Это экспозиция под открытым небом в виде типового лесозаготовительного лагеря 1930–1950-х гг. Его территория обнесена двойной линией заграждения – высоким деревянным забором и линией колючей проволоки, образующей запретную зону со смотровыми вышками. На территории музейного комплекса семь объектов: КПП, штрафной изолятор, штабной барак, клуб, столовая, жилой барак, баня-прачечная. Представлена бытовая специфика жизни заключенных-спецпоселенцев – нехитрые бытовые предметы, посуда, одежда. В музейном комплексе в отдельную смотровую площадку выделена промзона. Это интерактивная музейная зона, где расположены подлинные экспонаты, отражающие лагерное производство. Рядом с ними расположены инструменты труда заключенных. На территории лагеря находится также мемориальная композиция «Звонящая память», посвященная жертвам ГУЛАГа.

Кроме того, в музейных экспозициях поднимается тема вклада российских немцев в общее дело победы в Великой Отечественной войне, присутствуют материалы о немцах-фронтовиках и немцах – Героях СССР. Так, в Марксовском краеведческом музее (филиал Саратовского областного музея краеведения) рассказывается о судьбе Героя СССР Вольдемара Карловича Венцеля, уроженца села Орловское Маркшадтского кантона, подделавшего свои документы и уже под именем Владимира Кирилловича Венцова ушедшего на фронт [7, с. 31]. В Музее истории российских немцев прогимназии «Кристина» г. Томска подготовлены две выставки – «Защитники Родины» и «О российских немцах – Героях Советского Союза».

Музеи являются местом, где актуализируется этническая идентичность российских немцев, его пространство используется не только как выставочное или экспозиционное. Например, в Музее истории, культуры и религии российских немцев при Центре немецкой культуры г. Ухты показывают спектакли о судьбе и истории российских немцев. Одним из последних был спектакль «Память — мой злой властелин», посвященный 70-летию депортации.

Таким образом, «музейная сеть» российских немцев охватывает основные районы проживания немецкого населения в России. Большинство экспозиций посвящены их этнографии и традиционной культуре, другой доминирующей темой музейных собраний является «переживание» трагических страниц истории народа. Сейчас можно с уверенностью сказать, что музеи взяли на себя роль трансляторов этнически значимой информации, поддержания культурной памяти народа и формирования этнической идентичности.

Литература

1. Флейман Е. А. Из истории краеведения в Автономной Республике немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Российско-Германской научной конференции. – М., 1995. – С. 223–232.
2. История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея: Альбом-каталог. – Омск, 2017. – 302 с.
3. Генрихс С. А. Приветственное слово // Biz – Bote. – 2017. – № 3. – С. 4–5.
4. Dauerausstellung «Ausgepackt» // Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.russlanddeutsche.de/de/museum/ausstellungen/dauerausstellung-ausgepackt.html> (дата обращения 21.04.2020).
5. Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. – М., 2016. – 315 с.
6. Киссер Т. С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. – СПб., 2019. – 372 с.
7. Аврамиди И. Н. Хранитель времени и визитка города // Biz – Bote. – 2018. – № 3. – С. 30–32.

*Васильев Н. Ю.,
Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет, Москва;
Овсянникова Е. Б.,
Московский архитектурный институт
(Государственная Академия)*

*Vasiliev N. Yu.,
National Research Moscow State University
of Civil Engineerin, Moscow;
Ovsyannikova E. B.,
Moscow Architecture Institute, Moscow*

**УНИКАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ А. Л. ШЕФФЕРА (1924–2020)
В Г. СЕВАСТОПОЛЕ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

**UNIQUE CONSTRUCTION OF A. L. SCHAEFFER (1924–2020)
IN SEVASTOPOL AS A POTENTIAL MONUMENTS
OF ARCHITECTURE OF FEDERAL SIGNIFICANCE**

Аннотация. В статье рассматриваются проекты и постройки старейшего зодчего г. Севастополя, выпускника Московского архитектурного института А. Л. Шеффера (1924–2020). Лучшие из его монументов достойны стать памятниками федерального значения, так как без них немыслим сегодняшний архитектурный облик города.

Ключевые слова: А. Л. Шеффер, Севастополь, послевоенное восстановление, монументы

Abstrakt. The article discusses the projects and buildings of the oldest architect of Sevastopol, a graduate of the Moscow architectural Institute, A.L. Scheffer (1924–2020). The best of its monuments are worthy of becoming monuments of Federal significance, since without them the current architectural appearance of the city is unthinkable.

Key words: A. L. Scheffer, Sevastopol, Postwar reconstruction, monuments

Адольф Львович Шеффер, один из самых известных архитекторов г. Севастополя в XX в., родился в Одессе в 1924 г. С детства его завораживали образы необыкновенных общественных зданий, проектировавшихся в 1930-е гг. – Дворца Советов, выставочных павильонов СССР в Париже и Нью-Йорке. Родственники помогли с выбором будущей профессии. «Моя семья, – как писал сам Адольф Львович, – мать Анна Адольфовна Шеффер, моя бабушка – Розалия Гиммельфарб (урожденная Грановская), отец, живший в Москве, – кинорежиссер «Мосфильма», большевик с 1922 года, Лев Борисович Шеффер, мой двоюродный дед – Лев Борисович Грановский, профессор педиатрии, одобчительно отнеслись к моему выбору. (...) С этого самого момента все неосознанное любование архитектурой Одессы превратилось в осмысленное и настойчивое ознакомление с новым для меня миром искусства. Я окунулся с головой в чтение журналов по архитектуре (тогдаш-

ней «Архитектуры СССР»), изучал историю архитектуры, делал выписки из книг, составлял списки литературы из десятков наименований. Это самообразование, как оказалось, мне очень пригодилось в дальнейшем. Отец из далекой Москвы прислал толстенный том Леона Альберти «О зодчестве», дед из Горького – «Историю архитектуры» Гартмана» [2, с. 13].

Когда в 1945 г. будущий архитектор направился в Москву, чтобы готовиться к поступлению в Московский архитектурный институт, его родственники сделали все возможное для получения образования. «Мой двоюродный дед, Лев Грановский, был необычным человеком. Будучи меньшевиком, в 1917–1918 гг. он отказался от предложения В. И. Ленина занять пост народного комиссара здравоохранения. Жил в Горьком, что впоследствии, вероятно, спасло ему жизнь. Его жена, старенькая тетушка, переводчица на семи языках, Мария Исаковна, по приезду в Москву для поступления в Архитектурный институт, тепло приняла меня и поселила в дядином рабочем кабинете, где я готовился к экзаменам» [2, с. 13].

Огромное значение для становления А. Л. Шеффера как архитектора имели его непосредственные контакты в Московском архитектурном институте с великими советскими зодчими, о которых он рассказывает так: «Прошли годы. Но я никогда не забуду моих педагогов архитектурной школы Ивана Владиславовича Жолтовского – академика Михаила Павловича Парусникова, автора восстановления центра Минска, и Александра Ивановича Зайцева, автора архитектурного оформления автомагистрали Москва – Минск» [3, с. 14].

В 1950 г. А. Л. Шеффер, ученик М. П. Парусникова, сразу же после получения диплома был распределен в Севастополь. Как он рассказывал сам, ему предлагали иные варианты на Крайнем Севере, но он, одессит, выбрал именно этот южный приморский город.

Многим хорошо известны самые знаковые сооружения А. Л. Шеффера в г. Севастополе, возведенные в 1960–1980-е гг. – белый обелиск «Штык и парус» на мысе Хрустальный и Триумфальная арка, расположенная на въезде в город со стороны Сапун горы [1, с. 255–256]. Однако то, что этот архитектор сразу же по приезду в город создал ряд проектов жилых зданий, соответствовавших облику послевоенного Севастополя, знают далеко не все.

В числе самых ранних работ А. Л. Шеффера в Севастополе его конкурсный проект, выполненный еще в 1950 г. Тогда он принял участие в конкурсе на «Доску Почета», установленную на площади Нахимова, и занял в нем второе место. Это весьма монументальное сооружение выстроено по проекту архитекторов А. Ларионовой и Д. Меншикова. Оно обрамляет поворот Приморского бульвара и имеет выпуклую форму, тогда как А. Л. Шеффер видел это сооружение несколько иной, вогнутой, формы, а перед ним, в створе проспекта Нахимова, здесь круто поворачивающего, он предложил поставить монументальную колонну [5].

В 1951 г. А. Л. Шефферу было поручено переделать фасады двух жилых домов за Ушаковой балкой для работников Морского завода

им. С. Орджоникидзе (в районе 1-го бастиона). Два одинаковых корпуса, в плане Г-образной формы, примечательны желанием архитектора создать нарядный внешний фасад квартала и, одновременно, сделать уютным двор с центральной аллеей. Предыдущий проект домов был практически готов, но их фасады были представлены в духе предвоенной, более строгой архитектурной моды. Поразительно, что выпускнику вуза дали не просто перечерчивать чужие проекты, но и прорисовать по-новому фасады зданий. После этого А. Л. Шеффер занял должность главного архитектора завода, о чем подробно рассказал в своей последней книге «Время вспомнить о былом». Из нее следует, что архитекторов в послевоенном Севастополе остро не хватало, тем более выпускников московской архитектурной школы [3].

Самостоятельно в 1953–1954 гг. А. Л. Шеффер выполнил проект жилого дома для Центрального конструкторского бюро «Черноморец» на улице Маяковского, 3. Рядом несколько других домов для этой же организации входят в архитектурный ансамбль, созданный знаменитым московским зодчим Леонидом Павловым (1909–1990), спроектировавшим также и офисное здание конструкторского бюро на площади Лазарева. Оно имеет хорошо узнаваемую ротонду. Вновь А. Л. Шефферу досталась прорисовка фасадов, так как почти все квартиры в новых домах выполняли на основе типовых проектов, присланных из Москвы или разработанных В. П. Мелик-Парсадановым и другими севастопольскими коллегами.

Надо сказать, что вся застройка центрального городского кольца стала результатом творческого соревнования именитых и молодых зодчих. Получив возможность построить жилой дом на ул. Маяковского, Адольф Львович вычертил развертку всей улицы, чтобы вписать свою постройку среди возводимых коллегами объектов. Он скорректировал высоту своего здания по карнизам окружающих домов, несмотря на сильный уклон улицы, спускающейся к Артиллерийской бухте. Он гордился соседством с творением уже тогда авторитетного архитектора Л. Н. Павлова, лидера периода архитектуры советского модернизма 1960–1970-х гг.

Не все проекты А. Л. Шеффера были реализованы. Так, с 1954 г. он разработал чертежи роддома на улице Гоголя, жилого дома из двух корпусов на Корабельной стороне, жилую застройку Лабораторного шоссе. И во всех случаях, как и раньше, решал задачи поиска внешне выразительной архитектурной пластики. Но к концу 1950-х гг. критика помпезной архитектуры превратилась в «борьбу с излишествами». Разумеется, технологическая устарелость строительной индустрии, большое количество ручного труда – все это потребовало пересмотра общей архитектурной направленности, совершенно иной к тому времени на Западе.

На смену ретроспективной архитектуре пришел модернизм (интернациональный стиль), и А. Л. Шеффер стал первым послевоенным модернистом Севастополя, автором одной из самых новаторских построек – всем известного Центрального рынка (Пассажа). Этот проект он начал в 1956 г., завершил в 1963 г., когда о декоративных фасадах уже не вспоминали, хотя

они и продолжали украшать центральные улицы города. Первый вариант этого сложного инженерного сооружения был типовой, его чертежи прислали для реализации. Но Адольф Львович не согласился исполнять рабочие чертежи мрачного, полутемного внутри здания. Он придумал, как улучшить будущий торговый зал, выполнив его с ярким верхним светом. Здание получилось внешне скромное, но его легкий декор, прорисованный еще в 1956 г., так и не был выполнен. Лишь после многолетнего хождения по кабинетам власти его уникальный проект был принят [3, с.78–82, 103; 5]. Эта постройка – одна из архитектурных достопримечательностей Севастополя, и она достойна стать памятником федерального значения.

Как зодчий, имеющий высокий статус, Шеффер занимался реставрацией и реконструкцией целого ряда памятников архитектуры, разрушенных во время войны. К числу их относятся символ Севастополя – памятник Затопленным кораблям, о котором А. Л. Шеффер написал целую исследовательскую работу [3, с. 61–63; 4], мостик в Приморском парке и «Башня ветров» (вентиляционная шахта сгоревшей Морской библиотеки). Занимался он также реставрацией обелиска на Сапун-горе и многих других объектов [5].

Особое место занимает проведенная А. Л. Шеффером реконструкция здания Института физических методов лечения им. И. М. Сеченова (здание 1914 г.), ставшего Дворцом пионеров в середине 1960-х гг. [3, с. 94–101; 5]. Интерьерам Дворца в 1964–1966 гг. был придан характер публичного комплекса. К сожалению, эта постройка, как и все лучшие общественные и жилые здания Севастополя, имеет сейчас статус памятников регионального значения.

А. Л. Шеффер стал ведущим автором мемориальных сооружений Севастополя. Он создал огромное количество проектов монументов, реконструкций утраченных памятников, установленных в память о событиях Первой обороны города 1854–1855 гг. Большинство проектов реализовано вместе со скульптором и близким другом С. А. Чижом. Самое известное из них – мемориал «Борцам подполья 1942–1944 годов», мощная каменная стена, из которой выдвигается мужская фигура [1, с. 255–256; 3, с. 73–78]. Здесь был похоронен скульптор и рядом с ним А. Л. Шеффер, умерший 23 марта 2020 г.

Главное произведение А. Л. Шеффера и С. А. Чижов видят сегодня все жители и гости Севастополя. Это белоснежный шестидесятиметровый «Обелиск Славы городу-герою». Он напоминает парус, заметный издалека. Нелучайно его народное название «Штык и парус». Памятник был создан А. Л. Шеффером вместе с киевскими архитекторами и открыт в 1977 г. Это уникальное сооружение было воздвигнуто при активном содействии А. И. Баглева и В. М. Артюхова (на тот момент главного архитектора города и его заместителя), сумевших доказать важность установки такой доминанты в планировке Севастополя. Оно также достойно статуса памятника архитектуры федерального значения [1, с. 255–256; 3, с. 139, 169; 5].

Знаковой для образа Севастополя стала Триумфальная арка, установленная на въезде в город со стороны Сапун-горы. Это уникальное сооружение, созданное по чертежам А. Л. Шеффера, было возведено к двухсотлетию города в 1983 г. Ей также сейчас необходим высокий охранный статус федерального уровня.

Литература

1. Военные строители Черноморского флота. Историческая хроника. – Севастополь, 1997.
2. Заслуженный архитектор Украины Адольф Шеффер. – Севастополь, 2004.
3. Шеффер А. Л. Время вспомнить о былом. – Севастополь, 2016.
4. Шеффер А. Л. Памятник затопленным кораблям. Об особенностях творческого метода Адамсона, Фельдмана и Энберга // Севастопольские известия. – 2018. – № 46 (1996). – 24 ноября 2018 г. – С. 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/noyabr_20181/n_46_1996-_subbota].
5. Овсянникова Е. Б., Васильев Н. Ю. Старейший зодчий Севастополя. 29 ноября Адольфу Львовичу Шефферу исполнилось 95 лет // Севастопольские известия. – 2019. – № 47 (2048). – 30 ноября 2019 г. – С. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/yanvar_20191/n_47_2048-_subbota].

*Ганцев В. К.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Gantsev V. K.,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

**СКАЛЬНЫЕ ВИНОГРАДОДАВИЛЬНИ
«ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» КАЧИ-КАЛЬОН:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

**THE ROCK-CUT WINE PRESSES AT "CAVE CITY"
KACHI-KALON: PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDIES**

Аннотация. История исследований Качи-Кальона и скальных виноградодавилен, расположенных в его округе, насчитывает более 180 лет. Тем не менее на сегодняшний день данный «пещерный город» в археологическом плане практически не изучен. В специальной научной литературе содержится различная информация о количестве давилен для винограда, фиксируемых на Качи-Кальоне. Упоминание о 120 тарапанах является скорее хрестоматийным, чем достоверно подтвержденным фактом. Ввиду отсутствия общепринятой и разработанной хронологии для Качи-Кальона затруднительна и датировка винодельческих комплексов, функционирование которых, по аналогии с другими подобными памятниками в Юго-Западном Крыму, относят к VIII (IX) – XI вв. Повторное обращение к изучению скальных виноградодавилен Качи-Кальона представляется крайне перспективным, так как позволяет ликвидировать существующий пробел в археологии.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, «пещерные города», Качи-Кальон, археология, виноградарство, виноделие, скальные виноградодавильни.

Abstrakt. The history of research of Kachi-Kalyon and rock-cut wine presses villages located within its borders has more than 180 years. However, to date, this "cave city" in the archaeological plan is almost not studied. The special scientific literature contains various information about the number of grape presses fixed on the Kachi-Kalyon. The mention of 120 tarapans in various works is more a textbook than a reliably confirmed fact. The lack of a generally accepted and developed chronology for Kachi-Kalyon makes it difficult to date wine complexes, the functioning of which, by analogy with other similar monuments located in the South-Western Crimea, is attributed to the VIII (IX) – XI centuries. Re-turning to the study of the rock-cut wine presses located on Kachi-Kalyon is extremely promising, as it allows you to eliminate the existing gap in archaeology.

Key words: South-Western Crimea, "cave cities", Kachi-Kalyon, archaeology, viticulture, winemaking, rock-cut wine presses.

В последнее время возрос интерес к изучению материальных остатков виноделия в средневековом Крыму [1; 3; 4; 12]. Анализ специальной научной литературы демонстрирует, что в Юго-Западном Крыму фиксируется

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным».

более 200 скальных виноградодавилен (тарапанов), датированных эпохой средневековья [9, с. 132]. Винодельческие комплексы расположены на территории или в округе так называемых «пещерных городов» Крыма и в пределах Гераклейского полуострова. Большая часть интересующих нас производственных комплексов сосредоточена на Качи-Кальоне¹, который на сегодняшний день является менее всего изученным в археологическом плане памятником, что ставит перед исследователями средневекового виноградарства и виноделия ряд научных проблем.

Качи-Кальон традиционно относится к группе «пещерных городов» и находится в 6,5 км к югу-юго-востоку от г. Бахчисарая, между селами Предущельное и Баштановка, на правом берегу р. Кача, юго-западном склоне горного массива Фыцки-Кая-Баш. На территории Качи-Кальона расположено около 118 искусственных пещерных сооружений, выполняющих различные хозяйственные функции, особое место среди них занимают монолитные скальные виноградодавильни.

Обилие специализированных винодельческих комплексов в пределах «пещерного города» Качи-Кальон удивляло как путешественников, так и исследователей. Назначение прямоугольной в плане вырубки, соединенной каналом или сливом с параболическим в сечении суслоприемником, трактовалось однозначно – как предназначенной для прессования винограда.

Виноградарство Качинской долины имеет длительную историю. Первые письменные сведения о виноградниках в долине р. Кача содержатся в «Книге путешествия» Э. Челеби середины 60-х гг. XVII в. [28, с. 29]. После присоединения Крыма к Российской империи виноградники в этом регионе упоминаются в работах К. И. Габлица [8, с. 74], П. С. Палласа, П. И. Сумарокова [27, с. 171–172]. При этом П. С. Паллас отмечает, что вино Качинской долины «сладковатое» по причине благоприятных климатических и почвенных условий [22, с. 34–35] и «часто бывает подобно шампанскому» [23, с. 49].

Первое в историографии упоминание о наличии на Качи-Кальоне скальных виноградодавилен, схожих с теми, что фиксировались в пределах ближней хоры Херсонеса, принадлежит Ф. Дюбуа де Монпере, посетившего Крым в 1831–1834 гг. [14, с. 263]. Путешественник также реконструировал процесс переработки винограда в давильнях, основанный на применении рычажного пресса. О наличии на Качи-Кальоне давилен для винограда вскользь упоминает Ш. Л. Монтандон [19, с. 179], побывавший в Крыму практически в одно и то же время, что и Ф. Дюбуа де Монпере.

Открытые на Качи-Кальоне скальные виноградодавильни становятся своего рода визитной карточкой памятника [26, с. 187]. О них знал ученый виноградарь М. К. Баллас, автор историко-статистического очерка по вино-

¹ Современное состояние источниковедческой базы касательно истории исследования «пещерного города» Качи-Кальон представлено в работе Ю. М. Могаричева [18]; в данной публикации мы акцентируем внимание на изучении винодельческих комплексов.

делию в России [2, с. 4]. Исследователь приводит, как доказательство развития виноградарства в Качинской долине, отрывок из «Трактата о торговле на Черном море» 1762 г., составленного консулом при крымском хане Карлом Пейсонеллем, в котором говорится, что на «...Бельбеке, Каче и Альме [находятся] центры виноградного производства» [2, с. 7].

В 1915 и 1916 гг. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (КОЕЛП) организывает две экскурсии на Качи-Кальон с целью изучения памятников «пещерного города» [20, с. XIX; 21, с. 25]. Кроме всего прочего участниками «экскурсии» было зарисовано 13 тарапанов [17, л. 7].

Новый, качественный этап в изучении винодельческих комплексов Юго-Западного Крыма связан с организацией и деятельностью Эски-Керменской археологической экспедиции под руководством Н. И. Репникова в 30-е г. XX в. Сотрудниками экспедиции в 1930 и 1933 гг. на территории Качи-Кальона были проведены археологические разведки, в результате которых зафиксированы несколько виноградодавлений [24, с. 104–107]. Н. И. Репниковым впервые высказано предположение, что обилие скальных виноделен на Качи-Кальоне свидетельствует о массовом, то есть экспортном характере местного виноделия [24, с. 107; 25, с. 287].

В 1954 г. к археологическому изучению Качи-Кальона обратился Е. В. Веймарн [6, с. 7]. Им, в частности, было зачищено несколько виноделен, пронумеровано 60 тарапанов. Часть материалов этих работ недавно была опубликована В. В. Лавровым [16, с. 350–353].

Первой работой, в которой были собраны данные о месторасположении зафиксированных к 60-м гг. XX в. памятников виноделия в Юго-Западном Крыму, была статья Е. В. Веймарна [5]. Автору известно в данном регионе Крыма не менее 103 тарапанов, при этом более 70 из них приходится на Качи-Кальон и его округу [5, с. 115]. Е. В. Веймарн предложил гипотезу, согласно которой возникшие в VIII–IX вв. в Юго-Западной Таврике скальные виноградодавильни связаны с подъемом экономики региона в этот период, безопасностью торговых путей, проходивших через Хазарский каганат, который был местом сбыта произведенного вина, и возрастанием роли приморских городов, специализированных на транзитной торговле [6, с. 34]. В небольшой работе «Корабль» на Каче» Е. В. Веймарном озвучена цифра в 120 тарапанов, расположенных на Качи-Кальоне, которые могли перерабатывать свыше 250 тонн винограда [6, с. 36]. Им же вскользь упомянуты виноградодавильни на поселении Фыцки, расположенном на северо-западном склоне Качи-Кальонского плато [6, с. 16].

Виноградодавильни на Качи-Кальоне были известны А. Л. Якобсону, также датирующему эти винодельческие комплексы VIII–IX вв. и считающему их, в отличие от Н. И. Репникова и Е. В. Веймарна, примерами домашнего производства вина [29, с. 154].

Крымский исследователь дикорастущего винограда В. М. Маликов, сотрудник Крымского сельскохозяйственного института, приводит данные о

более 122 виноградодавильнях на территории Качи-Кальона [17, л. 2]. По его подсчетам, для функционирования качи-кальонских виноделен понадобилось бы около 370 га виноградников [17, л. 18].

К изучению скальных виноградодавилен обратился харьковский краевед А. А. Гуськов [13]. Исследователь зафиксировал на Качи-Кальоне 83 «виноградодавильни-тарапана» [13, с. 240]. Он отметил, что часть виноделен пронумерована (разведки Е. В. Веймарна 1954 г.), но существует разрыв между тарапанами № 44 и 82. Автором предпринята попытка типологического деления виноградодавилен, основанная на морфологических признаках тарапанов: форма давящей площадки и суслоприемника, наличие или отсутствие бортиков, месторасположение пазов для конструкции рычажного пресса. При этом не приведены планы всех виноделен, а те, что имеются [13, с. 241–245 (рис. 2–9)], скорее носят схематический характер. Основные выводы о значении виноделия в жизни средневекового населения Качи-Кальона дублируют в целом положения статьи Е. В. Веймарна.

В 2016 г. небольшие разведки на Качи-Кальоне были предприняты В. В. Лавровым [16]. Работы на памятнике ограничились подсчетом скальных сооружений, описанием их современного состояния, графической фиксацией оборонительной стены перед Четвертым гротом. Исследователем зафиксировано всего 28 «явных тарапанных комплексов» и три «возможных тарапана».

Таким образом выглядит на сегодняшний день история исследования винодельческих комплексов «пещерного города» Качи-Кальон, насчитывающая более 180 лет. Выделим следующие проблемы изучения памятников средневекового виноделия Качи-Кальона.

1. Неизвестно точное количество виноградодавилен, расположенных в пределах Качи-Кальона. Данные о количестве давилен разнятся от 28(+/-3) у В. В. Лаврова, 83 у А. А. Гуськова до 120 у Е. В. Веймарна (в литературе встречается цифра в 200 виноделен [11, с. 473]).

2. Остается неясной топография размещения винодельческих комплексов в пределах памятника. Предложенная А. А. Гуськовым схема размещения тарпанов [13, с. 240 (рис. 1)] вызывает определенные сомнения по причине включения в общий список около 10 виноделен лишь на основании косвенных данных, когда основные конструктивные элементы давящей площадки не сохранились [13, с. 245]. До конца не ясно, ограничивается ли месторасположение тарапанов только границами Качи-Кальона или в ближайшей округе также есть подобные комплексы, о чем могут свидетельствовать отрывочные данные, приведенные Е. В. Веймарном [5, с. 115; 6, с. 16].

3. Отсутствие графических планов, подробного описания конструктивных деталей винодельческих комплексов не позволяет проводить подсчеты их производительных мощностей, выделить морфологические особенности виноделен Качи-Кальона для сравнения их с подобными комплексами, которые находятся на других памятниках Юго-Западного Крыма.

4. Отсутствие достоверных сведений о характере, мощности и датировке культурного слоя Качи-Кальона, что затрудняет определение времени функционирования винодельческих комплексов и в целом понимание памятника.

На современном этапе археологического изучения Качи-Кальона и скальных виноградодавилен, расположенных в пределах данного «пещерного города», считаем целесообразным проведение следующих работ:

1. уточнение топографической ситуации на памятнике, картографирование месторасположения выявленных виноделен;

2. проведение повторной зачистки виноградодавилен, засыпанных отслоившейся скальной породой или затянутых дерновым слоем;

3. проведение детальной графической и фотофиксации виноделен, дополненной описанием каждой давилни, что позволит создать необходимую источниковедческую базу исследования;

4. работы по зачистке и фиксации виноделен обязательно необходимо дополнить шурфовочными работами с целью определения мощности, характера и датировки культурных напластований на территории «пещерного города» Качи-Кальон.

Только после проведения перечисленных работ можно будет достоверно реконструировать историю виноградарства и виноделия на Качи-Кальоне и приблизиться к ответу на вопросы, связанные с количеством, типологией и датировкой памятников виноделия данного региона Крымских предгорий.

Литература

1. Аржанов А. Ю. Средневековые скальные винодельни Гераклеяского полуострова // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: Материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. – С. 36–46.
2. Баллас М. К. Крым, степная часть Таврической губернии, Дона и Астрахани. Часть 1 // Виноделие в России (историко-статистический очерк). – СПб., 1895. – 220 с.
3. Белый А. В. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. Материалы VI Судакской международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». – Киев, 2016. – С. 185–198.
4. Белый А. В. Виноградные давилни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник: статьи по археологии, истории, этнографии и культуре Северного Причерноморья и Крыма. – Симферополь, 2018. – Вып. 2. – С. 11–24.
5. Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. – Киев, 1960. – Вып. 10. – С. 109–117.
6. Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь, 1978. – 91 с.
7. Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. – Симферополь-Керчь, 2007. – 456 с.
8. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению и по всем трем царствам. – СПб., 1785. – 198 с.
9. Ганцев В. К. Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в Юго-Западном Крыму // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги

и перспективы исследований»: материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2019. – С. 132–137.

10. Ганцев В. К. Археологические разведки в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир в с. Большое Садовое Бахчисарайского района // ИАК. – Симферополь, 2019. – Вып. XI. – С. 73–78.

11. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X – XI вв. // Русский исторический сборник: средневековый Херсон X-XI вв. – М., 2014. – С. 433–481.

12. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавильни Мангупа // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко – Симферополь, 2019. – С. 79–86.

13. Гуськов А. А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология. – Набережные Челны, 2016. – № 7 – С. 239–247.

14. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Т. 5, 6. – Симферополь, 2009. – 328 с.

15. Лавров В. В. Археологические исследования Качи-Кальона в 1954 г. (по материалам архива Е. В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике) // ИАК. – Симферополь, 2016. – Вып. II. – С. 349–355.

16. Лавров В. В. Археологические разведки на городище Качи-Кальон (Бахчисарайский район) в 2016 г. // ИАК. – Севастополь, 2018. – Вып. VIII. – С. 79–80.

17. Маликов В. М. Виноградарство в средневековом Крыму: [рукопись]. – Научный архив Института археологии Крыма РАН, рукописный фонд. – Папка 214. – 21 л.

18. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» горной Юго-Западной Таврики в описании А. С. Уварова. – Симферополь, 2019. – 344 с.

19. Монтандон Ш. Л. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетками и предваренный введением о разных способах проезда из Одессы в Крым. – Киев, 2011. – 416 с.

20. Отчет Комиссии по охране памятников природы и старины // ЗКОЕЛП. – Симферополь, 1915. – Т. IV. – С. XVIII–XX.

21. Отчет Комиссии по охране памятников природы и старины // ЗКОЕЛП. – Симферополь, 1916. – Т. V. – С. 24–26.

22. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство / отв. ред. Б. В. Левшин, сост. Н. К. Ткачева. – М., 1999. – Т. 27–247 с.

23. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. – СПб., 1795. – 72 с.

24. Репников Н. И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. – М.-Л., 1935. – Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции: 1931–1933 гг. – С. 102–113.

25. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // ИИМК РАН НА РО. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 9/10. – 477 л.

26. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. – Одесса, 1874. – 460 с.

27. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду: ч. 1. – СПб., 1803. – 254 с.

28. Челяби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. – Симферополь, 2008. – 185 с.

29. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. – Л., 1970. – 180 с.

*Гинькут Н. В.,
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник "Херсонес Таврический"», Севастополь*

*Ginkut N. V.,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol*

**«ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ» ВЗГЛЯД АНГЛИЙСКОГО
ХУДОЖНИКА У. ХАДФИЛДА НА ФЕОДОСИЮ 1787 Г.¹**

**"PHOTOGRAPHIC" VIEW OF THE ENGLISH PAINTER
W. HADFIELD ON FEODOSIA, 1787**

Аннотация. В публикации рассматривается одна из акварелей английского художника У. Хадфилда «Старинный порт Кафы», выполненная во время путешествия в Крым Екатерины II. На акварели с фотографической точностью изображена Кефе (Каффа) – Феодосия, с системой обороны, внутренней застройкой крепости, включая цитадель, мечети, турецкие бани. Детали рисунка совпадают с описаниями путешественников и ученых, сделанными в этот же период. Данная работа является иллюстрацией к эпизоду пребывания императрицы Екатерины II в Крыму в 1787 г.

Ключевые слова: У. Хадфилд, Кефе, Феодосия, путешествие императрицы Екатерины II, мечеть Биюк-Джами, турецкие бани.

Abstrakt. The publication examines one of the watercolors by the English painter W. Hadfield "The Old Port of Kafa", made during a trip to the Crimea by Catherine II. The watercolor depicts Kefe (Kaffa) – Feodosia with photographic accuracy, with a defense system, internal buildings of the fortress, including a citadel, mosques, and Turkish baths. The details of the drawing coincide with the descriptions of travelers and scientists made in the same period. This work is an illustration for an episode of the journey of Catherine II in the Crimea in 1787.

Key words: W. Hadfield, Kefe, Feodosia, the journey of Catherine II, the Biyuk-Jami Mosque, Turkish baths.

Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. все чаще становится предметом современных исследований полуострова. Ни у кого не вызывает сомнений значимость этого события не только в истории России, но и большой игре европейских политиков. Известные материалы прошлого по данному вопросу пополняются фактами, почерпнутыми из записок путешественников и эпистолярной переписки, публикуются новые архивные документы.

Однако в последнее время исследователи Крыма конца XVIII – первой половины XIX вв. обращают свое внимание на живописные изображения ландшафтов, исторических мест и достопримечательностей полуострова. Антропогенное воздействие за последние 200 лет сделало свое разрушительное дело, утеряны видовые панорамы и целый ряд исторических памятников.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX вв.».

Сегодня, наряду с научными штудиями прошлого, описаниями путешественников, эти художественные источники дополняют наши представления об утраченных ландшафтных и исторических достопримечательностях.

Одним из таких «фотографов» крымских достопримечательностей конца XVIII в. стал английский художник Уильям Хадфилд. В качестве живописца он участвовал в поездке императрицы Екатерины II в Крым. Англичанин делал зарисовки во время всего путешествия. Закончил свои акварели уже в Санкт-Петербурге, которые оформил в альбом «Путешествие в Крым Ее Величества императрицы всероссийской, 1787 г.» [5, с. 87–88; 17, с. 34]. До сегодняшнего дня дошло лишь несколько «крымских» работ У. Хадфилда, хранящихся в Государственном Эрмитаже¹. По мнению ряда исследователей, работы английского художника «...примечательны и уникальны тем, что представляют собой живописный дневник тех мест, которые посетила Екатерина во время своего путешествия на юг» [11, с. 336–337]. Воспроизведение увиденного императрицей и стало основной задачей У. Хадфилда в этой поездке. Позже в качестве иллюстраций путешествия императрицы по Днепру и прибытия ее в Кременчуг акварели англичанина были напечатаны в работе А. Г. Брикнера «Путешествие императрицы Екатерины II в Крым» в 1885 г. [2, с. 5–23; 3].

Одна из работ У. Хадфилда посвящена Феодосии. Название ее дано в виде подписи на французском языке с ошибками «Старинный порт Кафы» (Государственный Эрмитаж, ОР-3837).

На своей акварели художник запечатлел Феодосийский (Кафинский) залив, вид на крепость, построенную еще генуэзцами. Точка обзора была выбрана не случайно. Отсюда открывается полностью древний город, недалеко от данного места находился недостроенный ханский дворец Шагин-Гирея и Монетный двор, который стал объектом посещения Екатерины II во время визита в Феодосию 28 мая 1787 г. [6, с. 495]. Для встречи императрицы «на исправление дворца в Феодосии потрачено 2597 р. 61 коп.»; 25 домовладельцев уступили свои домовладения для ее свиты [14, с. 123, 132, 134].

Екатерина прибыла со своей свитой в час дня по полудню, ей была организована традиционная пышная встреча местных жителей и дворянства, отобедала, затем вместе с императором Иосифом II осмотрела Монетный двор [6, с. 495]. Первоначально планировался ночлег в Феодосии, но впоследствии от него отказались, ограничившись лишь обедом и посещением Монетного двора, где в честь путешествия по Крыму отчеканили две золотые медали с обозначением года, месяца и дня посещения, а также со знаменитым изречением: «Путь на пользу!». Медали были преподнесены Г. А. Потемкиным Екатерине и Иосифу. Буквально через пару часов императрица вернулась в Старый Крым [3, с. 260; 6, с. 495–496; 14, с. 80, 132–136; 22].

¹ Выражаю свою искреннюю благодарность за возможность использования работ У. Хадфилда заместителю генерального директора Государственного Эрмитажа, главному хранителю, к. и. н. С. Б. Адаксиной и сотрудникам Отдела западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа.

Осмотр старого города императрица не произвела, вероятно, ограничившись лишь общими видами. Спутник Екатерины II по путешествию в Крым Л. Ф. Сегюр в своих записках заметил: «...Мы нашли в нем [в городе] едва 2000 жителей, бродящих среди развалин храмов, дворцов, пышных зданий; здесь царствовало безмолвие разрушения. При взгляде на эту мрачную картину, столь противоположную с волшебными созданиями, доселе поразившими взоры императрицы, она не могла удержать порывы грусти...» [18, с. 33–34]. Шарль-Жозеф де Линь, восхищавшийся всей поездкой в Крым, был более радостен в описании мест: «...Вот обширный город, достопримечательный своими мечетями, банями, древними храмами, древними торговыми магазинами, своей пристанью и, наконец, всеми остатками величия, снова возникающего...» [12, с. 138].

У. Хадфилд сосредоточил внимание именно на виде самой турецкой крепости Кефе, поскольку она имела ключевое значение в торговле Оттоманской Порты на Черном море [8]. Несмотря на гнетущее впечатление, которое произвел на спутников вид запустевшей Феодосии, нужно отметить, что этот город все же сохранил облик былого величия. Художник с топографической точностью изобразил полный контур оборонительной системы Кефе, включая перестройки предыдущих времен, как, например, укрепление в османский период угловой башни Св. Константина с «турецкой крепостницей», что синхронизируется с Планом города Кафы 1784 г. [16, табл. IV].

Живописец подчеркнул неполный вид оборонительных сооружений: местами в стенах имеются пробоины, частично обрушились башни. Наиболее близко к зафиксированной У. Хадфилдом системе обороны подходит описание П. С. Палласа: «...Толстые и крепкие стены ... большей частью еще целы. Они сложены из тесанного камня; их защищают, в особенности со стороны моря, многочисленные башни, ... которые расположены на расстоянии 20, 40 и 50 сажень» [7, с. 47]. Французский путешественник барон де Бар, побывавший в Феодосии в это же время, также отмечал, что «...город окружают стены с большими квадратными башнями, соединяющиеся с древним фортом на холме, который господствует над гаванью...» [21, с. 395]. Цитадель с бывшим консульским замком действительно хорошо читаются на работе У. Хадфилда, что соотносится с планами конца XVIII в., выполненными русскими офицерами [19, с. 126]. Цитадель как один из основных видовых объектов запечатлена и на работах современников У. Хадфилда – Х. Гейслера и К. Кюгельхена. [4; 8; 9, с. 227]. На акварели У. Хадфилда мы видим также на холмах внутри крепостной застройки жилые строения города, внешний вид которых, как и расположение, совпадает с описанием городской структуры у барона де Бара: «...Этот большой город почти полностью состоит из глинобитных [зданий], как и все в Крыму и на Востоке, и разделен на три части, имея большое предместье...» [21, с. 395].

Еще несколько важнейших объектов, «достопримечательностей» XVIII в., запечатлены с фотографической точностью на работе У. Хадфилда. Это, прежде всего, утраченная в XIX в. крупнейшая мечеть Кефе османского времени –

Биюк-Джами (пятничная мечеть Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами, XVI в.), которая находилась на рынке, посреди базара на узеньком участке земли [9, с. 225–229; 10, с. 181]. Достаточно полное описание мечети сохранилось у П. С. Палласа: «...Она имеет семнадцать саженей в длину и четырнадцать — в ширину. Главный ее купол — более девяти саженей в поперечнике, и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов...» [7, с. 48]. Все купола ее строений внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом [9, с. 225–227; 21, с. 270]. У. Хадфилд застал еще существующий один минарет мечети, что соответствует рисунку Х. Гейслера (1793–1794 гг.), «Виду города Кефе (Феодосия)» (1798 г.), работе И. А. Иванова «Вид Феодосии с приезде» (1803 г.) и плану архитектора Уильяма Гесте (1798 г.) [1, с. 127, илл. 5; 4; 16, табл. VII; 9, с. 228, илл. 6; 19, с. 127; 20, илл. 52].

Еще одна мечеть, Муфти-Джами (XVII в.), которая находилась на соседней рыночной площади, также изображена у У. Хадфилда. Причем художник даже подчеркнул ее архитектурные особенности — слегка уплощенный купол со световыми арочными проемами. Рисунок у Хадфилда достаточно близок к изображению мечети у В. Руссена и графике, выполненной Е. И. Лопушинской в 1966 г. [1, с. 128, 133, илл. 6; 9, с. 233–234, илл. 9; 13, № 263].

Рядом с мечетями изображена еще одна из основных достопримечательностей Каффы — турецкие бани, состоящие «...из двух больших квадратных залов, увенчанных крытым свинцом куполом...» [21, с. 408], «...два главных купола которых служат теперь местом для гауп-вахты...» [7, с. 48]. Изображение У. Хадфилда совпадает с планами бань, выполненными несколько позднее [16, табл. VIII].

Описанные объекты (мечети, бани) Каффы-Кефе были для путешественников конца XVIII в. достопримечательностями обязательными для осмотра: «...было несколько замечательных зданий, из которых и посейчас сохранялись две большие мечети и нарядно разукрашенные мрамором бани...» [15, с. 93]. Вероятно, восхищения этими объектами путешественников-современников и заставили обратить на них внимание У. Хадфилда, которые он воспроизвел с высокой точностью на своей акварели.

Рассматривая еще одну работу У. Хадфилда, изображающую Феодосию конца XVIII в., еще раз убеждаемся в реалистичности передачи художником увиденного. Как и другие рисунки этого мастера, акварель является иллюстрацией путевых заметок, «фотографической» визуализацией тех мест, которые видела во время своего путешествия Екатерина II и которые, к сожалению, сейчас частично утрачены.

Литература

1. Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // ПА. — 2016. — № 2 (16). — С. 120–137.
2. Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник. — 1885. — Т. 21. — С. 5–23.
3. Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник. — 1885. — Т. 22. — С. 242–264.

4. [Гейслер. Х. Г.] [Атлас к изданию: Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 годах]. Pallas, P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1799.
5. Гинькут Н. В. Окрестности Севастополя (Инкерман и Балаклава) в конце XVIII в. глазами английского художника Уильяма Хадфилда // XI Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеев. – Симферополь, 2019. – С. 87–94.
6. Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1787 г. – СПб., 1886.
7. Караулов Г. З. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (Продолжение) // ЗООИД. – 1883. – Т. XIII. – С. 35–107.
8. Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. – Феодосия: Коктебель, 1998, 159 с. – (Библиотека альманаха «Крымский альбом», вып. 6).
9. Кирилко В. П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // ВВИА. Вып. 10. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 222–244.
10. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). – Симферополь, 1999. – 142 с.
11. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспярых, Ю. Н. Беспярых. – СПб., 2005.
12. [де Линь] Письма, мысли и избранные творения принца де Линя, изданные баронессою Стаэль Голстеин и г-м Проппаком. – М., 1809.
13. Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2006.
14. Маркевич А. И. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. // ИТУАК. – 1891. – № 11. – С. 76–143.
15. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году». – Симферополь, 2011.
16. Погодин М. Феодосия и Судак // ЗООИД. – Т. VIII. – 1872. – С. 301–308, табл. IV, VII, VIII.
17. Путешествие в Крым: каталог выставки. – СПб., 2016.
18. Сегюр Л. Ф. «Путь на пользу». О путешествии Екатерины II в Крым в 1787 году // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Вып. 2. – Феодосия-М. 1997. – С. 12–36.
19. Смекалова Т. Н., Белик Ю. Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. – Симферополь, 2013. – 198 с. (Серия «Материалы к археологической карте Крыма», Вып. IX)
20. Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1971 гг. – Киев, 2011.
21. Храпунов Н. И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // ПИФК. – 2017. – № 4. – С. 270–291.
21. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. – Симферополь, 2015. – Вып. XX. – С. 395–430.
22. Широков В. А. Путешествие Екатерины Великой в Крым // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 283–293.

*Гогунская Т. А.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь;
Gogynskaya T. A.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

*Кармазина Н. В.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь;
Karmazina N. V.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ EDUCATIONAL POTENTIAL OF CULTURAL HERITAGE

Аннотация. В статье рассматривается вопрос использования культурного наследия как средства обучения и воспитания подрастающего поколения. Акцентируется внимание на изменениях в федеральном законодательстве в части воспитания у обучающихся чувств патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации. Освещаются аспекты использования памятниковедческого контекста на примерах из учебной и внеучебной деятельности при реализации образовательных программ как на уровнях общего, так и профессионального образования. Особое внимание уделяется проектному подходу с целью формирования проектного мышления, навыков разработки и реализации проектов в сфере изучения, сохранения и использования памятников истории и культуры.

Ключевые слова: образовательный и воспитательный потенциал, культурное наследие, памятники истории и культуры, проектная деятельность.

Abstrakt. The article observes the use of cultural heritage as a tool for the education and upbringing next generation. Highlighted the changes in Federal legislation in terms of educating students to a sense of patriotism and citizenship, respect for the memory of the defenders of the native land and the exploits of the heroes, respect for the cultural heritage and traditions of the multi-ethnic people of Russian Federation. The article presents the aspects of using the historical context based on examples from academic and extracurricular activities in the implementation of educational programs at both General and professional levels. Special attention is paid to the project approach in order to develop project thinking, skills in developing and implementing projects in the field of studying, preserving and using historical and cultural monuments.

Key words: educational potential, cultural heritage, historical and cultural monuments, project activity.

Государственная культурная политика Российской Федерации направлена на укрепление гражданской идентичности, создание условий для воспитания граждан, сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, тра-

диций, обычаев и образцов поведения, создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала и обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам.

В 2020 г. в Федеральный закон 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения, касающиеся вопросов воспитания обучающихся. В частности, Законом при определении понятия «воспитание» как деятельности, направленной на развитие личности и создание условий для самоопределения и социализации обучающихся, приоритетными направлениями обозначены «формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации». Календарный план воспитательной работы, разработанный и утвержденный образовательной организацией, должен содержать конкретный перечень событий и мероприятий воспитательной направленности, которые организуются и проводятся образовательной организацией и (или) в которых образовательная организация принимает участие, в соответствии с основными направлениями и темами воспитательной работы, в том числе предусматривающей формы и методы работы в русле патриотического воспитания и приобщения к культурному наследию.

В традиции российского образования – формирование бережного отношения к культурному наследию. В образовательных программах различных уровней общего образования вопросам ознакомления с памятниками истории и культуры уделяется внимание во внеурочной деятельности через краеведческие курсы и социокультурное проектирование, а также в рамках внеучебной работы (волонтерские акции и проекты, субботники по благоустройству памятников, экскурсии и посещения памятных мест, квесты и флеш-мобы и др.).

В соответствии с ФГОС СОО курс «Индивидуальный проект» с 2020/21 учебного года является обязательной частью учебного плана среднего общего образования. Индивидуальный проект выполняется обучающимся самостоятельно под руководством тьютора в рамках одного или нескольких учебных предметов. Сегодня актуально связывать тематику социального или исследовательского индивидуального проекта с вопросами охраны культурного наследия. Направлениями таких социокультурных проектов могут быть:

- проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений;
- восстановление имен советских воинов, внесение изменений в мемориальные надписи воинских захоронений;
- установление судеб родственников или жителей родного края, принимавших участие в Великой Отечественной войне;

- занесение восстановленных имен и других сведений о них в книги Памяти и информационные системы;
- создание мемориальных музеев в общеобразовательном учреждении или муниципалитете;
- публикации в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалов о погибших при защите Отечества, создание произведений искусства и литературы, посвящённых их подвигам, организация выставок;
- мониторинг состояния и благоустройство воинских захоронений;
- организация и проведение арт-квеста, направленного на популяризацию культурного наследия в творчестве отечественных художников, композиторов, исполнителей;
- подготовка и проведение просветительских мероприятий с целью популяризации памятников истории и культуры (лекций, дискуссий, бесед, мастер-классов, др. о важности сохранения культурного наследия); ведение просветительской работы с жителями своего региона;
- популяризация культурного наследия народов Крыма;
- проект цикла творческих встреч с сотрудниками музеев, археологами, реставраторами и архитекторами, направленный на популяризацию культурного наследия и профессий в сфере;
- создание каталога памятников, календаря объектов культурного наследия или памятных дат;
- проведение социологического исследования развития общественного движения, гражданских инициатив в области сохранения культурного наследия;
- волонтерские инициативы, акции, субботники.

Приобщение обучающихся к индивидуальным проектам по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия способствует формированию навыков проектной деятельности, самостоятельного применения приобретенных знаний и способов действий при решении различных задач, знакомство с отраслью помогает школьникам в профессиональном самоопределении, в том числе в этой сфере.

На сегодняшний день актуально внедрение инновационных методов и технологий в профориентационное воспитание школьников для их подготовки к осознанному выбору профессии в социокультурной сфере в соответствии с потребностью рынка труда; предоставление школьникам полной и наглядной информации, а также возможность получить первые трудовые навыки при освоении профессий и специальностей в сфере сохранения культурного наследия, повышения мотивации школьников к получению специальностей, востребованных в данной сфере.

Кроме того, все более востребованными становятся так называемые инновационные и междисциплинарные компетенции:

- инновационные компетенции (стратегическое видение, фантазия, видение возможности практического применения, настойчивость);
- творчество, многозадачность, междисциплинарные навыки;
- умение решать проблемы, аналитические навыки, критическое мышление (умение рассуждать);
- умение работать с людьми (создание команды, работа в команде);
- межкультурная толерантность и знание языков;
- управленческие навыки (лидерство, управление проектами, управление изменениями);
- социальные навыки (коммуникабельность, эмпатийность);
- навыки личной эффективности (планирование, тайм-менеджмент, гибкость).

Другими словами, современная экономика требует наличия у работника не только профессиональных, технических, но и социальных и поведенческих навыков (коммуникация, навыки совместной и самостоятельной работы), а также когнитивных навыков высокого порядка (умения решать проблемы, нестандартно мыслить). Многие из них уже сейчас востребованы на современных рабочих местах, и работодатели оценивают данные навыки при найме работников. В то же время именно по этим группам навыков работодатели отмечают особенно острую нехватку, во многих случаях – более острую по сравнению с профессиональными навыками.

Очевидно, что перечисленные компетенции необходимо развивать в школьном и закреплять в студенческом возрасте, а также на этапе «молодого специалиста». Следующий момент заключается в том, что все вышеперечисленные компетенции невозможно сформировать/развить в режиме объяснения «что это такое» и демонстрации образцов «как это выглядит». Все эти качества возникают и формируются лишь в процессе деятельности – исследовательской, проектной, производственной, управленческой.

Таким образом, внеурочная работа со школьниками должна быть ориентирована на формирование инновационных и междисциплинарных компетенций, поэтому актуально вовлекать обучающихся в систему учебных ситуаций, в ходе которых происходит культивирование вышеперечисленных компетенций.

Правительством РФ утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. Приоритетной задачей в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Музеям в данном направлении уделяется важная роль. В ходе своей деятельности они должны стремиться к духовно-нравственному развитию населения в духе патриотизма, формированию мировоззренческих и ценностных основ личности, максимально полному использованию своих потенциальных воз-

возможностей, бережному сохранению историко-культурного наследия и природных богатств края, укреплению имиджа и туристической привлекательности как страны в целом, так и отдельных регионов. Необходимо отметить, что музейная сфера – одна из самых важных информационных, образовательных, воспитательных областей культурного пространства. Сегодня музей это, в первую очередь, гарант сохранения социальной памяти, отраженной в памятниках истории и культуры (объектах культурного наследия), образовательный аппарат для молодого поколения, имиджевый культурный бренд региона.

Музейная педагогика ориентирована на передачу культурного опыта через просветительский и воспитательный процессы в условиях музейной среды. Музейно-педагогическая деятельность школьного учителя заключается во взаимодействии со школьным музеем, сотрудничестве с музеями разных видов и профилей, что может помочь педагогу решить сложные и многоаспектные задачи приобщения учащихся к истории и культуре своего родного края, обучению и воспитанию патриотизма. Использование средств музейной педагогики в процессе воспитания способствует формированию активной, патриотически воспитанной и образованной личности.

Президент РФ В. В. Путин неоднократно поднимал вопрос важности использования культурного наследия в деле воспитания гражданственности и патриотизма подрастающего поколения. «Непреложным фактом является то обстоятельство, что умелое использование культурного наследия, сохранение его, без всякого сомнения, является важнейшим фактором развития государства и его укрепления [1]. Сама работа по сохранению этого наследия имеет огромное эмоциональное, воспитательное значение, укрепляет национальное самосознание народа, помогает глубже понять каждому человеку, особенно молодому, сопричастность со своим народом, его великой культурой», – подчеркнул Президент на встрече с представителями культуры в декабре 2017 г. По итогам этой встречи он поручил создать центр информационной поддержки добровольческих организаций, занимающихся сохранением памятников культуры [2, с. 38].

Выполняя функцию исторической памяти народов, историческое наследие способствует продуцированию социального оптимизма, государственного патриотизма, национального единства и других позитивных гражданских качеств, которые так необходимы как взрослым, так и молодому поколению. Важно не только научить подрастающее поколение следовать традициям, чтить память предков, но необходимо и пробудить интерес к познанию своей истории, к привитию навыков учиться в течение всей жизни. Действия по укреплению в обществе духовно-нравственных норм и ценностей сегодня приобретают особую ценность и содержат в себе важную смысловую нагрузку, особенно в студенческой молодежной среде. По мнению Д. С. Лихачева, «память – основа совести и нравственности, память – основа культуры, «накопленной» культуры, память – одна из основ поэзии – эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память –

это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство» [3].

Одной из приоритетных задач государственной молодежной политики является формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодежи, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей, проявляющей знание своего культурного, исторического, национального наследия и уважение к его многообразию. Для этого актуальны разработка и внедрение просветительских (в том числе интерактивных) программ и проектов по сохранению российской культуры, исторического наследия народов страны и вовлечение в их реализацию молодежи.

Сегодня волонтерство (добровольчество) является важным инструментом приобщения граждан к делу сохранения культурного наследия. Благодаря этому, а также системной работе с представителями профильных государственных и местных органов власти появились новые возможности для эффективного вовлечения обучающихся как общего основного, так и среднего и высшего профессионального образования в общественно-полезную деятельность. Активистами КРО ВООПИиКа в течение последних лет стала проводиться работа по организации волонтерских акций на объектах культурного наследия.

Приведем несколько конкретных примеров в данном направлении, уже реализованных, реализуемых или запланированных членами КРО ВООПИиКа, одновременно являющихся преподавателями исторического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского. В рамках изучения дисциплины «Основы проектной деятельности» на I курсе исторического факультета третий год подряд обучающиеся привлекаются к изучению проблем сохранения и популяризации объектов культурного наследия Крыма. Первое погружение в профессию историка или документоведа-архивиста происходит через реализацию проектов по мониторингу состояния памятников истории и культуры нашего полуострова. Общественный мониторинг сочетается с проведением непосредственных выездных мероприятий по благоустройству объектов культурного наследия – уборке и расчистке территорий от мусора и растительности.

Благодаря созданию виртуальной Школы наследия на базе исторического факультета из равнодушных представителей молодежи постепенно формируется новый тип профессиональных историков, занимающихся проблемами сохранения и популяризации историко-культурного наследия. Новизна заключается в новых формах деятельности по реализации общей и для старшего, и для молодого поколения цели. Выходцем Школы наследия и исторического факультета является Ксения Шульман, возглавившая на сегодняшний день крымскую проектную команду Культурного патруля – всероссийского молодежного проекта, направленного на популяризацию темы сохранения культурного наследия среди молодёжи и студентов. Ряды активистов в данной сфере постоянно пополняются молодыми историками и не только. Благодаря дея-

тельности Культурного патруля в сотрудничестве с КРО ВООПИиКа общественный мониторинг памятников приобретает больший масштаб и способствует актуализации наиболее болезненных вопросов по их сохранению.

Важной составляющей работы с молодежью является их вовлечение в реализацию проектов КРО ВООПИиКа, осуществляемых при поддержке Фонда президентских грантов и Российского фонда культуры. При этом волонтерство обучающихся, регистрирующихся на портале «Добро», не ограничивается только физическим участием в благоустройстве объектов культурного наследия. Будущие историки, документоведы, градостроители, физики, филологи могут приобретать полезные навыки и умения в своей профессиональной сфере, благодаря выполнению тех или иных задач по проекту. Например, историки и документоведы могут помочь в проведении историко-культурного исследования в части поиска информации и работы с источниками Центрального архива Министерства обороны на сайте «Память народа» для восстановления и уточнения данных по погибшим и захороненным на воинских некрополях Симферополя. Благодаря привлечению студентов – будущих программистов – создан сайт КРО ВООПИиКа, на котором появилась возможность размещения обновленных данных по военным захоронениям. Будущие градостроители могут заняться созданием интерактивной карты воинского некрополя с всплывающими фото могил и данных по каждому погибшему воину. В дальнейшем ссылки на сайт КРО ВООПИиКа могут быть использованы и на личных страницах солдат и офицеров на портале «Память народа». Студенты – будущие филологи – по заказу местных органов власти могут помогать в осуществлении переводов исторических справок по объектам культурного наследия Крыма, размещаемых в сети «Интернет», на языки Республики Крым – украинский и крымскотатарский.

Подобные направления деятельности в процессе вовлечения молодёжи в сферу сохранения историко-культурного наследия составляют значительный потенциал образовательного и воспитательного характера. Важно донести до молодежи и студентов то, что объекты культурного наследия – это и есть то богатство и уникальный способ прикоснуться к знанию и чувствам предков. Изменить индифферентное отношение молодежи к наследию на заинтересованное. Дать ощутить молодому человеку, что по Его заявлению старинное здание может быть поставлено под охрану, спасено от экскаватора и сохранится для потомков, что благодаря Его поиску в архивах родственники наконец смогут найти и увидеть хотя бы на фото захоронения своих погибших на крымской земле дедов и прадедов!

Литература

1. Путин: сохранение культурного наследия – важнейший фактор развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://ria.ru/20050323/39562045.html>.
2. Кругликова Г. А. Роль историко-культурного наследия в воспитании молодежи // Молодежная политика в России и мире: исторический опыт и современные тенденции. Ежегодник. XXII Историко-педагогические чтения. – 2018. – № 22. – С. 37– 41.
3. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=34608>.

*Гончаров А. В.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Goncharov A. V.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

**ИЗ ИСТОРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И УЧЕТА УЩЕРБА,
НАНЕСЕННОГО КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ КРЫМА
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**THE HISTORY OF ESTABLISHMENT AND ACCOUNTING
THE DAMAGE CAUSED BY NAZI INVADERS TO THE CULTURAL
HERITAGE OF CRIMEA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. В статье на примере Генуэзской крепости и Карадагской биологической станции рассмотрены методика сбора и учета информации об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками культурному наследию Крыма в период Великой Отечественной войны. Статья основана на архивных источниках, хранящихся в Государственном архиве Республики Крым, в фонде Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР (ГАРК. Ф. Р-1289). Обнародование приведенных в статье материалов в год 75-летия окончания Великой Отечественной войны и начала работы Нюрнбергского военного трибунала представляется особенно актуальным.

Ключевые слова: Крым, Великая Отечественная война, Крымская республиканская чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, Генуэзская крепость, Карадагская биологическая станция, ущерб.

Abstrakt. The article with the example of Genoese fortress and Karadag Biological station describes the methodology of collecting and accounting information about the damage caused by the Nazi invaders to the cultural heritage of Crimea during the Great Patriotic War. The article is based on archival sources stored in the State Archives of the Republic of Crimea in the fund of the Crimean Republican Extraordinary Commission for identification and investigation of the atrocities committed by Nazi invaders and their accomplices and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the Crimean ASSR (GARK. F. R-1289). The publication of the materials cited in the article on the year of the 75th anniversary of the end of World War II and the beginning of the Nuremberg Military Tribunal seems especially relevant.

Key words: Crimea, The Great Patriotic war, Crimean Republican Extraordinary Commission for identification and investigation of the atrocities, Genoese fortress, Karadag Biological station, damage.

Во время Великой Отечественной войны, с целью учета преступлений Третьего рейха на оккупированных территориях Советского Союза руководством СССР, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от

2 ноября 1942 г., была создана Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). В задачи комиссии входил сбор документальных материалов по ущербу населению: гражданскому и военнопленным, государственным организациям и учреждениям, памятникам культуры и искусства, зданиям религиозного культа. По мере освобождения оккупированных ранее территорий СССР комиссии содействия ЧГК создавались в каждом населенном пункте: районе, области, городе, селе, государственных предприятиях и учреждениях, музеях и образовательных учреждениях, пострадавших от действий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. ЧГК в аппараты областных, республиканских и краевых (областных) комиссий были направлены инструкции о порядке учета ущерба. Так, согласно постановлению СНК СССР от 7 мая 1943 г. № 493 была одобрена инструкция ЧГК, в которой указывалось, что для определения ущерба, причинённого немецкими оккупантами и их сообщниками, на каждом предприятии, в учреждении или организации, пострадавших от войны, народные комиссариаты СССР, союзных и автономных республик и исполкомы Советов депутатов трудящихся создают комиссии из представителей: наркомата или предприятия, учреждения, организации, главного бухгалтера, профсоюзной организации и соответствующих специалистов. В необходимых случаях комиссии привлекают к работе экспертов. Размер причиненного ущерба фиксировался актом. Акт составлялся в двух экземплярах, один из которых направлялся в наркомат или республиканскую (областную, краевую) комиссию или совнарком союзной ССР и АССР, исполком краевого (областного) Совета депутатов трудящихся, а второй хранился в делах предприятия, учреждения или организации. Народные комиссариаты СССР и союзных республик, а также республиканские, краевые (областные) комиссии или совнаркомы союзных ССР, АССР, краевые (областные) исполкомы представляли акты об ущербе в ЧГК по окончании работы в городе или районе. Вместе с актами высылались реестр актов по району (городу) и обобщенные сведения об ущербе, составленные на основе актов [1, л. 70].

В Крыму такая организация была создана в лице Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР (далее – КРЧК) 5 июня 1944 г. и продолжала свою деятельность вплоть до мая 1945 г. Комиссии содействия КРЧК создавались в каждом районе, городе, селе, на предприятиях и в учреждениях, пострадавших от действий немецко-фашистских захватчиков. Комиссии подчинялись ЧГК и осуществляли свою деятельность в соответствии с едиными инструкциями.

В Крыму деятельность КРЧК и местных комиссий содействия определялась Постановлением СНК Крымской АССР № 310 от 17 июня 1944 г. В постановлении особенно отмечалось, что точное выполнение всех пунктов инструкции ЧГК при заполнении актов имеет исключительное значение и что ответственность за полный учет ущерба, своевременное выполнение работы по учету и оформлению материалов возлагается персонально на руководителей наркоматов, управлений ведомств, организаций [1, л. 8].

Одной из задач КРЧК являлся учет ущерба памятникам искусства и культуры. Для учета ущерба музеям КРЧК привлекались эксперты для учета музейных ценностей и создавались специальные комиссии, состоявшие из сотрудников музеев. В итоге своей деятельности такими комиссиями составлялся отчет в форме акта, где указывалась краткая историческая справка памятника (музея), опись находившихся в нем ценностей и размер причиненного ущерба. Деятельность таких комиссий в Крыму регулировалась Народным комиссариатом просвещения Крымской АССР. Народным комиссариатом просвещения указывалось, что работа таких комиссий должна была быть проведена на основе чрезвычайно тщательного руководства специальными инструкциями, которые находились в комиссиях по учету ущерба при райгорисполкомах. При определении цены поврежденного экспоната следовало руководствоваться инструкцией «О ценниках», одобренной Постановлением СНК СССР от 17 июня 1943 г. Согласно инструкции, описи уничтоженных и разграбленных музейных экспонатов следовало составлять самым подробным образом по следующей форме: 1) наименование экспонатов; 2) подробное описание экспонатов; 3) размер, материал, сохранность и т. д.; 4) цена в денежном выражении. Акты учета ущерба со всеми списками уничтоженных и разграбленных экспонатов составлялись в 4-х экземплярах, один из которых направлялся в управление Народного комиссариата просвещения Крымской АССР. Одновременно предлагалось произвести инвентаризацию всего имущества экспонатов и фондов музея, если она не производилась. Все имущество, согласно инвентарной описи, заверялось в акте директором музея. Вторая копия акта со списками экспонатов направлялась в управление музеев Народного комиссариата просвещения РСФСР [2, л. 53].

Для оценки ущерба краеведческому музею и архитектурным памятникам Судака была создана специальная комиссия в составе: эксперта Чрезвычайной Государственной Комиссии Анатолия Леопольдовича Якобсона – выдающегося советского историка-медиевиста и археолога, являвшегося на тот момент старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР; Елены Чеславовны Скржинской – историка-медиевиста, кандидата исторических наук, которая, по поручению Института истории материальной культуры АН СССР, совместно с А. Л. Якобсоном была направлена на полуостров летом 1944 г. для оценки состояния пострадавших археологических и архитектурных памятников Крыма; Николая Ивановича Лучинина – председателя Судакского исполкома Совета депутатов трудящихся; Ефима Францевича Карповича – заведующего Судакской

метеорологической станцией и Николая Васильевича Лезина – учителя средней школы г. Судака.

Комиссией 29 августа 1944 г. был составлен акт. В акте сообщалось, что в здании мечети XIII в. на территории Генуэзской крепости силами местной интеллигенции, при помощи Московского исторического музея, был собран небольшой музей. Данный музей был полностью уничтожен. С 1939 г. заведующим музеем являлся некий Беширов, который в 1941 г. оставил музей крепости, не предпринял действий для сохранения экспонатов и скрылся в деревне. Немецко-фашистские захватчики освоили территорию вокруг музея, где был установлен прожектор, а верхняя часть крепости была объявлена запретной зоной для гражданского населения. В 1942 г. Беширов появился в Судаке в составе комиссии при штабе Альфреда Розенберга – организации, занимавшейся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий. Ввиду отсутствия инвентаризационных книг музея и какой-либо другой документации, данный акт был составлен по свидетельским показаниям Е. Ф. Карповича – заведующего метеорологической станцией, которому удалось побывать в здании музея после разграбления, и бывшего экскурсовода музея, учителя школы г. Судака Н. В. Лезина.

Таким образом, в акт был включен перечень лишь основных экспонатов музея. В перечень вошли: по археологическим коллекциям – 24 наименования экспонатов, среди которых предметы эпохи неолита, средневековья, чернолаковый сосуд периода эллинизма из бывшего собрания Л. В. Голицына в «Новом Свете», а также монеты XIII–XIV вв. Иллюстративный материал был представлен картой генуэзских поселений XIV–XV вв. на Черном море, картой торговых путей в средние века, текстами генуэзских городских уставов. Библиотека музея включала собрание книг, преимущественно по крымоведению и общеисторических по содержанию – всего около 1 тыс. томов, среди которых «Записки Одесского общества истории и древностей», «Известия Таврической ученой архивной комиссии», отдельные издания трудов П. И. Кеппена, П. С. Палласа. Одним из ценнейших трудов, представленных в библиотеке, был «Атлас к путешествию по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, в Грузию, в Армению и в Крым» Фредерика Дюбуа де Монпере. На сегодняшний день атлас является библиографической редкостью. Все перечисленные собрания библиотеки были расхищены. Древние архитектурные памятники Судака включали здание мечети XIII в. (где располагался музей) и территорию Генуэзской крепости. Комиссией были зафиксированы следующие разрушения: кровля из оцинкованного железа, покрывающая купол мечети, отсутствовала; сорван деревянный настил пола в помещении как самой мечети, так и древней пристройки к ней; уничтожены все 9 оконных и 4 дверные рамы, а из древней пристройки в юго-восточной части, служившей наблюдательным пунктом, был сделан пролом для наблюдения [2, л. 64–66].

Ущерб, нанесенный Карадагской биологической станции Академии наук УССР (ныне – Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского –

природный заповедник РАН), был представлен актом от 25 августа 1944 г. Акт составлен комиссией в составе директора биологической станции – кандидата биологических наук Константина Александровича Виноградова, заместителя председателя Судакского райисполкома Совета депутатов трудящихся Мелании Ивановны Шапошниковой, бухгалтера Карадагской биостанции АН УССР – Анны Михайловны Гюпц. В акте отмечалось, что в период немецко-румынской оккупации почти весь жилой фонд станции был уничтожен. Разрушение зданий, входящих в комплекс станции, производилось систематически: хозяйственные и жилые постройки биостанции попросту разбирались для постройки укреплений, топки и других нужд немецко-румынских захватчиков. Указан факт того, что подобного рода разрушения начались с того, что черепичная крыша одной из построек станции была разобрана и использована для бордюра вдоль пути следования на Карадаг. Пострадала библиотека биостанции, значительная часть которой уничтожена, а часть вывезена представителями штаба Розенберга [2, л. 76–77]. Из 20 зданий и сооружений в удовлетворительном состоянии осталось только два. Общий ущерб от уничтожения зданий и имущества составил 1 814 071 руб. [3].

Литература

1. ГАРК. – Ф. Р-1289. – Оп. 1. – Д. 90.
2. ГАРК. – Ф. Р-1289. – Оп. 2. – Д. 95.
3. Костенко Н. С. К истории Карадагской научной станции им. Т. И. Вяземского // Труды Карадагской научной станции им. Т. И. Вяземского – природного заповедника РАН. – Феодосия, 2016. – Вып. 1. – С. 44.

*Демидов А. Г.,
председатель Центрального совета
Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество
охраны памятников истории и культуры»*

*Demidov A. G.,
Chairman of the Central Council
All-Russian public organization
«All-Russian society
protection of historical and cultural monuments»*

СОПРИЧАСТНОСТЬ К ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ – ЗАДАЧА ПРОСВЕЩЕНИЯ

INVOLVEMENT IN HISTORY AND CULTURE – THE MAIN PURPOSE OF EDUCATION

Аннотация. В статье рассматривается миссия и роль Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» в контексте достижений прошлого и задач настоящего. Отмечается значение приобщения граждан к теме наследия для консолидации общества, сохранения традиций. Системная работа, которая выстраивается организацией сегодня, направлена на формирование личной ответственности каждого за бережное отношение к культурному наследию.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, волонтерство (добровольчество), международные волонтерские кампусы, школа волонтеров наследия.

Annotation. The article observes the mission and role of the all-Russian public organization "all-Russian society for the protection of historical and cultural monuments" in the context of past achievements and present tasks. The importance of introducing citizens to the notion of heritage for the consolidation of society and the preservation of traditions is presented. The systematic work of the organisation today is aimed in order to create a personal responsibility for everyone's careful attitude to cultural heritage.

Key words: historical and cultural heritage, all-Russian society for the protection of historical and cultural monuments, volunteerism, international volunteer campuses, school of heritage volunteers

Сохранение историко-культурного наследия – отдельная область знания, которая носит междисциплинарный характер и обладает практической направленностью. Научная база сохранения культурного наследия тесно связана с такими дисциплинами, как история, археология, история архитектуры и искусствоведение. Кроме того, охрана культурного наследия – важнейшее явление социального плана. Она немыслима без научных изысканий, подвижнической деятельности работников учреждений культуры, ученых, пе-

дагогов, краеведов, представителей как органов государственной власти, так и общественных организаций.

Сохранение культурного наследия в наши дни становится важнейшим приоритетом государственной политики и основой для консолидации всего российского общества. Миссию сплочения гражданского общества вокруг идеи сохранения национального культурного достояния и решения наиболее острых проблем его сохранения выполняет Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – Общество), которое является единственной в своем роде независимой массовой общероссийской общественной организацией, объединяющей граждан в защиту и сохранение памятников истории и культуры и имеющей структурные подразделения на большей части страны.

Благодаря Обществу, учрежденному в 1966 г. и объединявшему в период своего расцвета в 70–80-е гг. XX в. более 10 миллионов членов, еще в советские годы удалось восстановить тысячи храмов и усадеб, создать систему музеев-заповедников по всей стране, закрепить музейный статус за такими полями русской славы, как Куликово и Прохоровское. Средства Общества дополняли бюджет Министерства культуры РСФСР на реставрацию объектов культурного наследия. Общество принимало самое активное участие в законотворческом процессе, в том числе в разработке Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1974 г.

Однако после распада СССР организация лишилась основных источников финансирования: были отменены взносы со стороны предприятий-коллективных членов, существенно сократились и взносы частных лиц. Общество было лишено регулирующих функций, закрепленных за ним в ст. 34, 37 и 40 упомянутого Закона 1974 г.: согласования зон охраны памятников, заповедных мест, а также проектов планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, монументального искусства.

Оставшись без прежних полномочий и источников финансирования, Общество тем не менее не пошло по пути реформированного в 2015–2016 гг. Российского общества «Знание» или вновь созданного в 2012 г. Российского военно-исторического общества, получивших общественно-государственный статус. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры продолжило функционировать именно как независимая общественная организация. В этом смысле можно говорить о социальном феномене: все дело в чрезвычайно сильном ядре энтузиастов, тесно переплетенном с профессиональной когортой историков, искусствоведов, реставраторов, составляющих живой организм нынешнего Общества. Система устояла на человеческих связях, вне рыночного, идейного фундаменте. Строго по уставу проходят заседания региональных отделений, пленумы Центрального совета, съезды. Хотя, надо признать, деятельность организации в 1990-е гг. и

в начале XXI в. была не очень заметной. Сегодня организация работает над тем, чтобы это исправить [1].

В настоящее время, при сохраняющемся в стране тяжелом состоянии культурного наследия, наблюдается нарастающий «снизу» гражданский запрос на защиту и восстановление памятников. Общество старается откликнуться действием на это стремление граждан и к 2022 г. покрыть региональными отделениями все уголки России. В связи с этим важнейшую задачу Общество видит в том, чтобы соединить подвижничество региональных активистов с предлагаемой им системой общественного контроля посредством координации структурных подразделений – региональных отделений Общества.

Сегодня именно Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры становится основой для консолидации общественных связей и инициатив, в рамках которой возможно добиваться необходимых решений на местах. Или даже более того – минуя бюрократические этапы, выносить острые вопросы сразу на федеральный уровень, в том числе обращаясь напрямую к руководству страны.

Не менее актуальная задача Общества – просвещение граждан, формирование сообществ активистов и волонтеров, готовых жертвовать временем, силами, иными ресурсами в целях сохранения культурного наследия. Общество привлекает активных граждан к участию в общественном контроле: сообщества на местах выявляют угрозы памятникам со стороны недобросовестных застройщиков или, например, нерадивых владельцев и компетентно взаимодействуют с соответствующими органами государственной власти по пресечению незаконных действий. Многие активисты также участвуют в сохранении и восстановлении памятников своим посильным трудом. Общество работает над тем, чтобы сограждане воспринимали угрозу материальному наследию нашего народа как свою личную проблему, а не так, что «государство недоглядело». Как только в социуме в целом – снизу доверху – появятся массовый запрос и соответствующее мировоззрение, сама система охраны и сохранения объектов культурного наследия заработает значительно эффективнее.

Одним из приоритетов Общества в течение последних лет стало возрождение движения добровольцев (волонтеров) наследия. В прошлом году на средства Фонда Президентских грантов Общество провело исследование и издало монографию: «Анализ практики привлечения волонтеров к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции)». В монографии исследован феномен «волонтеров наследия» в историческом контексте, проанализированы зарубежный опыт и современные российские практики, а также даны рекомендации по формам и направлениям государственной поддержки этой сферы [2]. Волонтеры наследия в современной России – это активные граждане, как правило, в возрасте от 20 до 45 лет, неравнодушные к историко-культурному наследию нашей страны. Многих беспокоит судьба памятников старины, и они готовы присоединиться к организованным работам на исторических объектах и их территориях,

но часто не имеют достаточной информации, базовых знаний, первичной подготовки.

В целях системного решения вопроса популяризации наследия, просвещения граждан, подготовки волонтеров и координаторов волонтерских проектов в 2017 г. Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры была предложена идея, сформулирована концепция и разработана первая базовая программа «Школы волонтеров наследия» (далее также – Школа).

При поддержке Фонда Президентских грантов первая «Школа волонтеров наследия» была проведена Обществом в 2018 г. в Москве.

В 2019 г. в рамках программы «Волонтеры культуры» национального проекта «Культура» 1606 добровольцев прошли курс в «Школе волонтеров наследия», проведенной Обществом уже при поддержке Министерства культуры РФ в пяти регионах страны. На оборудованных площадках в Москве, Санкт-Петербурге, Псковской области, в Республике Крым и в Республике Татарстан участники Школы получили базовые знания и практические навыки по обработке трех видов наиболее распространенных материалов: дерева, камня, металла.

Согласно социологическому опросу и оценке воздействия проекта «Школа волонтеров наследия», проведенным специалистами «Фонда поддержки и развития филантропии КАФ» по заказу Общества среди выпускников Школы 2019 г., показатель «готовности заниматься сохранением объектов культурного наследия в своем регионе» у участников проекта после обучения в Школе вырос на 21%; а «готовность вовлекать в работу по сохранению объектов культурного наследия в своем регионе своих друзей и знакомых» – на 6%. Интересно, что 31% респондентов считают очень возможным, что их будущая профессия будет связана с сохранением и восстановлением объектов культурного наследия; 64% готовы участвовать в сохранении объектов культурного наследия в качестве волонтера; 19% планируют жертвовать деньги на проекты в области сохранения культурного наследия; 78% будут интересоваться объектами культурного наследия и их судьбой. При этом само обучение в Школе в 2019 г. повлияло на предыдущие ответы респондентов: исключительно – по мнению 5% респондентов, значительно – 33%, примерно наполовину – 27%, повлияло незначительно – 30% и никак не повлияло – 5%. Также согласно результатам опроса, 97% участников опроса готовы рекомендовать «Школу волонтеров наследия» своим знакомым, а 98% хотели бы в дальнейшем принять участие в углубленных программах «Школы волонтеров наследия».

«Школа волонтеров наследия 2020 года» вновь проводится Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и в рамках программы «Волонтеры культуры» национального проекта «Культура». В Школе 2020 г. участвуют уже 10 регионов и 2000 слушателей, запланированы 1290 часов теории и практики по основной (10 часов), углубленной (25 часов) и специальной (72 часа) программам. Все занятия бесплатные и очные (с соблюдением профилактических мер и рекомендаций).

Волонтерская работа по сохранению архитектурных объектов – сезонная и, как правило, проходит в теплое время года, с мая по сентябрь, с количеством участников одного проекта от 20 до 100 человек. Точных статистических данных относительно количества волонтерских инициатив по сохранению объектов культурного наследия на сегодняшний момент нет. Однако добровольческих инициатив, сохраняющих наследие в разных регионах России и непосредственно организующих работы на памятниках с вовлечением в подобные работы волонтеров наследия, по-прежнему относительно мало. Соответственно и количество «рабочих» мест, которые они готовы предоставить волонтерам, меньше, чем заинтересованных в работах волонтеров. Среди наиболее заметных движений и проектов, привлекающих волонтеров к спасению исторических памятников, можно отметить такие, как «Том Сойер фест», «ПроНаследие», «Вереница», «Белый Ирис» и «Общее дело».

Правительством Российской Федерации утверждено Постановление № 1828 от 25 декабря 2019 г. об особенностях участия добровольцев в работах по сохранению объектов культурного наследия, определившее допустимые виды работ и порядок работы волонтеров на памятниках. По мнению многих организаторов волонтерской деятельности по сохранению памятников, указанное Постановление содержит неполный перечень видов работ, к которым могли бы привлекаться волонтеры, а сам порядок содержит ряд излишних требований. В этой связи соответствующие виды работ и порядок, безусловно, должны дополняться и корректироваться по мере формирования практики волонтерских работ согласно указанному документу.

Добровольческое движение сегодня выступает эффективным инструментом приобщения граждан к теме наследия, осознанию реальной ситуации вокруг памятников истории и культуры. Современный человек часто просто не понимает, что вот именно этот старинный дом, сад, та церковка на горе составляют атмосферу спокойствия, радости, светлого настроения. А когда они исчезают и вместо них образуются руины или бездушная бетонная громада, то и в душу чаще закрадываются потерянности, хандра. Поэтому это общая задача – гражданского общества совместно с государством – просвещать, будить в людях чувство сопричастности родной истории и культуре. Отклик обязательно будет, он заложен в нас на генетическом уровне.

Литература

1. Самохин А. Любовь к родному пепелищу // Культура. – 17 мая 2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/254602-/?fbclid=IwAR2Q-IJwZoEGPwVNha2Bgi2xTlZMYL9dmJQU6Meeke4TNBY-ZLdGLuZSYGI>.
2. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции) / М. Д. Воропаева, Н. И. Горлова, А. В. Губина, А. Г. Демидов, И. В. Климова, А. Ю. Милакова, Д. С. Юдин. – М.: ВООПИиК, 2020.
3. Национальный проект «Культура». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/about-project>.

*Дружинина Н. С.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Druzhunina N. S.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol*

**НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТЫ КРЫМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (1966–1969)**

**INITIAL STAGE OF WORK CRIMEAN DEPARTMENT
OF THE UKRAINIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION
OF MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE (1966–1969)**

Аннотация. Проблемы, накопившиеся в памятникоохранной сфере, привели к созданию Крымского отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Начальный период его работы охватил период с 1966 г. по 1969 г. Направлениями деятельности организации стали проведение археологических исследований и спасательных раскопок, создание памятников, благоустройство мемориальных объектов, учет и паспортизация, проведение ремонтно-реставрационных работ, популяризация культурного наследия.

Ключевые слова: Крымское отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры, реставрация, охранные археологические раскопки, мемориализация.

Abstrakt. Problems accumulated in the field of monument protection led to the creation of the Crimean Department of the Ukrainian society for the protection of historical and cultural monuments. The initial period of its work covered the period from 1966 to 1969. The organization's activities include conducting archaeological research and rescue excavations, creating monuments, improving memorial sites, accounting and certification, carrying out repair and restoration work, and promoting cultural heritage.

Key words: Crimean Department of the Ukrainian Society for the Protection of Monuments of History and Culture, restoration, archaeological sites, memorialization.

Крымское отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИК) сыграло важную роль в сохранении объектов культурного наследия. Появлению общественной организации способствовал поиск форм и возможностей для преодоления накопившихся проблем к началу 1960-х гг. в памятникоохранной сфере. Вопросы, связанные с деятельностью Общества, нашли отражение в монографическом исследовании Н. В. Кармазиной [11]. Также эта тема поднималась в нескольких статьях А. А. Соколова [16; 17]. Дальнейшее изучение данного направления в сфере охраны культурного наследия важно построить на более подробном рассмотрении разных периодов в деятельности организации. Начальный этап

его существования охватывал временной промежуток от создания в 1966 г. до проведения Второй областной конференции Общества в 1969 г.

Несовершенство памятникоохранной системы приводило к ряду проблем в этой сфере. Значительное число памятников истории и культуры находилось в неудовлетворительном состоянии. Только часть объектов была взята на государственный учет, отсутствовал регулярный контроль за их состоянием [11, с. 38]. Составленные на них паспорта нуждались в проверке, уточнении и дополнении, не велась работа по заключению охранных обязательств с пользователями и собственниками памятников [5, л. 36].

Не всегда было налажено взаимодействие органов охраны памятников с другими государственными структурами. Многие учреждения не принимали во внимание необходимость сохранения исторических объектов, которые разрушались при строительстве дорог, земляных работах, добыче камня. Требования законодательства регламентировали необходимость предварительного уведомления соответствующих инстанций о предстоявших земляных работах и сносе памятников, но на практике это выполнялось немногими организациями.

Отношение к памятникам хорошо иллюстрирует вопиющее решение, по которому так называемые «пещерные города» Качи-Кальон, Эски-Кермен, Мангуп-Кале, а также уникальная стоянка Таш-Аир с сохранившимися наскальными рисунками попали в перечень первоочередных районов добычи камня [3, л. 5]. Продолжалось разрушение курганов. Только в Симферопольском районе за 1960–1961 гг. более 60 такого рода археологических памятников было уничтожено в районе с. Дружное, в с. Константиновка снесено бульдозером еще два кургана, возле Евпатории – пять больших курганов, что привело к безвозвратной утрате уникальных каменных склепов. В январе 1966 г. возле Бахчисарая с целью использования земли для озеленения полностью снесен курган Эндекли-Оба, у с. Зыбино Белогорского района разрушены два скифских погребальных сооружения [5, л. 32–33; 17, с. 157].

Не лучшим образом обстояло дело и с увековечиванием памяти событий Гражданской и Великой Отечественной войны. Многие памятники сооружались без утвержденных проектов, из недолговечных материалов, преимущественно из бетона и ракушечника, отсутствовали информационные тексты. К примеру, в Красноперекопском районе из 43 обелисков только четыре были выполнены из долговечных материалов. На городском кладбище в Джанкое оставалась неблагоустроенной братская могила восьми воинов Красной Армии. В с. Соленое Озеро Джанкойского района, в непосредственной близости от могилы неизвестного воина, погибшего в 1920 г., складировались строительные материалы. На Литовском полуострове обелиск в честь перехода армии через Сиваш накренился, дорога к нему отсутствовала [3, л. 6–7]. На Перекопском валу разрушалась землянка – бывший командный пункт маршала А. М. Василевского и генерала Ф. И. Толбухина [14, с. 33].

Накопившиеся проблемы в сфере охраны культурного наследия были общими для всего государства. Учеными, краеведами, общественными деятелями в научных изданиях и прессе стали публиковаться работы, в которых шла речь о том, какой урон наносится культуре из-за разрушений памятников прошлого. Возникла необходимость появления общественной организации, на постоянной основе занимавшейся вопросами памятникоохранной сферы. В июне 1965 г. проведена Всесоюзная конференция при участии Академии художеств СССР, Союза художников СССР, Союза архитекторов СССР и Советского комитета Международного совета музеев, на которой обсуждалось создание во всех союзных республиках добровольных обществ по охране памятников. Следствием этого стало принятие Советом Министров УССР 28 августа 1965 г. Постановления «Об организации Республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры УССР» [1, с. 189; 11, с. 44]. На его основе на заседании бюро Крымского ОК КПУ 6 сентября 1966 г. был утвержден состав оргкомитета по созданию областного отделения Общества.

24 ноября 1966 г. состоялась Первая областная учредительная конференция, на которой с докладом «О целях и задачах общества» выступил председатель организации С. А. Секиринский. Деятельность Общества должна была быть направлена на содействие в государственной охране объектов культурного наследия [13, с. 31]. При обсуждении проекта Устава важным стал вопрос о принципах финансовой составляющей работы. Изначально предлагалось, чтобы районные и городские организации отчисляли областному Правлению 80% всех своих поступлений. Однако П. Н. Шульцем было отмечено, что для обеспечения качественной деятельности необходимо, чтобы значительная часть средств оставалась на местах. Им был предложен вариант, по которому 50% всех поступлений направлялся в областное отделение [2, л. 60–61]. По итогам обсуждений это предложение утвердили. При Правлении Крымской организации УООПИКа в 1967 г. созданы секции пропаганды, археологии, письменности, юных следопытов, научно-методический совет. В 1968 г. сформировались секция архитектуры и искусства, в 1969 г. – правовой защиты [13, с. 32–33]. Историко-революционную и военно-историческую объединили в секцию охраны памятников революционной и боевой славы [5, л. 58–59].

Деятельность Общества была организована по следующим направлениям: популяризация памятников истории и культуры; проведение экскурсий, чтение лекций и докладов, выступления в прессе и на радио; организация кружков юных исследователей; осуществление общественного контроля за охраной, использованием, ремонтом и реставрацией памятников; выявление неизвестных или забытых памятников истории и культуры и внесение их в государственные охранные списки; содействие созданию местных исторических, краеведческих, художественных и мемориальных музеев на общественных началах [2, л. 71–74].

Крымским отделением УООПИКа было запланировано обследование всех памятных объектов с целью установления охраняемых зон и знаков, указывавших на то, что они взяты под государственную охрану. Важным был вопрос приведения к единым нормам охранных обязательств и их составление на те объекты, где они отсутствовали [5, л. 36]. Для оказания помощи Управлению культуры и Отделу архитектуры облисполкома в проведении учёта и паспортизации Общество создало областную комиссию из ученых, музейных работников и краеведов. Эта работа продолжалась до конца 1970-х гг. [11, с. 49–51].

Большую работу проводила секция археологии, которую возглавлял А. А. Щепинский. По результатам обследований археологических памятников установлено неудовлетворительное состояние скифского городища «Кермен-Кыр», разрушение курганов у с. Донское Симферопольского района и с. Танковое Бахчисарайского района. Для дальнейшего принятия мер был составлен Акт осмотра, направленный в Отдел строительства и архитектуры облисполкома. Также планировались мероприятия по приведению в порядок городища Неаполь Скифский, был определен список необходимых первоочередных работ. Совместно с областным краеведческим музеем проверено состояние пещерной стоянки Чокурча, курганов возле микрорайонов Марьино и Заводское в Симферополе, на автомагистрали Симферополь – Николаевка, святилища кизил-кобинской культуры в Змеиной пещере [3, л. 25–26].

Секция принимала участие в охранных археологических исследованиях. А. А. Щепинский возглавлял созданную в 1967 г. Северо-Крымскую экспедицию [10, с. 61]. Обществом также была организована охранно-археологическая экспедиция, проводившая спасательные раскопки на памятниках в зонах земляных или строительных работ. В 1968 г. она совместно с областным краеведческим музеем работала на ЮБК и в степной части полуострова. Раскопки проводились в пос. Фрунзенское, с. Пионерское и с. Чистенькое Симферопольского района, Бахчисарае и Белогорске, по итогам которых были изучены многочисленные памятники эпохи бронзы [7, л. 105]. Погребения ямной и катакомбной культур обследованы в с. Вишневка и с. Ново-Александровка Красноперекопского района [19, с. 249–250].

При участии Общества и Отдела культуры были обследованы Мангуп-Кале и Генуэзская крепость в Судакe, мечеть хана Узбека в Старом Крыму. При обсуждении состояния Мангупа указывалось на недопустимость постоянного нахождения туристического лагеря на его территории. Обращение представителей Общества привело к постановлению горсовета, по которому туристическая стоянка должна была быть перенесена в другое место. Однако отмечалось, что два сторожа не способны обеспечить надлежащую охрану пещерного города [6, л. 10–11].

Было установлено, что за состоянием Судакской крепости практически не велось систематического наблюдения. А единственные исследовательские

работы в тот период проводились только М. А. Фронджуло [6, л. 8; 18, с. 190]. Неоднократно выезжали специалисты в Старый Крым, где были зафиксированы незавершенные реставрационные работы на мечети хана Узбека. Составленные по результатам инспекции докладная записка и отчет по обследованию были переданы в Госстрой [6, л. 9].

В 1967–1969 гг. ремонтно-реставрационные работы проводились на мечети Муфти-Джами, церкви архангелов Михаила и Гавриила в Феодосии, Успенском монастыре, кенассе в Евпатории, на Мангупе [12, с. 514]. Осуществлялись ремонтно-консервационные работы в средневековом городе Чуфут-Кале [8, с. 80]. Из-за качества и стоимости проведения восстановительных работ, а также предполагаемого большого объема реставрации институтом «Укрпроектреставрация» (г. Киев) неоднократно поднимался вопрос об открытии собственной организации в Крыму. Решением № 312 от 6 мая 1969 г. облисполком обязал выделить помещение для организации научно-реставрационных мастерских, работа которых началась с 1970 г. [11, с. 53–54].

Секция охраны памятников революционной и боевой славы занималась ремонтом и реставрацией памятников Великой Отечественной войны. Велась работа по благоустройству и озеленению братских могил павших воинов, партизан, подпольщиков. Сооружались новые обелиски, велась работа по выявлению ранее заброшенных памятных объектов, неизвестных имен воинов, захороненных в безымянных могилах [5, л. 6]. Работа в этом направлении привела к улучшению качества устанавливаемых памятников. Обелиски стали изготавливаться из местных долговечных материалов, некоторые из них были спроектированы профессиональными скульпторами и архитекторами на высоком художественном уровне. Среди таких можно выделить мемориал на холме Малый Дарсан в Ялте, обелиск с барельефом жертвам фашистского террора в Евпатории, обелиск погибшим летчикам в Керчи, Курган Славы на высоте 884,4 м в Зуйских лесах [15, с. 37; 17, л. 103].

Во многих населённых пунктах устанавливались памятники односельчанам. К 9 мая 1967 г. состоялось открытие обелисков в с. Зимино и с. Берёзово, а в 1969 г. – в с. Стерегущее Раздольненского района [3, л. 20; 7, л. 103; 15, с. 228]. Однако многие памятные объекты возводились по одному образцу. По итогам обследования Сакской организацией УООПИКа определено, что внешний вид 14 памятников фактически идентичен. После проведенной работы Обществом в селах района было установлено еще четыре обелиска, но уже оригинальной формы [3, л. 15]. Эта проблема являлась типичной для многих сел Крымской области, в этой связи инициаторам установки обелисков рекомендовалось заранее обсуждать и утверждать проекты, обеспечивать строительство из качественных долговечных материалов.

Работа секции также велась в направлении увековечивания событий революции и Гражданской войны. При ее участии установлены в Симферополе в 1967 г. памятник Ленину [11, с. 68], стелы с барельефом П. Е. Дыбенко в Симферополе и большевика-революционера Д. Л. Караева в

Евпатории [9, с. 43]. Общество занималось подготовкой к установке бюста В. М. Фрунзе в Симферополе. В Алупке на доме, в котором жили в 1909 г. Мария Александровна и Анна Ильинична Ульяновы, открыта мемориальная доска [7, л. 7].

Необходимо остановиться на некоторых аспектах работы городских и районных организаций. За первые годы существования Общества можно выделить деятельность Евпаторийской организации, председателем которой являлся директор краеведческого музея Б. А. Ермак. Общественными деятелями была организована работа лектория, в котором прочитано около 60 лекций о памятниках Крымской войны, партизанах Гражданской войны, архитектурных памятниках, о личностях, в честь которых названы улицы города. Обществом подготовлена к изданию брошюра «Археологические памятники Северо-Западного Крыма». Свои занятия проводила школа краеведов, и было создано девять музеев на общественных началах. Проводилась работа по благоустройству памятников и установлению мемориальных досок [4, л. 6–8].

В районах существовала проблема нехватки квалифицированных кадров. Представители Нижнегорской и Сакской районных организаций обращались в научные учреждения с просьбой изучения курганов, расположенных на их территории. Также не все организации могли позволить изготовление памятников из качественных материалов [4, л. 30–31]. Некоторые организации существовали формально, неудовлетворительными стали итоги работы в Кировском районе, следствием чего стало выделение из ее состава отдельной Старокрымской городской организации в 1968 г. [6, л. 21, 29].

В ходе Второй областной конференции Крымского отделения УООПИКа, проведенной 25 февраля 1969 г., состоялось подведение итогов деятельности за начальный период его работы. Важным стал доклад Е. В. Веймарна о состоянии дел в памятникоохранной сфере, в котором уделялось внимание качеству выполнения реставрационных и консервационных работ, а также необходимости взаимодействия с организациями, за которыми были закреплены охраняемые объекты. Обсуждались проблема координации работы с учреждениями, занимавшимися строительством Северо-Крымского канала, а также вопросы проведения охранных раскопок. Далее были заслушаны сообщения представителей городских и районных организаций о достижениях и проблемах в их работе [7, л. 23, 42–43].

К сложностям работы Крымского отделения УООПИКа можно отнести то, что Обществу не хватало авторитета. Его деятельность не всегда согласовывалась с другими организациями и музеями. Начатая работа по учету памятников, их ремонту и благоустройству, а также проведение паспортизации в районах выполнялись разными темпами и зависели от местных представителей Общества. Часть памятников, мемориальных досок устанавливалась без утверждения проектов и эскизов, без согласования с районными и областными правлениями Общества, Управлением культуры и Управлением архитектуры облисполкома [5, л. 7; 7, л. 19].

В то же время создание Крымского отделения УООПИКа позволило улучшить ситуацию в сфере охраны культурного наследия. Ведущими направлениями деятельности организации стали проведение археологических исследований и спасательных раскопок, создание памятников, благоустройство мемориальных объектов, учет и паспортизация, проведение ремонтно-реставрационных работ, популяризация культурного наследия. К памятникоохранным работам привлекались ведущие деятели науки, известные краеведы, широкие слои населения.

Литература

1. Акуленко В. І. Охорона пам'яток культури в Україні (1917–1990). – Київ, 1991. – 274 с.
2. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 1. – 146 л.
3. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 4. – 43 л.
4. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 10. – 47 л.
5. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 11. – 71 л.
6. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 12. – 103 л.
7. ГАРК. – Ф. Р-4584. – Оп. 1. – Д. 17. – 154 л.
8. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – 128 с. (Серия «Археологические памятники Крыма»).
9. Драчук В. С., Смирнова В. П., Чельшев Ю. В. Евпатория. – Симферополь, 1979. – 160 с.
10. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в Степном Крыму // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 61–99.
11. Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / за ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2005. – 177 с. (Серия «Бібліографія кримознавства»; вип. 4).
12. Манаев А. Ю., Зарубин В. Г. Мангуп-Кале в системе государственной охраны памятников в 1917–2017 гг. // МАИЭТ. – 2017. – Вып. 22. – С. 506–534.
13. Непомнящий А. А., Кармазіна Н. В. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму // Збережена спадщина: Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років: зб. мат. та док. – Київ, 2008. – С. 29–48.
14. Крым: путеводитель-справочник / сост. М. Я. Олинский, В. И. Шляпошников. – Симферополь, 1959. – 3-е изд. – 172 с.
15. Крым: памятники славы и бессмертия / сост. С. Н. Шаповалова. – 2-е изд. – Симферополь, 1985. – 240 с.
16. Соколов А. А. Взаимодействие государства и общественности в деле охраны памятников истории и культуры в Крыму (конец 60-х – 70-е гг. XX века) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 69–73.
17. Соколов А. А. Руйнування і охорона археологічних пам'яток у Криму (кінець 40-х – 60-ті рр. XX ст.) // Праці Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – Київ, 2013. – Вип. 23. – С. 155–166.
18. Фронджуло М. А. Раскопки в Судак (1964–1966 гг.) // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – Киев, 1967. – Вып. 1. – С. 190–193.
19. Щепинский А. А. Крымская охранно-археологическая экспедиция // Археологические открытия 1968 г. – М., 1969. – С. 249–251.

*Зайцева О. М.,
ТОГАУК «Музейный комплекс "Усадьба Асеевых", Тамбов;
Zaitseva O. M.,
TOGAUK "Museum complex "Aseev's Estate", Tambov*

*Стрекалова Н. В.,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина, Тамбов;
Strekalova N. V.,
Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov*

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА «УСАДЬБА АСЕЕВЫХ» (Г. ТАМБОВ) НА ПРИМЕРЕ ОСОБНЯКА СУКОННОГО ПРОМЫШЛЕННИКА В. Т. АСЕЕВА

**HISTORY OF CONSTRUCTION AND RESTORATION
OF ARCHITECTURAL OBJECTS OF THE MUSEUM COMPLEX
"ASEEV ESTATE" (TAMBOV) BY THE EXAMPLE OF THE MANSION
OF THE CLOTH INDUSTRIALIST V. T. ASEEV**

Аннотация. В статье представлена краткая история строительства одного из памятников культуры Тамбовской области – особняка суконного промышленника В. Т. Асеева. Исследованы история и проблемы его реставрации. Выявлены роль и место данного архитектурного объекта в культурном пространстве региона, проблемы его атрибуции и датировки.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана памятников, провинциальная архитектура, реставрация, модерн, Тамбовская область, Историко-культурный музейный комплекс «Усадьба Асеевых».

Abstrakt. In the article presents a brief history of the construction of one of the cultural monuments of the Tambov region – the mansion of the cloth industrialist V. T. Aseev. The history and problems of its restoration are investigated. The role and place of this architectural object in the cultural space of the region, problems of its attribution and dating are revealed.

Key words: cultural heritage, preservation of monuments, provincial architecture, restoration, modern, Tambov region, historical and cultural museum complex «Aseev Manor»

Историко-культурное пространство страны, региона, населенного пункта складывается из конкретных объектов, его составляющих. Охрана и защита каждого из них играет важную роль в формировании и сохранении национально-культурной идентичности, развитии культурного и экономического потенциала той или иной территории.

Дом крупного предпринимателя, одного из самых успешных на Тамбовщине суконных промышленников Василия Тихоновича Асеева (1862–

ской области. В настоящее время он является составной частью Историко-культурного музейного комплекса «Усадьба Асеевых» (г. Тамбов).

Точная дата постройки рассказовского «дворца» Асеевых на данный момент не установлена. Дом, имеющий некоторые черты «римской виллы», был выстроен в первое десятилетие XX в. по типу городского парадного особняка и «представляет собой двухэтажное каменное здание, в объемно-планировочной композиции, силуэте и детализовке которого сочетаются приемы модерна, ренессанса и барокко» [1, с. 40]. По мнению рассказовского историка и краеведа А. Н. Литовского, В. Т. Асеев начинает возведение нового дома в 1901 г. в обширном имении своей жены А. П. Асеевой (урожденной Крючковой). Строительство здания было завершено в 1902 г., а его основная отделка – в 1903 г. В том же 1903 г. Асеевы переезжают в новый дом, не дожидаясь его окончательной отделки. В это время в особняке продолжали производить декоративные и технические работы. Они были завершены в 1906 г., когда была запущена собственная электростанция, обеспечивавшая электрическое освещение не только нового дома, но всей усадьбы [2; 3; 4].

Подтверждением приведенной выше датировки могут служить данные о структуре и объемах грузов, прибывавших в эти годы на ближайшую к владениям В. Т. Асеева железнодорожную станцию Платоновка (Рязанско-Уральской железной дороги). Они свидетельствуют о том, что в селе Рассказово или в его окрестностях велись масштабные строительные, отделочные и декоративные работы. Специально проведенный анализ объектов, возведенных в первые годы XX в. в данной местности, позволил сделать вывод, что полученные грузы могли использоваться только при строительстве «асеевского дворца» [5, с. 1, 6, 11, 185, 307, 320, 336, 346, 360, 375, 391, 455, 658; 6, с. 5. 13, 22, 33, 438, 488, 778, 810, 852, 895, 918; 7, с. 1712; 8, 1815, 1866, 2270, 2744, 2804, 2964].

По мнению московского историка архитектуры и искусствоведа М. В. Нащокиной, особняк В. Т. Асеева был построен в 1906 г. Она считает, что даты строительства рассказовского дома Асеевых и возведения тамбовского дома, принадлежавшего этой семье (построен в 1906 г.), совпадают [9, с. 285].

Дискуссионным остается и вопрос атрибуции рассказовского «дворца». По предположению исследовательницы архитектуры Тамбовской губернии Г. Л. Леденевой, этот дом мог спроектировать известный архитектор, один из родоначальников московского модерна Л. Н. Кекушев. Сопоставление отдельных работ зодчего и особняка В. Т. Асеева в Рассказово позволило ей сделать вывод об определенном сходстве последнего с подмосковным домом в Ховрино М. С. Грачева: «Типично авторским приемом и в одном и в другом случае стало введение в композицию объемов открытых веранд. В особняке М. Грачева эта часть пространства обозначена скульптурами кариатид, в рассказовском доме – колоннами коринфского ордера. Общие подходы имеются и в трактовке отдельных деталей – оформлении поверхности стен, ритмическом строе фасадов, решении скульптурных элементов. Близка архитектура особняков и по стилистике»

С предположением Г. Л. Леденевой согласна и М. В. Нащокина, также обратившая внимание на то, что композиционно и стилистически рассказовский «дворец» В. Т. Асеева «напоминает подмосковный дом М. С. Грачева в Ховрино и особняк Коробова в Москве (малоизвестный неосуществленный проект Кекушева)». «В период строительства особняка М. В. Асеева в Тамбове [1904–1906 гг.] Л. Н. Кекушев [автор проекта дома], несомненно, бывал в городе, и его услугами вполне мог воспользоваться и двоюродный брат фабриканта» [9, с. 285]. Как отмечает исследовательница, Льву Кекушеву было свойственно повторно использовать собственные композиционные приемы и детали в последующих проектах, что подтверждает и особняк В. Т. Асеева в Рассказово [9, с. 286].

Окончательное решение вопроса об атрибуции рассказовского дома Асеевых возможно только при наличии документов, неопровержимо доказывающих, что этот особняк спроектировал Лев Кекушев, поскольку на рубеже XIX–XX вв., как отмечают исследователи архитектуры периодов эклектики и модерна, многие приемы в строительстве повторялись [11; 12].

Планировка особняка отражала образ жизни и должна была, очевидно, удовлетворять все потребности владельцев, хотя и не являлась традиционной для домов состоятельных людей того времени с четким разделением на парадную и приватную зоны.

В особняке немного жилых комнат, что может свидетельствовать о том, что в нем проживала небольшая семья (судя по имеющимся на данный момент сведениям, у Василия Тихоновича и Анисьи Памфиловны Асеевых не было детей [13, л. 8]).

На первом этаже располагались в основном представительские апартаменты и хозяйственные помещения: кухня, кладовые (холодная и несыроемная), ванные, комнаты для прислуги, «раздевальная», «уборная», комнаты для приемов, спальни для гостей, бильярдная, «вино» (вероятно, комната с коллекционными винами) и др. Второй этаж занимали парадные помещения: аванзал, столовая, зал, гостиная, «читальня», кабинет хозяина. Они сочетались с жилыми покоем: спальнями и будуаром хозяйки. Здесь же находились два служебных помещения: лакейская и буфет [2, л. 20].

Интерьер дома был выдержан в стиле парадного городского особняка. Каждая из комнат имела свое индивидуальное оформление, выполненное в духе времени в «мавританском», неоклассическом и других стилях. Были использованы разнообразные, традиционные для эклектики декоративные элементы из дерева.

Качественная, изящная лепнина сочеталась с многочисленными живописными панно и виртуозно исполненными орнаментальными обрамлениями. Особняк поражал великолепием люстр, светильников, дверных ручек и полотнищ, наборного паркета, эффектными металлическими ограждениями лестниц, балконов, парадного входа, а также мраморными каминами, зеркалами и витражами [1, с. 41; 9, с. 290].

Особенно интересными были росписи потолочных плафонов. В одной из комнат, в гостиной, располагалась яркая, воссоздававшая атмосферу бала минувших веков, живописная композиция «Танец». В кабинете потолок был выполнен из ценных пород дерева с квадратными углублениями (кессонами) по двум его сторонам. В центре потолочного плафона находились три розетки, роспись наиболее крупной была насыщена оригинальной символикой (к кольцу, увитому виноградной лозой, прикован якорь, над жезлом Гермеса изображен голубь, на свитке лежат колосья пшеницы), которая могла быть не только данью моде, но увлечением архитектора или владельца особняка [14, с. 24, 25].

Новый дом, призванный подчеркнуть высокий социальный статус проживавшей в нем семьи, находился в собственности В. Т. Асеева сравнительно недолго. В 1918 г. наряду с другим многочисленным имуществом суконного промышленника он был национализирован. Некогда роскошный «дворец» постепенно утратил свое величие. Для нужд местного населения и органов власти из него вывозили мебель, посуду, книги, предметы искусства и другие ценности. В разное время в особняке «располагались концлагерь для контрреволюционного элемента, колония для детей, госпиталь, школа, детский сад, контора совхоза «Арженка» и т. п.» [4].

В 1930-е гг. во время своей работы в Рассказово в «арженском дворце» жил выдающийся биофизик А. Л. Чижевский. Этот факт отразился и в его воспоминаниях: «В доме от прежнего владельца оставалась кое-какая резная, дубовая, весьма массивная мебель, несколько картин в золотых рамах, дорогие люстры итальянской работы, красивый венецианский фонарь в вестибюле... и повар. Пока, до оборудования лаборатории, в доме расселились научные сотрудники [научно-исследовательской] станции. Одна из комнат на втором этаже была предоставлена мне...» [15, с. 613].

В 1979 г. особняк В. Т. Асеева был включен в число объектов культурного наследия регионального значения. Однако многие годы он фактически не охранялся государством и нуждался в немалых средствах для капитального ремонта и реставрации. Первые ремонтно-реставрационные работы в здании «асеевского дворца» в Рассказово попытались провести в 1988–1989 гг., но они не были закончены. Более того, в результате их проведения многое из сохранившегося было утрачено. Именно в это время исчезла обильная позолота с лепнины, каминные утратили роскошную мраморную облицовку, пострадали потолочные плафоны, пропали старинные люстры и немногочисленные предметы мебели, оставшиеся от первых хозяев, стены стали лишаться изящных росписей и деревянных панелей, постепенно был утрачен наборный паркет. По факту пропажи предметов интерьера в 1989 г. было возбуждено уголовное дело по статье о хищении государственной собственности. Однако виновных так и не нашли (дело до своего прекращения пролежало в архиве Рассказовского ГРОВД 15 лет) [4].

В последующие десятилетия уже заброшенное здание продолжили грабить и разрушать. Новое столетие «асеевский дворец», долгое время счи-

тавшийся едва ли не самым красивым зданием в Рассказово, встретил фактически только с фасадными стенами (рис. 1).

В 2009 г. равнодушные жители города начали борьбу за сохранение уникального памятника истории и культуры. Большая заслуга в том, что особняк В. Т. Асеева был восстановлен, принадлежит А. Н. Литовскому.

В результате консультаций с областным руководством и активной переписки с федеральными структурами: Министерством культуры Российской Федерации, правительством и администрацией Президента Российской Федерации – в декабре 2010 г. борцы за сохранение рассказовского особняка были приглашены на совещание с представителями администрации Президента, на котором было принято решение провести необходимые реставрационные работы и выделить на эти цели около 600 млн. рублей [4].

До начала реставрационных работ был проведен ряд исследований: историко-архивные, инженерные, технологические и др. Здание находилось в плачевном состоянии. Были полностью разрушены межэтажные перекрытия, частично – чердачные, в кровле имелись сквозные проломы, были разобраны и вывезены (украдены) ступени и кованое ограждение беломраморной парадной лестницы, частично — ступени белокаменной черной лестницы.

Рис. 1. Дом В. Т. Асеева. Северный и западный фасады до реставрации.
Фото М. Зайцевой (2010 г.)

Рис. 2. Дом В. Т. Асеева. Северный и западный фасады после реставрации.
Фото В. Подсиваки (2019 г.)

В доме отсутствовали оконные блоки и двери, решетки ограждения балконов и парапетов кровли, многочисленные декоративные элементы фасадных и внутренних стен, потолочных плафонов помещений, в том числе деревянные настенные панели кабинета и живописное панно плафона в гостиной (рис. 3; 5).

Рис. 3. Дом В. Т. Асеева. Павильон парадной лестницы до реставрации.
Фото М. Зайцевой (2010 г.)

Рис. 4. Дом В. Т. Асеева. Павильон парадной лестницы после реставрации.
Фото В. Подсиваки (2019 г.)

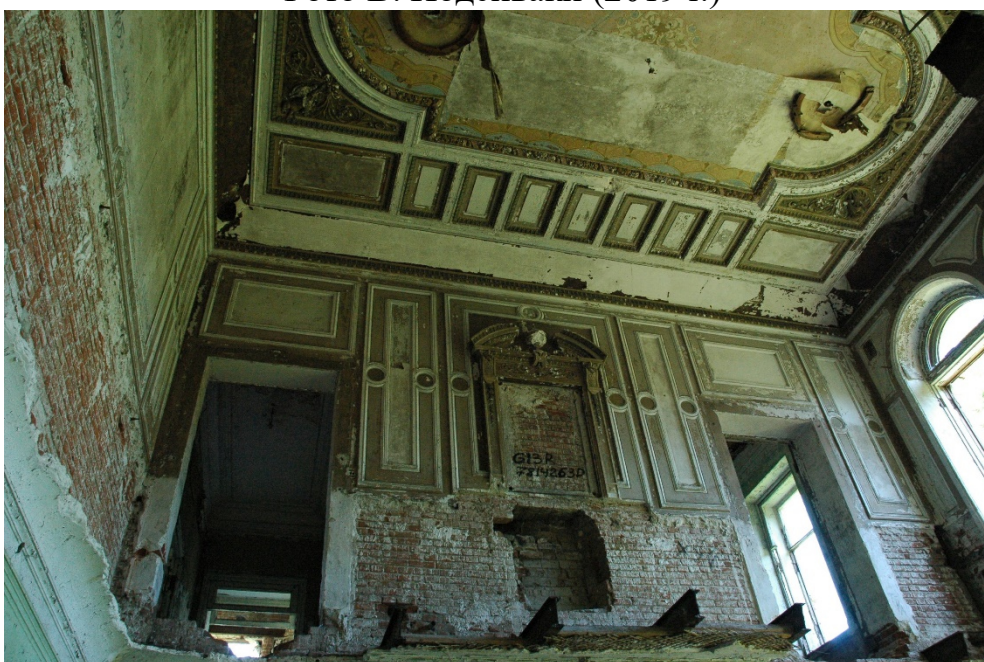

Рис. 5. Дом В. Т. Асеева. 2-й этаж. Столовая до реставрации.
Фото М. Зайцевой (2010 г.)

Пострадали и подвальные помещения, в частности, оказались разрушены отдельные кирпичные ячейки для размещения бутылок в винном погребе [16, с. 26]. Исходя из вышесказанного, требовалось: 1) выведение здания из аварийного состояния; 2) проведение полного комплекса противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ; 3) восстановление первоначального архитектурного облика здания [16, с. 14].

Летом 2011 г. было выделено около 60 млн. рублей на проведение консервационных работ во «дворце»: укрепление стен, фундамента, межэтажных перекрытий, временной крыши и т. д. В декабре 2011 г. они были завершены. Руководителем данных работ стала М. Ю. Горячева. Одновременно с этим ООО «Специальная научная реставрационная проектно-производственная мастерская» (г. Москва) по заказу Министерства культуры Российской Федерации разработало полный проект реставрации особняка В. Т. Асеева (авторы проекта – архитектор М. Ю. Горячева и искусствовед Л. Г. Невзорова), и в начале 2012 г. он был утвержден. Однако финансирование было приостановлено.

К лету 2012 г. охрана особняка В. Т. Асеева была снята, а имущество вновь стало разворовываться. Муниципальный отдел Министерства внутренних дел «Рассказовский» возбудил несколько уголовных дел по фактам хищения имущества из «дворца» на сумму около 3 млн. рублей. Только после повторного обращения активистов в администрацию Президента Российской Федерации с просьбой продолжить финансирование реставрационных работ и подачи Управлением культуры Тамбовской области соответствующей заявки необходимые для этого средства были выделены.

В январе 2013 г. ЗАО «БалтСтрой» продолжило ремонтно-восстановительные и начало реставрационные работы в главном доме усадьбы В. Т. Асеева. В 2014 г. особняк, на реставрацию которого потребовалось более 300 млн. руб., был восстановлен (рис. 2; 4; 6). В 2015 г. на территории усадьбы были проведены работы по восстановлению ограждения: воссоздание художественнойковки и штукатурки, реставрация лицевой поверхности кирпичной кладки [4; 17].

В течение последующих трех лет рассказовский «дворец» Асеевых оставался закрытым для посетителей. Только в октябре 2018 г. он был передан в бессрочное пользование Историко-культурному музейному комплексу «Усадьба Асеевых». В настоящее время на базе особняка В. Т. Асеева планируется создание Музея повседневной жизни провинциальной усадьбы начала XX в.

Литература

1. Объект: Усадьба фабриканта В. Т. Асеева. Главный дом. Тамбовская область, г. Рассказово. Научно-проектная документация: в 4-х т. – Т. 2. Наименование: Комплексные научные исследования. Материалы историко-архивных исследований и историческая записка. – М., 2011.
2. ГАТО. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 2534.
3. ГАТО. – Ф. 143. – Оп. 4. – Д. 1346.
4. Литовский А. Рассказовская жемчужина // Трудовая новь. – 2013. – № 23 (24 апреля).
5. Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Статистические сведения о перевозке грузов за 1901 год. Грузы малой скорости. Ч. 2. – СПб., 1902.
6. Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Статистические сведения о перевозке грузов за 1902 год. Грузы малой скорости. Ч. 1-а. – СПб., 1903.

7. Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Статистические сведения о перевозке грузов за 1902 год. Грузы малой скорости. Ч. 1-6. – СПб., 1903.
8. Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Статистические сведения о перевозке грузов за 1903 год. Грузы малой скорости. Ч. 1-6. – СПб., 1904.
9. Нащокина М. В. Архитектурное наследие России. Лев Кекушев. – М., 2013. – 658 с.
10. Леденева Г. Л. Гражданская архитектура российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова). – Тамбов, 2003. – 80 с.
11. Борова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. – М., 1979. – 318 с.
12. Нащокина М. В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. – М., 2005. – 304 с.
13. ГАТО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 523.
14. Кученкова В. А. Асеевы: династия предпринимателей. – Тамбов, 2007. – 74 с.
15. Чижевский, А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским : Воспоминания. – М., 1995. – 734 с.
16. Объект: Усадьба фабриканта В. Т. Асеева. Главный дом. Тамбовская область, г. Рассказово. Научно-проектная документация: в 4-х т. – Т. 3. Наименование: Проект реставрации. – М., 2011.
17. Объект: Усадьба фабриканта В. Т. Асеева. Главный дом. Тамбовская область, г. Рассказово. Научно-проектная документация: в 4-х т. – М., 2011.

*Зиливинская Э. Д.,
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Москва*

*Zilivinskaya E. D.,
N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences, Moscow*

МЕЧЕТИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ОПЫТ ПЕРВИЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

MOSQUES OF THE CRIMEAN KHANATE: EXPERIENCE OF PRIMARY CLASSIFICATION

Аннотация. В статье рассматриваются сохранившиеся и известные по чертежам и фотографиям мечети Крымского ханства. Весь массив памятников разделяется на две большие группы – купольные мечети и здания с плоским стропильным перекрытием. Однокупольные мечети возникают в Малой Азии еще в сельджуковский период и существуют в Османской империи в качестве квартальных мечетей. В Крымском ханстве подобную планировку могли иметь небольшие квартальные мечети и пятничные Джума-мечети. К многокупольным относятся Джума-мечети в Феодосии и Евпатории. Их планировка имеет точные аналогии в Османской Турции. Наиболее обширную группу составляют мечети с плоским перекрытием, которые можно разделить на базиличные и зальные. Истоки зданий в виде базилик также можно найти в Малой Азии сельджукского периода. Зальные мечети являются их упрощенным вариантом.

Ключевые слова: Крымское ханство, мечети, купольные здания, постройки с плоским перекрытием, Малая Азия, сельджукский период, османский период

Abstrakt. The article considers the preserved and well-known from the drawings and photographs of the mosque of the Crimean Khanate. The entire array of buildings is divided into two large groups - domed mosques and buildings with flat beamed ceiling. Single dome mosques arise in Asia Minor back in the Seljuk period and exist in the Ottoman Empire as quarter mosques. In the Crimean Khanate, a similar layout could have small quarter mosques and Friday Juma mosques. Multi-domed buildings include Juma mosques in Feodosia and Yevpatoriya. Their layout has exact analogies in Ottoman Turkey. The most extensive group are mosques with flat ceilings, which can be divided into basilic and hall ones. The origins of buildings in the form of basilicas can also be found in the Asia Minor Seljuk period. Hall mosques are their simplified version.

Key words: Crimean Khanate, mosques, domed buildings, buildings with flat ceilings, Asia Minor, Seljuk period, Ottoman period

Во всех мусульманских странах городской доминантой являлась большая пятничная мечеть, видная издали благодаря устремленной ввысь вертикали минарета. Именно мечетям прежде всего уделяют внимание в своих записках путешественники при описании городов стран ислама. В своей «Книге путешествия» Эвлия Челеби пишет о том, что «на Крымском острове находится всего двадцать одна тысяча соборных и квартальных мечетей» [1, с. 30]. Несомненно, эта цифра довольно фантастична, однако она

свидетельствует о том, что мечетей в Крыму было очень много. В большинстве небольших селений, в которых проживали крымские татары, было, как минимум, по одной мечети, а в городах возводились как Джума-мечети (пятничные, соборные), так и небольшие квартальные *месджиты*.

Архитектура Крыма XVI–XVIII вв. продолжала традиции предыдущего периода и была тесно связана с Турцией, что вполне естественно, так как Крымское ханство находилось в зависимости от Османской империи.

К сожалению, до нашего времени дошли лишь единичные мечети эпохи Крымского ханства. Еще некоторое количество известно по фотографиям, рисункам и описаниям прошлых лет и веков. Тем не менее, несмотря на фрагментарность наших знаний, можно попытаться проанализировать архитектурные особенности мечетей этого периода. Здания можно разделить на две большие группы. Это купольные мечети и мечети с плоским стропильным перекрытием.

Купольные мечети. В свою очередь, купольные мечети делятся на однокупольные и многокупольные.

Однокупольные мечети имели простую планировку и состояли из одного основного объема, перекрытого куполом. Простейшим вариантом такой планировки являются здания, кубический объем которых переходит в барабан путем срезания углов; на углах куба образуются уступы, перекрытые невысокими двускатными черепичными крышами. Барабан венчает уплощенный восьмигранный шатер, крытый черепицей. Ярким примером такого здания является не сохранившаяся ныне мечеть в селении Карагёз Феодосийского района [2, с. 36–40; 3, рис. 468–470, 478, 503–507, 510–512]. Точно такую же структуру имели известные по фотографиям мечети в селениях Корун-Кипчак, Каймак Евпаторийского района, Суин-Эли Ленинского района и Кишла-Джами в Феодосии [2 с. 46–49; 3, рис. 499; 4, с. 134].

Другой вариант пространственного оформления однокупольной мечети – это когда диаметр барабана купола меньше размеров кубического основания и барабан как бы поставлен на него сверху. Типичным примером такой архитектурной формы является постройка в селении Колечь-мечеть (Новопокровка) недалеко от Феодосии [5, с. 144–146]. Еще одна купольная мечеть такой же пространственной структуры находится в селе Пионерском (Монетном) близ Симферополя [6]. Она представляет собой квадратное в плане здание с небольшой пристройкой с восточной стороны сходной планиграфии (так называемые «большая» и «малая» мечети). К этому же типу относится Муфти-джами в Феодосии, но ее отличает наличие портика в виде галереи. Еще одна мечеть подобного плана находилась в селе Шейх-Кой (ныне Давыдово) в Симферопольском районе. В настоящее время от постройки сохранились часть южной стены и ниша михраба со сталактитовым декором в сельджукском стиле [7; 8]. К постройкам с единым купольным пространством относится мечеть в Арабате, крепости, расположенной в северо-западной части Керченского полуострова на берегу Азовского моря. В настоящее время здание полностью разрушено [9, с. 144–172].

Тип однокупольных мечетей появился в Малой Азии уже при Сельджуках Рума. В дальнейшем эта традиция была продолжена в период бейликов и в раннеосманский период, когда были построены Хаси Озбек в Изнике (1333–1334), Алаеддин-бей-джами в Бурсе (1330-е гг.), Орхание-джами в Билеждике (XIV в.), Ибн Наджар-джами в Кастамону (1353 г.), Орхан Гази в Гебзе (середина XIV в.), Хюдавендигяр в Берамкале (вторая половина XIV в.), Хока Ядигар в Инёню (1379), Мурад-паша-джами в Бурсе (1378 г.), Ешил-джами в Изнике (1378–1391), мечеть (текие) Якуба Челеби в Изнике (конец XIV в.), Йилдирим Байезид в Мудурну (конец XIV в.), Ильяс-бей-джами в Балате (1404 г.) и др. [10, р. 29–70; 11, р. 494; 12, с. 264–271, 290–296, 385–387, 447–450]. Здания простейшей планировки состоят из одного купольного зала, однако большинство однокупольных мечетей имеют портик, перекрытый сводами различной конструкции или небольшими куполами. С возникновением более сложных многокупольных композиций однокупольные здания продолжают существовать в Османской империи в XV–XVIII вв., так как такая форма оказалась весьма востребованной при возведении небольших квартальных мечетей. Это хорошо прослеживается и на примере Крымского ханства, как части Османской империи, где однокупольные мечети строились как в качестве квартальных, так и в качестве Джума-мечетей в небольших городах и селениях.

Многокупольные многосекционные мечети. Таких мечетей в Крыму известно всего две – мечеть Султана Селима в Кефе (Феодосии) и Джума-Джами в Гёзлеве (Евпатории).

Мечеть султана Селима, или Сулейман-Хан-Джами, или Биюк-Джами, – главная пятничная мечеть города Кефе предположительно была построена в 1520 г. по указанию будущего султана Сулеймана I Великолепного [1, с. 181]. Биюк-Джами неоднократно описывали различные авторы (Ф. де Миранда, П. С. Паллас, П. И. Сумароков, Дюбуа де Монпере) и рисовали архитекторы и художники (В. Гесте, Г. Х. Гайслер, М. М. Иванов, Е. М. Корнеев, А. де Палдо, Н. А. Львов, К. Ф. Кюгельхен). На основании этих материалов можно получить представление об архитектонике Биюк-Джами. Постройка была прямоугольной в плане с небольшим узким двориком в северной части. Молельный зал разделен массивными прямоугольными устоями и контрфорсами северной и южной стен на три нефа. Центральная квадратная часть была перекрыта куполом на парусах. Барабан был двухъярусным: на восьмигранный был поставлен шестнадцатигранный с полусферическим куполом, крытым свинцом. Боковые нефы были перекрыты двумя куполами. С северной стороны к мечети примыкала открытая галерея из пяти стрельчатых арок, опирающихся на колонны, перекрытая пятью куполами. Главный вход в мечеть был сделан по центру южной стены, по сторонам от него находились два внешних михраба. Окна имели арочную форму и были расположены в три яруса. Нижний барабан также был прорезан окнами. Изначально мечеть имела два восьмигранных минарета на квадратных основаниях, которые видел Паллас в 1794 г. [13, с. 117]. Через четыре года В. Гесте зарисовал только один минарет [14].

Биюк-джами имеет довольно точные аналогии среди турецких мечетей. Практически идентична ей по плану Султан-Джами в Манисе 1522 г., сходную планировку имеют мечеть Чешнигир 1474 г. и Хатуние 1479 г. в Манисе [15, р. 158–159].

Несколько меньшие размеры, но более сложную и изысканную архитектуру, чем у Биюк-Джами, имеет Джума-Джами (Хан-Джами) в Гёзлеве (Евпатории) [16, с. 61–91]. Она была заложена в 1552 г. Девлет Гераем и освящена в 1562 г. Автором проекта здания был выдающийся турецкий архитектор и инженер XVI в. Ходжи Синан, о чем, в частности, пишет Эвлия Челеби [1, с. 52–53].

Здание в плане близко к квадрату, с северной стороны находится открытая галерея с пятью стрельчатыми арками, опирающимися на тонкие колонны со сталактитовыми капителями. В галерею выходят главные двери, по сторонам которых находятся два внешних михраба. Молитвенный зал прямоугольный в плане, вытянутый вдоль михрабной стены и разделенный на 12 модульных квадратных ячеек. Шесть ячеек, образующих боковые продольные нефы, перекрыты куполами на парусах; два модульных квадрата, примыкающие к стене киблы, образуют единую михрабную ячейку, перекрытую полукуполом; остальная часть зала отведена подкупольному квадрату.

Снаружи в объеме здания доминирует четверик, который путем двойного среза углов плавно переходит к невысокому шестнадцатигранному барабану со сферическим куполом. Купола боковых нефов, расположенные ниже, опираются на восьмигранные барабаны. Небольшие купола северной галереи на граненых барабанах лежат еще ниже. Такая структура создает эффект постепенного нарастания объемов. С двух сторон здания вплотную к восточной и западной стенам пристроены два минарета.

Евпаторийская Джума-Джами является типичной османской мечетью. По планировке она очень близка Фатих-Джами в Стамбуле 1463–1471 гг. [17, р. 122]. Разница заключается в том, что у Фатих-Джами к основному зданию примыкает обширный двор, окруженный со всех сторон галереями, перекрытой куполами. Такой же план имеет более поздняя мечеть Селима II в Конье 1566–1574 гг., с северной галереей, перекрытой семью куполами, и не имеющая двора.

Мечети с плоским перекрытием. Мечети с плоским балочным перекрытием и четырехскатной шатровой или вальмовой крышей на стропилах достаточно многочисленны. Б. Н. Засыпкин называл такие постройки «базиличными» [5, с. 146–154], однако это не совсем верно. Базиликой называется прямоугольное здание, разделенное на нефы рядами колонн или устоев, но далеко не все крымские мечети с плоским перекрытием имеют в интерьере колонны, поддерживающие несущие балки. Некоторые здания состоят из зала, балки перекрытия которого опираются непосредственно на внешние стены. Поэтому имеет смысл разделить группу мечетей с плоским перекрытием на две подгруппы – собственно базиличные и зальные.

Базиличные мечети. Несохранившуюся базиличную мечеть Карасубазара описал Б. Н. Засыпкин [5, с. 117–118]. К базиличным мечетям относится Большая Ханская мечеть, или Биюк Хан-Джами, расположенная в восточной части Бахчисарайского дворца. Эти постройки имеют молельный зал, разделенный на три нефа рядами колонн.

Зальные мечети. Подгруппа зальных мечетей, при всей простоте планировки зданий, неоднородна. Сюда входят и сравнительно большие пятничные мечети с высокими стенами и окнами в два света, и совсем маленькие, одноэтажные здания. Подгруппу можно разделить на два отдела: квадратные (или близкие к квадрату) в плане постройки и прямоугольные, вытянутые по оси север-юг.

Квадратные в плане. Основание в виде квадрата имеют мечеть Менгли Герай или мечеть Зынджирлы-медресе хана в Салачике [18, с. 83], Ешил-Джами [5, с. 152–154] и Молла Мустафа в Бахчисарае [18, с. 143–144].

Прямоугольные в плане. Прямоугольный план имеют сохранившиеся до наших дней мечети Тахталы-Джами и Орта-Джами в Бахчисарае [19, с. 72–73, 87], а также здание мечети при текие Шукурла-эфенди в Евпатории [16, с. 105].

Крымские мечети с плоским перекрытием также находят многочисленные аналогии на территории Турции. Прежде всего это относится к постройкам в виде базилик. Мечети базиличной планировки получили широкое распространение в Малой Азии сельджукского периода, и именно базилика лежит в основе «официальной сельджукской мечети» [12, с. 166, 218], а купольные здания строятся, в основном, для небольших квартальных мечетей. Среди базилик выделяется большая группа «деревянных» мечетей, в которых колонны, выполненные из дерева, поддерживают плоский деревянный потолок, а стены могут быть выполнены из камня [17, р. 121–123]. Причем в эту группу входят достаточно большие пятничные мечети, такие как Сахиб Ата-Джами в Конье 1279–1280 гг., Улу Джамии в Афьоне 1272 г., Улу Джамии в Зиврихисаре 1274–1275 гг., Ахи Середеддин-Джами в Анкаре 1289–1290 гг., Эшрефоглу-Джами в Бейшехире 1277 г. Именно эти здания, вероятно, послужили образцами для возведения крымских базиличных мечетей, которые, впрочем, гораздо скромнее и меньше по размерам.

В Османской Турции мода кардинально меняется, и возникает особый архитектурный тип «большой османской мечети», который характеризуется общностью архитектурной композиции, состоящей из центрально-купольного молитвенного зала, окруженного галереями двора и парных минаретов, расположенных на углах здания [20]. Но, несмотря на новые тенденции, базиличные мечети не исчезают полностью и одновременно. Они продолжают строиться в XIV–XV вв. в некоторых бейликах (например, в Карамане) [12, с. 398–408].

В Крыму, который являлся далекой провинцией Османской империи, прослеживаются обе традиции. Так, например, в Бахчисарае, который являл-

ся столицей Крымского ханства, известны исключительно мечети с плоским перекрытием, то есть старого сельджукского образца.

Генетически связаны с базиличными постройками прямоугольные в плане зальные мечети с плоским перекрытием. Квадратные в плане стропильные мечети, возможно, являются упрощенной версией однокупольных. Это самые простые здания, для постройки которых не требуется особое мастерство. Именно поэтому они и составляют большинство кварталных и сельских мечетей.

Литература

1. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. – Симферополь, 2008. – 270 с.
2. Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника / ред. И. В. Зайцев, Ш. С. Сетуймеров, Р. Р. Эминов. – М., 2016. – 112 с.
3. Мирас-наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов. Т. 2. – Казань, 2016. – 572 с.
4. Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // ПА. – 2016. – № 2 (16). – С. 120–137.
5. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. - № 2. – С. 113–168.
6. Кирилко В. П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. – 2012. - № 6. – С.261–301.
7. Кирилко В. П., Бочаров С. Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. - № 4/2. – С. 111–118.
8. Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. – 2016. – № 6. – С. 371–392.
9. Герцен А. Г., Колтухов С. Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. – Симферополь, 2009. – С. 144–172.
10. Kuran A. The Mosque in Early Ottoman architecture. – Chicago, 1968. – 233 p.
11. Hillenbrand R. Islamic Architecture. – N.Y., 1994. – 646 p.
12. Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. – М., 2017. – 480 с.
13. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. // Научное наследство. Т. 27. – М., 1999. – 246 с.
14. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 8. – Одесса, 1872. – 488 с.
15. Goodwin G. A. History of Ottoman Architecture. – L., 2003. – 511 p.
16. Кутайсов В. А. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. – Киев, 2007. – 282 с.
17. Aslanapa O. Turkish Art and Architecture. – N.Y., 1971. – 421 p.
18. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I. Бахчисарай. – Симферополь, 2016. – 168 с.
19. Османов Э. Э. Мечети Биюк Хан-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Т. 27 (66). – 2014. – № 4. – С. 65–75.
20. Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур». – М., 2018. – С. 92–118.

*Зинько Е. А.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Zinko E. A.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РАННЕХРИСТИАНСКИХ БОСПОРСКИХ СКЛЕПОВ¹

ACTUAL PROBLEMS OF PRESERVATION OF EARLY CHRISTIAN CRYPTS OF BOSPORUS

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследований раннехристианских склепов некрополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат. Особое внимание уделяется проблемам сохранения древних погребальных росписей. Поставлена задача создания комплексного плана по сохранению раннехристианских склепов.

Ключевые слова: Пантикапей-Боспор, расписные склепы, раннехристианские склепы.

Abstrakt. In article the basics of the early Christian crypts of the Pantikapei-Bosporus necropolis on the northern slope of Mount Mithridat are presented. Particular attention is drawn to the problems of preserving ancient burial paintings. The task of creating a comprehensive plan for the preservation of early Christian crypts is given.

Key words: Pantikapei-Bosporus, painted crypts, early Christian crypts.

Начало изучения склепов некрополя Пантикапея-Боспора было положено в 1811 г. П. Дюбрюксом. В общей сложности в течение XIX в. открыто до 200 склепов, расположенных на северном склоне горы Митридат.

Особо значимым шагом в изучении ранневизантийского некрополя Пантикапея-Боспора в 90-х годах XIX в. явилась деятельность Ю. А. Кулаковского. С 1890 г. он открыл несколько склепов с надписями и росписями, среди которых уникальный христианский склеп с датой на стене.

В ходе проведения своих исследований, Ю. А. Кулаковский столкнулся с умышленным уничтожением местными жителями ранее открытых склепов на некрополе Пантикапея-Боспора, местонахождение некоторых других оказалось со временем просто забыто. Стремясь изменить сложившееся отношение к открытым памятникам и сохранить бесценное культурное наследие Боспора, Ю. А. Кулаковский объединил задачи изучения и сохранения памятников [1, с. 523–524]. В 1891 г. он и директор Керченского музея К. Е. Думберг хлопотали о приобретении для города частного земельного

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ. № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

участка, на котором располагался христианский склеп 491 года. Планировались строительные мероприятия по устройству входа в погребальную камеру склепа, осуществление которых могло явиться примером для организации охраны и других расписных склепов. К сожалению, этот склеп не был сохранен для изучения, а территория, где он располагался, осталась частным владением. Длительное время в практике исследователей некрополя присутствовал единственный способ сохранения открытых расписных склепов – после осмотра и снятия копий с росписей вновь их засыпать¹.

Осуществив обследование ранее открытых склепов, Ю. А. Кулаковский составил один из первых планов местонахождения керченских расписных и нерасписных склепов северного склона горы Митридат, исполненный военным кондуктором Полтавским. Этот план должен был храниться в Керчи для постепенного пополнения его новыми данными, а уменьшенная копия части этого плана была опубликована. Всего Ю. А. Кулаковским было нанесено на план 12 расписных склепов и 40 так называемых «местонахождений катакомб» [1, с. 525].

Рис. 1. Росписи ниш возле центральной лежанки склепа № 2 (2000 г.).
Фото Е. А. Зинько

Подводя итоги этого периода исследования некрополя Пантикапея-Боспора, следует также отметить присущее большинству исследователей,

¹ Исключением стали только два памятника некрополя Пантикапея-Боспора – склеп 1985 г. и склеп 1891 г., расположенные на частных владениях, территории которых были выкуплены в 1908 г. Императорской Археологической комиссией и в настоящее время находятся на балансе местного музея-заповедника.

понимавших крайнюю редкость украшенных росписями склепов, стремление предпринять меры к их сохранению. Так, в 1891 г. К. Е. Думберг в рапорте в Императорскую Археологическую комиссию писал о вреде, наносимом памятникам некрополя кладоискателями и городской застройкой горы Митридат. Ситуация с развивающимся частным строительством на территории некрополя Пантикапея-Боспора, не состоящего на государственном учете, сохраняется и по сей день и исключает возможность исследования памятника сплошными площадями с дневной поверхности.

В послевоенный период, понимая уникальность открытых погребальных памятников некрополя Пантикапея-Боспора, исследователи чаще ставили первоочередными задачами не возобновление археологических исследований на территории некрополя, а вопросы сохранения, реставрации и вскрытия всех расписных склепов северного склона горы Митридат с целью проверки их состояния и организации дальнейшей доступности для осмотра. Однако эти поставленные задачи оставались лишь на бумаге. Длительный период времени некрополь столицы Боспора системно не исследовался, а большинство открытых ранее склепов, в том числе и расписных, было утрачено [1, с. 531].

Новый период в истории исследования погребальных сооружений этого некрополя наступил в конце прошлого века. В 1996 г. мною было начато обследование системы склепов на ул. Желябова (бывшая 1-я Подгорная). На площади более 0,5 га на глубине от 4 до 7 метров было зафиксировано 64 грунтовых склепа. Был составлен подробный план их расположения, сделаны обмеры, графическая и фотографическая фиксация склепов «Системы Желябова 27». Склепы с росписями из этой системы в свое время были описаны и частично опубликованы М. И. Ростовцевым, хотя при сопоставлении выявляются и значительные расхождения, требующие уточнений. Этот участок ранневизантийского некрополя Пантикапея-Боспора имел довольно строгую планировочную структуру, при которой склепы располагались плотными рядами, вытянутыми с северо-востока на юго-запад вдоль склона горы Митридат.

В 2000 г. в 100 метрах выше по склону горы возле дома № 28 на ул. Желябова мною была открыта еще одна новая группа позднеантичных грунтовых склепов, получившая название «Система 2000 г.». Среди 47 картографированных склепов в трех (склепы № 2, 11, 41) были выявлены рисунки в геометрическом стиле. В настоящее время в этой системе насчитывается 50 склепов, соединенных грабительскими лазами в единую сеть. Значительным открытием стало исследование в 2002 г. в 200 м к востоку от ул. Желябова в районе ул. Шлагбаумской еще одной группы склепов, получившей название «Система 2002 г.». В этой системе картографировано 45 склепов. Всего на северном склоне горы Митридат нами картографировано более 300 грунтовых склепов ранневизантийского некрополя Пантикапея, а также полностью раскопано и изучено несколько десятков склепов, среди

которых наряду с уже известными, расписными, выявлено несколько новых с геометрической росписью [2].

При исследовании некрополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат в конце XIX – начале XX вв. было открыто 6 склепов с христианскими символами и 9 гробниц с геометрической росписью. В результате новейших раскопок на этом же участке некрополя открыто 5 ранее неизвестных склепов с христианской символикой (склепы № 2 (рис. 1), № 11, № 16 «Системы 2000 г.», № 46 «Системы 2003 г.», № 5 «Системы 2004 г.»). В трех из открытых склепов стены и свод камеры украшены изображением крестов.

Техника росписи всех погребальных камер одинакова – она наносилась на стены, вырубленные непосредственно в толще геологических пород, не покрытые штукатуркой, одной или в редких случаях двумя красками. Преобладают красная и черная краски. В большинстве случаев фигуры и орнаменты сделаны широкими линиями по заранее прочерченному в мергеле острым предметом рисунку. На основании исследований по-новому рассмотрена культовая символика этих росписей. Все рисунки и орнаменты расположены всегда в строго определенных местах погребальной камеры и не столько подчеркивают архитектурные линии, сколько несут определенную смысловую нагрузку, которая может быть объяснена христианской направленностью этой живописи. В первых веках для передачи основных догм новой идеологии христианами использовались условные выражения, слова и буквы. Но, очевидно, не считая и их достаточно надежными для передачи тайного смысла учения, стали употреблять знаки – символы и отдельные изображения. Вероятно, именно эти религиозные нормы отражены в художественном оформлении раннехристианских склепов на Боспоре.

Геометрические рисунки характерны для некоторых погребальных камер грунтовых склепов, датируемых последней четвертью III – началом V вв. и объединенных в тип I. В тип II вошли склепы с христианскими граффити, а также склеп 1912 г. с рельефным изображением креста с четырьмя птицами над входом с внутренней стороны. Они относятся к последней четверти IV – первой половине V вв. В тип III вошли расписные склепы с крестами, в частности склеп № 16 «Системы 2000 г.» с шестью крестами, а также склепы с крестами и псалмами. Памятники последнего типа суммарно датированы второй половиной V – серединой VI вв. Таким образом, типология грунтовых склепов некрополя Пантикапея-Боспора наглядно отражает и эволюцию декора раннехристианских погребений. В хронологическом аспекте в росписях боспорских грунтовых склепов прослеживается тенденция к ее упрощению, а лучше сказать – минимализма и сохранения, в конечном результате, одного главного символа – креста. Этот символ становится единственным живописным элементом в боспорских склепах с конца V в.

В итоге многолетних раскопок и исследований был составлен подробный топографический план расположения грунтовых склепов, проведена

классификация и выделены хронологические этапы бытования того или иного типа склепов, по-новому атрибутирована культовая символика живописи расписных склепов ранневизантийского времени, впервые доказана их христианская направленность. Проведенные раскопки позволили пополнить археологические коллекции новыми находками, а также впервые получить и научно обработать антропологические материалы из ранневизантийских грунтовых склепов столицы Боспора [3].

Большие работы были проведены и для сохранения расписных склепов ранневизантийского времени. Стены и свод открытых мною расписных склепов были полностью очищены и выявлены все детали нанесенных росписей. В результате замуровывания грабительских ходов, эти расписные склепы были «отсечены» от других склепов, расположенных поблизости. Кроме этого, для мониторинга состояния росписей в некоторые склепы были сооружены временные закрывающиеся входы, которые не позволяют проникнуть в них посторонним лицам. Эту работу необходимо продолжить и для расписных склепов, описанных М. И. Ростовцевым. Все это требует создания и планомерного выполнения государственного комплексного плана сохранения раннехристианских расписных склепов некрополя Пантикапея-Боспора, расположенного на северном склоне горы Митридат.

Литература

1. Зинько Е. А. Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора // МАИЭТ. – 2013. – Вып. XVIII. – С. 523–540.
2. Зинько Е. А. Актуальные вопросы изучения склепов некрополя Пантикапея-Боспора // X Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы»: материалы Международной научной конференции. – Керчь, 2009. – С. 172–174.
3. Зинько Е. А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея-Боспора (исследования 1996–2009 гг.). – Симферополь – Керчь, 2017. – 186 с.

*Зинько В. Н., Зинько А. В.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Zinko V. N., Zinko A. V.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ В СОХРАНЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА

THE MAIN TASKS IN THE PRESERVATION AND USE OF THE BOSPORUS CITY TYRITAKE

Аннотация. Представлены основы концепции сохранения древнего города Тиритака, разработанной с целью обеспечения формирования археологического парка. В результате проведенных работ боспорский город Тиритака предстает как уникальный по сохранности и изученности объект археологического наследия, на территории которого сохранились архитектурно-археологические комплексы начиная с архаического времени вплоть до ранневизантийского времени.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, архитектурно-археологические комплексы, археологический парк.

Abstrakt. The basics of the concept of conservation of the ancient city Tyrítake, designed to ensure the formation of an archaeological park, are presented. As a result of the work carried out, the Bosphorus city of Tiritak is presented as a unique archaeological heritage site, on the territory of which the architectural and archeological complexes from the archaic time up to the early Byzantine time have been preserved.

Key words: Cimmerian Bosphorus, Tyrítake, architectural and archeological complexes, archaeological park.

Объект культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс "Древний город Тиритака"» располагается на стыке жилой и промышленной зон застройки южной окраины современной Керчи, непосредственно у шоссе, связывающего исторический центр с общегородской зоной отдыха. Имея довольно компактную и сравнительно небольшую территорию (около 10 га), городище в настоящий момент практически выведено из современного хозяйственного использования, за исключением южной окраины, где значительная часть южной крепостной стены находится возле железнодорожной насыпи.

В 2002 г. Центр археологических исследований благотворительного фонда «Деметра», в соответствии с основными задачами организации, начинает многолетний проект «Боспорский город Тиритака». Этот хрестоматийно известный, в связи с довоенными раскопками Ю. Ю. Марти и В. Ф. Гайдукевича, памятник впоследствии лишь спорадически исследовался в 1974 г. (Д. С. Кирилин) и в 1983–1984 гг. (О. Д. Чевелев), более полувека системно не изучался. Он идеально подходил для отработки планируемых

задач. Проектом закладывались большие комплексные научно-исследовательские задачи, а также предусматривалось решение вопросов сохранения и музеефикации всего древнего города [1].

В рамках проекта были предложены основы концепции сохранения Тиритаки, которые сводились к трем главным моментам: консервация открытых в различных частях городища архитектурно-археологических комплексов и создание музеефицированного археологического парка; ограждение и охрана территории памятника; удаление с территории городища всех видимых техногенных нарушений, включая большое количество старых археологических отвалов. Данная концепция была разработана с целью обеспечения возможности формирования музейной экспозиции раскрытых и предполагаемых к раскрытию архитектурно-археологических комплексов древнего городища Тиритака.

Все эти положения были положены в основу генерального плана музеефикации Тиритаки, разработка которого была начата в 2006 г. и закончилась его утверждением в государственных органах в 2009 г. Несмотря на положительные отзывы, Керченский заповедник, в ведении которого находится этот объект, так и не приступил к выполнению неотложных задач по сохранению памятника археологии национального значения. Тем не менее в 2008 г. авторским коллективом начаты предпроектные разработки рабочей документации на отдельные архитектурно-археологические комплексы. В 2009 г. на создание рабочего проекта на один из таких комплексов – тиритацкую базилику – фондом «Деметра» был выделен благотворительный грант.

В рамках концепции археологического парка боспорского города Тиритака нами решены следующие задачи:

1. Определены границы территории археологического памятника, предназначенной для экспонирования архитектурно-археологических комплексов. Трассировка границ фиксирована фрагментами древних крепостных стен и проведена по направлению их предполагаемого местонахождения. Такой подход дает наглядное представление о размерах древнего города. Технически ограждение территории экспонирования предлагается выполнять, сочетая фрагменты выявленных и инсталлированных крепостных стен и решетчатое ограждение по их вероятному направлению, выполненное с фиксацией ширины стен на поверхности земли. На сегодняшний день практически на всем протяжении исследована северная крепостная стена города. Для этого в 2008 г. были начаты раскопки к западу и востоку от раскопа XXI в. Ф. Гайдукевича, в ходе которых были открыты на протяжении многих десятков метров новые участки северной крепостной стены. В настоящее время на протяжении более 200 метров северная крепостная стена представлена значительными фрагментами раскопанных участков (раскопы XX, XXI, XXIII, XXVIII, XXIX); инсталлированной каменной стеной на участке, уничтоженном зданием усадьбы Оливы XIX в., а также небольшим участком с решетчатым ограждением. В восточной части на раскопе XXI

проведена консервация башни № 3, раскопанной В. Ф. Гайдукевичем. Западная стена законсервирована возле северо-западной угловой башни города (раскоп XX) на протяжении более 20 м. В 2009–2019 гг. на площади раскопа XXVII открыты новые участки западной крепостной стены в центральной части города на протяжении 35 м [2].

2. В составе проекта разработано функциональное зонирование территории, включающее следующие зоны:

- *зона экспозиции*, состоящая из участков археологических раскопов с отдельными архитектурно-археологическими комплексами;
- *зона приема и обслуживания посетителей*, включающая автомобильную стоянку, музейный павильон с помещением для продажи билетов, кафе, торговые точки для продажи сувениров, медпункт, туалеты;
- *зона научно-технического обеспечения экспозиции* с помещениями для музейных сотрудников и археологической экспедиции.

Размещение надземных частей капитальных зданий на рельефе предполагается на отметках поверхности близ расположенных улиц древнего города.

3. Выявлены наиболее ценные видовые точки и определены места для оптимального восприятия объектов экспозиции.

Для обеспечения панорамного обзора городища предлагается устройство видовых площадок на кровле музейного павильона. Трассировка экспозиционных маршрутов выполнена посредством объединения обзорных точек и обеспечивает наиболее удобный подход к объектам экспозиции. По возможности трассировка экскурсионных маршрутов совмещена с выявленными фрагментами планировочной структуры городища. Решение покрытий пешеходных связей обеспечивает их легкую трансформацию при расширении экспозиции вследствие проведения новых археологических раскопок.

Обзорные площадки предполагается обеспечить стендовой информацией. Информация должна содержать краткие сведения об объекте: время его создания и использования, а также о том, кто, когда открыл, исследовал памятник. Кроме того, для памятников археологии, как правило, имеющих существенные утраты, обязательным является изображение предполагаемой реконструкции первоначального вида памятника [3].

По всем этим направлениям нашей экспедицией совместно с фондом «Деметра» проделана значительная работа. Однако она могла быть значительно более эффективной, если бы балансодержатели объекта культурного наследия проявляли заинтересованность в реализации этого проекта. Несмотря на это, был проведен второй этап по разработке проектной документации – выполнены работы по созданию рабочего проекта фрагментарной реставрации ранневизантийской христианской базилики конца V в. (рис. 1) и представлены реконструкции всех сохранившихся древних винодельческих комплексов [4].

Рис. 1. Проектируемый вид реставрации раннехристианской базилики Тиритаки

Для обеспечения постоянной охраны всего городища в 2006 г. было спроектировано и построено, за счет благотворительных средств фонда «Деметра», здание музейной сторожки. В этом здании есть и небольшое помещение для первичной камеральной обработки археологического материала во время проведения раскопочных работ.

Дальнейшее насыщение теми или иными элементами экскурсионной инфраструктуры археологического парка «Боспорский город Тиритака» напрямую связано с общими целями, которые ставит перед собой государство в отношении древних боспорских городищ. Все работы (археологические раскопки, консервация, проектные и др.) на городище Тиритака на протяжении всех лет проводятся по грантам фонда «Деметра». Были проведены работы по консервации крепостных стен и жилищно-хозяйственных комплексов северной части города на площади более 1 га. Полностью завершена консервация кладок на раскопе XXVI (центральная часть города) [5]. Учитывая тот факт, что интерпретация и презентация является частью целостного процесса охраны культурного наследия, при создании археологического парка «Боспорский город Тиритака» мы придерживались семи главных принципов, заложенных в Энамской хартии ИКОМОС.

В результате проведенных работ боспорский город Тиритака предстает как уникальный по сохранности и изученности объект археологического наследия, на территории которого сохранились архитектурно-археологические комплексы, начиная с архаического времени и вплоть до

ранневизантийского периода, окруженные мощными крепостными стенами, защищавшими город на протяжении более тысячи лет.

Литература

1. Зинько В. Н. Проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов городища Тиритака // БИ. – 2007. – Вып. XVII. – С.128–137.
2. Зинько В. Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака // БИ. – 2015. – Вып. XXXI. – С. 100–109.
3. Зинько В. Н., Зинько А. В. Проблемы изучения и сохранения античных городов Боспора Киммерийского (на примере боспорского города Тиритака) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. – Краснодар, 2013 – С. 144–147.
4. Андрущенко Н. П. Античные винодельни на Тиритакском городище в Керчи. Опыт доисследования археологических объектов и предложения по музеефикации. – Киев, 2010. – 50 с.
5. Зинько В. Н. Важнейшие результаты и возможные перспективы проекта «Боспорский город Тиритака» (2002–2019 гг.) // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2019. – С. 226–236.

*Исак И. А.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь
Isak I. A.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ В КРЫМУ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ ЧИСЛА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

MAIN STAGES OF PERPETUATION IN CRIMEA OF MEMORY OF CIVILIAN VICTIMS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. Память о жертвах из числа мирного населения является неотъемлемой частью изучения истории Великой Отечественной войны. В статье приведены основные памятники и памятные места, посвященные массовой гибели жителей Крыма в период немецкой оккупации полуострова. На основе изученных материалов сделан вывод о том, почему мемориализация памяти жертв среди мирного населения начинается в более поздний советский период.

Ключевые слова: мемориализация, мирное население, оккупация, историческая память, Керчь, Симферополь, совхоз «Красный», Крым.

Abstract. The memory of civilian victims is an integral part of the study of the history of the Great Patriotic War. The article contains the main monuments and memorabilia dedicated to the mass death of residents of Crimea during the German occupation of the peninsula. Based on the materials studied, it was concluded why the memorialization of the memory of civilian victims begins at a later time.

Key words: memorialization, civilians, occupation, historical memory, Kerch, Simferopol, state farm "Krasny", Crimea.

Жертвами оккупационного режима на территории Крымского полуострова в годы Великой Отечественной войны были не только воины Красной Армии, подпольщики и партизаны, но и мирные жители. Перед нацистским оккупационным командованием ставилась задача «очистить» или «освободить» регион от главного «врага» Германии – еврейского населения. В Крыму уничтожение мирного населения проходило в период с 1941 г. по 1944 г. Высокую частоту проведения карательных операций придавало близкое расположение фронта, что не позволило нацистскому руководству вернуть на полуострове полноценное административное управление, вследствие чего в Крыму действовала военная администрация, которая с первых дней оккупации приступила к массовым казням и расстрелам мирного населения. «Еврейским» и «цыганским» вопросом нацистские власти начали за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576

ниматься с первых дней оккупации. Основным органом, проводившим карательные операции на полуострове, была айнзатц группа «Д» [5, с. 71].

Мирное население во всех городах Крыма собирали и уничтожали по национальному признаку. Местом сбора были центральные площади городов, городская или сельская администрация, с последующим вывозом на места казней или в лагеря временного содержания. В Джанкое лагерь был устроен в помещении школы № 1. На протяжении всей оккупации лагерь был действующим и предназначался в основном для заключения мирных жителей. За все существование лагеря нацисты расстреляли более 85 тысяч мирных жителей, партизан, подпольщиков и 47 234 пленных красноармейцев. В память о кровавых злодеяниях нацистов на здании школы в 1967 г. была установлена мемориальная доска с текстом «Здесь в фашистском концлагере с октября 1941 г. по апрель 1944 г. были замучены тысячи советских граждан». Еще одним местом массовых казней в городе был противотанковый ров в районе джанкойского аэродрома. В годы оккупации здесь было расстреляно 6666 человек, основную часть погибших составляли евреи и красноармейцы. На месте гибели установлена стена скорби с силуэтом женщины с зажженной свечой [1, с. 45].

Первый массовый расстрел в Евпатории нацисты устроили 23 ноября 1941 года. Еврейскому населению под предлогом переселения в краткий срок было указано собраться с вещами в районе товарной станции. У прибывших отобрали все имущество, а самих людей расстреляли в районе Пересыпи. В декабре 1941 г. и в начале января 1942 г. жестокие расправы в городе участились в связи с высадкой евпаторийского десанта [2, с. 284]. В эти дни оккупанты истребили практически все мужское население города. Местом массовых казней стала северо-западная окраина города, где находился противотанковый ров. Активные карательные операции в Евпатории проходили на протяжении всего января 1941 года, в отместку за потери среди личного германского состава при ликвидации десантников. В ноябре 1967 г. в городе был воздвигнут обелиск памяти жертвам немецкой оккупации. Надпись на памятнике гласит: «Жертвам фашизма 1941–1944 гг. от жителей г. Евпатория». Еще одним местом памяти жертв нацистских репрессий в городе является мемориальный комплекс «Красная горка». В период всей оккупации Евпатории в этом месте было расстреляно более 15 тыс. мирных жителей, среди которых было не только мужское население, но и старики, женщины и дети различных национальностей [3, с. 89].

Массовые казни мирного населения проходили не только в больших городах полуострова. В Нижнегорском районе, на бывшей территории поселка Чокрак с декабря 1941 г. по апрель 1944 г. проходили массовые расстрелы. На месте массой гибели мирных жителей установлены памятный знак и мемориальная доска с текстом: «В этом районе в 1941–1944 годах была совершена массовая казнь советских граждан немецко-фашистскими оккупантами».

В 1944 году, во время отступления нацистских войск, в районе поселка Камышиное была устроена облава на мирных жителей с целью выявления партизан и подпольщиков. На окраине села оккупанты расстреляли всех жителей, которых удалось захватить в ходе проведения облавы. У дороги Раздольное – Красноперекопск, на месте гибели мирных жителей установлена скульптурная композиция – молодая раненая женщина-мать в падении пытается закрыть своим телом от пуль нацистов своего ребенка – маленькую девочку, держащую в руке плюшевого медвежонка [8, с. 286].

В 1941–1942 гг. в саду у Михайловского шоссе проводились массовые расстрелы советских граждан из города Саки и близлежащих поселков. Первые расстрелы произошли в октябре 1941 года, когда была схвачена группа подпольщиков Тертышного И. А., проводившая диверсионную работу в тылу врага, но её участники были схвачены и расстреляны [4, с. 138]. В 1950 году на братской могиле был установлен памятник, который был заменен в 1978 г. [9, с. 361].

В Керчи местом массовой гибели мирного населения стал Аджимушкайский ров. В период 1942–1943 гг. здесь было расстреляно и захоронено 2269 мирных жителей. Нацисты использовали различные методы расстрелов – от автоматов и пулеметов до сожжения тел огнеметами. В 1989 году на месте Аджимушкайского рва был открыт памятник и возведен мемориал в память о погибших гражданах [6, с. 122].

Под Симферополем в урочище Дубки нацисты организовали лагерь смерти, в котором расстреливали, травили газами, сжигали в кострах мирное население города. Сюда пригоняли на расправы и узников концлагеря совхоза «Красный». В 1973 году на месте массовых расстрелов советских граждан был создан мемориальный комплекс, который представляет собой аллею скорби – дорога, по которой узники лагеря шли на смерть. В центре комплекса установлена семиметровая фигура женщины с поднятыми вверх руками. На барельефе изображены человеческие лица – женщина, зажавшая рот, чтобы не кричать, боец с гордым взглядом в глаза смерти, мать, прикрывающая испуганного ребенка [7, с. 211].

Противотанковый ров у Феодосии стал местом массовых репрессий, которые проводились в ноябре-декабре 1941 года, январе 1942 года – апреле 1944 года. Первыми жертвами стали евреи и крымчаки. В период с ноября 1941 года по апрель 1944 года оккупационными властями было расстреляно и замучено более 8 тысяч мирных жителей. В 1944 году, после освобождения города, феодосийским городским комитетом по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на основании свидетельских показаний был составлен «Список мирных граждан, расстрелянных в Феодосии». На могиле жертв фашизма в 1967 году был сооружен памятник, а уже в мае 1976 года был заменен на новый. Обелиск имеет четырёхгранную форму и изготовлен из бетона со стеклянной крошкой. На плите установлена мемориальная доска из белого мрамора с надписью: «Здесь похоронены зверски за-

мученные немецкими фашистами в 1941–1944 годах 8 тысяч советских людей» [8, с. 299].

В первые послевоенные годы на территории Крымского полуострова большое внимание уделялось увековечиванию памяти о переломных событиях в освобождении Крыма, воинских частях или подразделениях, которые героически оборонялись или изгоняли врага с крымской земли, – партизанах, подпольщиках, которые внесли свой непосредственный вклад в борьбу с оккупационными властями и режимом в целом. Обследованием мест злодеяний немецких оккупационных властей занимались специальные комитеты, задачей которых было выявление мест массовых казней и определение количества жертв нацистских репрессий. Стоит предположить, что процесс мемориализации мирного населения полуострова, начавшийся в 1950-е годы, связан с продолжительным расследованием тех кровавых событий, которые прошли в период оккупации Крыма, которые сопровождались исследованием мест расстрелов и перезахоронением жертв репрессий. Памятники и памятные места военнослужащим создавались силами самих военных, в отличие от памятников мирному населению, которые сооружались за счет пожертвований местного населения [подробнее см.: 10]. Количество населения Крыма за годы оккупации сократилось более чем на 2/3 по сравнению с предвоенными годами. В городах населения практически не осталось, опустели многие села и деревни, многие не вернулись с фронтов. Увековечивать память о мирных, ни в чем не повинных жителях Крымского полуострова было попросту некому, в результате демографических потерь и массовых перемещений населения (мобилизация, эвакуация и проч.) преемственность с послевоенным периодом была выражена не в полной мере. Только лишь в 1960-е – 1970-е годы на территории полуострова начинают более активно появляться мемориальные места и комплексы, посвященные массовым репрессиям и казням мирного населения Крыма. Это было связано с резким увеличением символического статуса событий Великой Отечественной войны в общественном сознании, когда жители каждой территориальной общины искали значимые свидетельства сопричастности к Великому подвигу, проявленному советским народом в 1941–1945 гг. Широкий размах получило поисковое движение «красных следопытов», раскрывавших малоизвестные страницы военного прошлого, в том числе связанные с уничтожением местного населения оккупантами. Все это создало благоприятную «коммеморативную ситуацию» для того, чтобы память о массовых казнях, осуществлявшихся оккупантами и их помощниками из числа коллаборантов, стала частью общей памяти о войне [11]. Именно в этот период памятники, посвященные событиям Великой Отечественной войны, стали объектами шефства со стороны трудовых и учебных коллективов [12, 13]. Под влиянием публичного мемориального дискурса у всех советских людей, принадлежащих не только к военному, но и послевоенным поколениям, сформировалось чувство морального долга по отношению ко всем погибшим в страш-

ный для Крыма период 1941–1944 гг. независимо от того, погибли ли они с оружием в руках или стали виктимными жертвами.

Литература

1. Тяглый М. И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова (1941–1944): Справочник / М. Тяглый. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2005. – 105 с.
2. Кулакова Н. Н. Осуществление политики Холокоста на территории Крыма / Н. Н. Кулакова // Молодой ученый. – 2016. – № 16(120). – С. 282–286.
3. Драчук В. С. Евпатория / В. С. Драчук, В. П. Смирнова, Ю. В. Челышев. – Симферополь: Таврия, 1979. – 160 с.
4. Крым: памятники славы и бессмертия / Шаповалова С. Н. [и др.]. 2-е изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1985. – 235 с.
5. Рунов В. Битва за Крым, 1941–1944: от разгрома до триумфа / В. Рунов, Л. Зайцев. – Москва: Яуза-Пресс, 2014. – 383 с.
6. Полякова В. П. Холокост в отношении крымчаков Керчи // Материалы 9-й Междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. – М.: Сафер, 2002. – С. 203–210.
7. Пыхалов И. За что Сталин выселял народы: Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие: историческая литература / И. Пыхалов. – М.: Яуза-Пресс, 2011. – 478 с.
8. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной Войны в 1941–1945 годов. – Симферополь: Таврида, 2015. – 496 с.
9. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.): справочное издание. Т. 1. – Симферополь: Респуб. комитет по охране культурного наследия АРК; ООО «Форма», 2004. – 488 с.
10. Исак И. А. Первый этап увековечивания памяти героев Великой Отечественной войны в Севастополе и Керчи (1944–1950 гг.): сравнительный анализ // Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сборник трудов V Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 2019. – С. 70–72.
11. Попов А. Д. Как устроена память о войне?: основные вопросы memory studies // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России: к 75-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции (Симферополь, 7 мая 2020 г.) / Под ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 69–76.
12. Гогунская Т. А. Роль общественных инициатив в благоустройстве памятников Великой Отечественной войны: от шефства к волонтерству // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – С. 71–79.
13. Гогунская Т. А. Волонтеры (добровольцы) на объектах культурного наследия: история и современность // Историческое наследие Крыма. 2019: Сборник статей / Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – С. 5–12.

*Каткова И. А.,
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник "Херсонес Таврический"», Севастополь*

*Katkova I. A.,
Federal State Budgetary Institution of Culture State Historical
and Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonesos», Sevastopol*

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕЗЕНТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДИЩА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

ON THE QUESTION OF TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE PRESENTATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE TAURIC CHERSONESUS SETTLEMENT

Аннотация. Автором делается попытка анализа форм и методов просветительской деятельности в презентации памятников городища Херсонеса Таврического с целью расширения музейной аудитории. Рассматривается необходимость синтеза традиционных и инновационных методик для усовершенствования музейно-просветительских мероприятий и создания оптимальных условий для развития образовательных, воспитательных, досугово-развлекательных возможностей музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Ключевые слова: Херсонес Таврический, городище, просветительская деятельность.

Abstrakt. The author makes an attempt to analyze the forms and methods of educational activity in the presentation of monuments of the Tauric Chersonesos settlement in order to expand the museum audience. The necessity of synthesizing traditional and innovative methods for improving museum and educational events and creating optimal conditions for the development of educational, educational, recreational and recreational opportunities of the Tauric Chersonesos Museum-Reserve is considered.

Key words: Tauric Chersonesos, ancient settlement, educational activity.

Культурно-просветительская работа – одно из важнейших направлений деятельности Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Археологический музей на территории Херсонеса существует с 1892 г. [5, с. 8]. Его создатель, К. К. Косцюшко-Валюжинич являлся не только первым директором, но и первым просветителем и популяризатором памятника. Он лично проводил экскурсии для всех интересующихся историей Херсонеса. Таким образом формировалась просветительская деятельность музея, методы которой видоизменялись с течением времени и в связи с развитием музейного дела.

Херсонесское городище можно рассматривать как самостоятельную экспозицию под открытым небом. Археологическая коллекция из раскопок Херсонеса и памятники городища являются основной источниковедческой

базой его истории, а значит, и основой для создания форм просветительской работы музея-заповедника.

Историческую и культурную значимость Херсонеса как объекта Всемирного наследия в июне 2013 г. подтвердила 37-я сессия ЮНЕСКО, включив городище вместе с памятниками его ближней хоры в Список Всемирного культурного наследия. Выработке подходов к презентации археологического объекта «Древний город Херсонес Таврический» в 2011 г. был посвящен специальный семинар [3].

Основные музеефицированные памятники представлены в портовом, северо-восточном, северном районах городища. В юго-восточной части Херсонеса частично сохранились оборонительные стены с проемом главных городских ворот. В Херсонесе открыт раскопками и реконструирован единственный на территории России античный театр (используется местными театрами как сценическая площадка для постановок исторической тематики с 1986 г. и проведения детских интерактивных мероприятий) [1; 4; 8].

На территории древнего городища находятся два действующих храма XIX в.: Семи Священномучеников Херсонесских и Свято-Владимирский собор как памятник Крещению Руси, внутри которого сохранились остатки крестообразного храма X в., в котором, по одной из версий, произошло в 988 г. важное государственное событие – Крещение главы Древнерусского государства князя Владимира. Сюда, к колыбели русского христианства, направляются группы паломников в рамках программ паломнического туризма [3, с. 245]. Сейчас эта работа продолжается более активно сотрудничая с Византийского и Культурно-просветительского отделов музея-заповедника.

Президентом РФ В. В. Путиным был задан вектор реформирования Херсонеса в символ и основу русской государственности, «русскую, российскую Мекку». Заданный вектор увеличил интерес посетителей к христианской истории Херсонеса. Поэтому возникла необходимость в просветительскую деятельность музея-заповедника ввести новые тематические экскурсии по истории христианства, создавать и прокладывать новые маршруты, включая в них некоторые христианские храмы городища, которые ранее предназначались для самостоятельного осмотра посетителями. На городище известно более 60 христианских храмов различных архитектурных типов: раннехристианские базилики и крестообразные храмы, крестовокупольные и многочисленные храмы-часовни X–XIII вв. [4; 8, с. 40].

Сегодня возникает потребность строить экскурсионную работу на тематической дифференциации, осуществлять постепенный переход от обзорной экскурсии – универсальной, но консервативной по форме, методам и приемам подачи сведений о музеефицированных памятниках городища Херсонеса (рассказ, показ, вербальная реконструкция, сравнительно-исторический метод и др.), к экскурсиям тематическим, с использованием интерактивных методов и приемов. В соответствии с разными запросами музейной аудитории необходимо создавать тематическую вариативность и раз-

нообразие форм просветительской деятельности для посетителей разных возрастных, профессиональных, конфессиональных категорий, людей с ограниченными возможностями.

Презентации объектов археологического наследия являются весьма нелегкой задачей наряду с проведением археологических раскопок. Достаточно сложный для восприятия археологический материал, имеющий определенную специфику, не должен быть немым свидетелем и печальной иллюстрацией прошедших времен; он призван «рассказать» (с помощью музейного специалиста, владеющего интерактивными методиками) о реальных исторических событиях, «нарисовать» в воображении посетителя яркую картину прошлого.

В наши дни несомненный приоритет в просветительской работе музея-заповедника остается за экскурсией как традиционной формой просветительской работы. Классическая экскурсия решает задачи презентации посетителю артефактов и археологических памятников городища, но в эпоху информационного изобилия люди испытывают потребность в чувствах и переживаниях эмоций. Современному посетителю мало быть просто слушателем и зрителем, он хочет быть еще и воображаемым участником событий. Поэтому на современном этапе развития общества происходит трансформация содержания, форм и методов просветительской работы, возникает необходимость выработки не только новых гуманистических и идеологических ориентиров, но и создания новых интерактивных методик.

Для успешной реализации этой деятельности осуществляются изучение музейной аудитории и, соответственно, дифференцированный подход к различным категориям посетителей. С целью привлечения в музей посетителей разработан ряд культурно-просветительских программ для различных категорий населения: дошкольников, школьников, студентов, взрослой аудитории, посетителей с ограниченными возможностями с использованием интерактивных «включений» – мини-викторин, квестовых элементов, элементов театрализаций, эвристических заданий, что приводит к расширению методов и приемов в экскурсионной практике. Чтобы раздвинуть возрастные рамки музейной аудитории, требуется изменение формата методической работы, привлечение специалистов в области психологии, педагогики, декоративно-прикладного и театрального искусств.

Такой опыт уже имеется. Еще в 2006 г. началась разработка экспериментальной музейно-просветительской программы по истории и краеведению для дошкольников «Сказки богини Клио». Программа была реализована в тесном сотрудничестве с преподавателями СевГУ, методистами и воспитателями детских дошкольных учреждений и получила высокую оценку на IV Республиканском конкурсе музеев Крыма в номинации «Музейная педагогика» в 2012 г., где авторский коллектив был удостоен Диплома I степени [10; 11]. Занятия и интерактивные экскурсии по этой программе остаются востребованными и совершенствуются.

Для расширения тематики просветительских мероприятий необходимо более полное использование достижений в области междисциплинарных исследований и вспомогательных исторических дисциплин (нумизматики, антропологии, сфрагистики, эпиграфики и др.)

Традиционная лекция (лекция-презентация) в музее или вне музея уже не является востребованной, происходит трансформация и этой формы музейно-просветительской работы: коммуникация «лектор-слушатель» заменяется диалоговым общением. Использование 3-D копий археологических артефактов и муляжей позволяет просто слушателю стать непосредственным участником процессов «раскопок» в «археологической песочнице», «реставрировать керамику», «работать» с нумизматическим материалом в виде копий монет.

Интерактивные методики все шире используются в просветительской деятельности историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Такой опыт существует и совершенствуется и в других археологических музеях России, где давно созданы специальные музейные пространства и интерактивные площадки для тематических занятий с разными категориями посетителей. Например, в Музее археологии Москвы, где «на подиуме под галереей была создана «Модель археологического раскопа», воспроизводившая в натуральную величину культурные напластования средневекового города и деревянную мостовую в процессе ее расчистки, и был оборудован «Кабинет экспериментальной археологии» в помещении конференц-зала» [11, с. 187].

В Херсонесском музее-заповеднике остро стоит проблема создания оборудованной интерактивной площадки. Поэтому на сегодняшний день для проведения интерактивных занятий используются многочисленные археологические объекты городища и так называемый «Сад миниатюр», который вмещает памятники Херсонеса в виде макетов в масштабе 1:25, что позволяет дополнить представления об увиденных на городище, частично сохранившихся археологических объектах. Эта закрытая территория в центральной части городища, примыкающая к основному музейному зданию, идеально подходит для проведения занятий с дошкольниками и школьниками: детских мастер-классов по археологии, росписи керамики. Также площадка используется для занятий со студентами. Однако проведение перечисленных просветительских мероприятий возможно только в теплое время года.

Благодаря тесному сотрудничеству Музея-заповедника и РГПУ им. А. Герцена (СПб.) на протяжении трех лет, в июне-июле, по памятникам городища Херсонеса проводятся театрализованные экскурсии для детей младшего школьного возраста студентами-историками и культурологами этого вуза, которые проходят в Херсонесе производственную практику. Очень популярной стала совместно разработанная театрализованная экскурсия «В поисках карты Клио» с элементами квеста и интерактивными заданиями, выполняемыми участниками по ходу маршрута. Студенты-практиканты выступали в роли богов и героев древнего Херсонеса в стилизованных хито-

нах, подготовленных под руководством талантливого преподавателя к. ф. н. Л. В. Дмитриевой. Летом 2019 г. стартовал новый маршрут театрализованной экскурсии «Читая тайные Херсона письма» по памятникам городища византийского периода [2, с. 10].

Театрализованные экскурсии, представляющие собой костюмированные действия-постановки с интересными сюжетами на археологических объектах в северном и северо-восточном районах городища, позволяют юным экскурсантам «погрузиться в эпоху», стать участниками событий тысячелетней давности. Это было бы невозможно без естественных «декораций» – раскопанных и приведенных в экспозиционный вид памятников городища, в чем несомненная заслуга археологов.

Подобного рода практика проведения экскурсий широко распространена на археологических объектах Греции, Испании, Израиля. Эти экскурсии очень востребованны. Ведь музей может привлечь к себе только тех, кого он способен заинтересовать. Это и цель, и задача просветительской деятельности [6; 9, с. 48].

Анализируя музейную аудиторию, необходимо дифференцировать посетителей, разово посещающих Херсонес с ознакомительной целью (или совершающих паломничество) и посещающих музей-заповедник систематически, особенно учащихся школ, средних и высших учебных заведений, многие из которых углубленно изучают историю и интересуются археологией. Для них разработаны циклы занятий, объединенных в тематические разделы – теоретические и практические.

Такой группой посетителей являются краеведы и обучающиеся лицейских классов, углубленно изучающие региональное краеведение. По инициативе музея-заповедника проходят занятия в лицейских (5–7) классах СОШ № 34 г. Севастополя. Ребята занимаются по культурно-просветительской программе «Древности земли Севастопольской», рассчитанной на два года обучения. Программа хронологически охватывает все периоды истории Херсонеса и знакомит учащихся с основными историческими событиями античного Херсонеса и византийского Херсона.

Школьники получают представление о деятельности различных подразделений музея-заповедника (научный архив, библиотека, научно-фондовый отдел, экспозиционная работа), работе научных сотрудников, встречаются с археологами, что очень важно для профессиональной ориентации.

Начатые более 30 лет назад городские краеведческие турниры для краеведов всех школ Севастополя (проводятся при участии ведущих музеев города и педагогов Центра детского туризма города) трансформировались из командных интеллектуальных игр за игровыми столами учебных заведений в увлекательные походы-викторины и квесты. Участие в интеллектуальных играх дает уникальную возможность школьникам изучать историю Херсонеса в экспозиции «под открытым небом». Маршрут, как правило, строится по 10–15 памятникам городища, тематика меняется каждый год. Для подготов-

ки знатоков-краеведов разработан цикл занятий «Школа краеведа». Так, в 2018 г., к 1030-летию Крещения Руси, была разработана музейно-просветительская программа «Христианские святыни Херсонеса», представляющая собой на подготовительном этапе посещение участниками памятников городища (экскурсию), аудиторное занятие (лекцию-презентацию) и самостоятельную работу с литературой по заданной теме, а на заключительном этапе – командную игру (соревнование в форме квеста).

Квест-игры пользуются все большей популярностью среди молодежи и студентов Крыма и Севастополя. Они постепенно становятся автономной формой просветительской работы. Это пешеходные культурно-просветительские программы, подразумевающие самостоятельное посещение археологических объектов городища Херсонеса. Квесты проходят по памятникам городища с указанием маршрута и описанием заданий в маршрутном листе, что дает возможность участникам в игровой форме познакомиться с памятниками херсонесского городища, постичь азы мастерства средневековых мозаичистов, познакомиться с разными типами христианских храмов, их убранством и особенностями архитектуры, то есть с пользой провести свой досуг.

Чтобы добиться успехов в просветительской деятельности, необходимо анализировать собственный опыт, изучать опыт других музеев и заповедников аналогичного профиля в тесном взаимодействии с достижениями археологической науки и музейной педагогики, а также предоставить возможность посетителям заниматься тем, что их интересует, создавать максимальные условия для их самореализации. Для этого необходимо искать новые интересные формы просветительской работы, на основе синтеза традиционного и инновационного подходов в соответствии с меняющимися потребностями общества.

Одним из последствий эпидемии коронавируса стала повсеместная приостановка доступа посетителей в культурные учреждения. Перед музеями всего мира возникла задача как можно быстрее научиться функционировать на расстоянии, не утратить свою значимость и сохранить музейную аудиторию. Роль музеев стремительно меняется уже сейчас. Потребность в сокращении числа посетителей при соблюдении социального дистанцирования в целях обеспечения безопасности сотрудникам и музейной аудитории неизбежно приведёт к радикальным изменениям в формах просветительской деятельности [7]. Сейчас в приоритете цифровой контент, который поможет сохранить аудиторию, находящуюся в самоизоляции. В связи с этим возникает потребность работы сотрудников музея в тесной связке со специалистами в области цифровых технологий, режиссеров постановок, операторов, психологов, журналистов.

Можно прогнозировать развитие форм просветительской деятельности, рассчитанных на малочисленные группы, семьи с детьми и индивидуальных посетителей, а также появление новых онлайн-методик. Однако необходимо заметить, что для археологических музеев остается наиболее

важной проблема правильной презентации и соответственно популяризации подлинных артефактов и памятников археологии, «приучая» посетителя-неспециалиста к пониманию истинных археологических ценностей. Как пример, в древний Херсонес Таврический в большинстве своем люди идут за подлинным и вечным, за ощущением «тысячелетий под ногами». Наша задача в том, чтобы побывавшие в Херсонесе однажды возвращались сюда вновь и вновь.

Литература

1. Алексеенко Н. А., Дьячков С. В. Херсонесские археологические прогулки: краткий туристический справочник-путеводитель. – Харьков, 2003. – 45 с.
2. Водопьянова К. Современная наука о древнем // Педагогические вести РГПУ им. А. И. Герцена. – 2019. – № 10.
3. Зедгенидзе А. А. Стандарты и методы интерпретации и презентации памятников культурного наследия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1.
4. Кленина Е. Ю., Бернацки А. «Херсонес Таврический». Путеводитель по городищу. – Севастополь, 2012. – 68 с.
5. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес-Херсон-Корсунь. – Киев, 2003. – 828 с.
6. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика. – М., 2004. – 245 с.
7. Теплант С. Концепция музеев будущего // Курьер ЮНЕСКО. – 2020. – № 3.
- Херсонес. Путеводитель по музейным залам и раскопкам / под ред. Т. Ю. Яшаевой. – Севастополь, 2005. – 148 с.
9. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. Учебное пособие по музейной педагогике. – М., 2001. – 223 с.
10. Организация историко-краеведческой работы в дошкольном учебном учреждении / под ред. Е. Б. Алтабаевой. – Севастополь, 2010. – 123 с.
11. Богиня Клио работает в Херсонесе // Слава Севастополя. 23.05.2012 г.
12. Моисеев М. В. Музей археологии Москвы как образовательная площадка: итоги и перспективы // Наука и школа. – 2016. - № 2.

*Ларенок О. П.,
Институт истории и международных отношений
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

*Larenok O. P.,
Institute of history and international relations,
SFEDU, Rostov-on-Don*

КАМЕНСКО-ЛИВЕНЦОВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА И ТАМАНИ¹

KAMENSKY-LIVENTSOVAYA GROUP OF MONUMENTS IN THE CRIMEA AND TAMAN

Аннотация. Рассмотрение и предварительный анализ древностей финала эпохи средней бронзы на территории Крыма и Нижнего Дона на основе материалов поселения Каменка и Ливенцовской крепости, а также сопоставление керамического комплекса и изделий из кремня с памятниками Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Дона. Сравнение с кубанским поселением Гамовская балка. Определение схожих черт в инвентарных группах недавно изученных поселений на территории Ростовской области. Их место в системе древностей финала эпохи средней бронзы на юге России.

Ключевые слова: Крым, Нижний Дон, финал эпохи средней бронзы, бабинская культура, каменско-ливенцовская группа.

Abstrakt. Consideration and preliminary analysis of antiquities the end of Middle Bronze Age in the territory of Crimea and the Lower Don. Based on materials from the settlements of Kamenka and Liventsovskaya fortress. Aswellas a comparison of the ceramic complex and flint products with the monuments of Crimea, the North Caucasus and the Lower Don. Comparison with the Kuban settlement Gamovskaya Balka. Identification of similar traits in inventory groups of recently studied settlements in the Rostov Region. Their place in the system of antiquities the end of Middle Bronze Age in southern Russia.

Key words: Crimea, Lower Don, the End of Middle Bronze Age, Babino culture, Kamensk-Levents group.

Каменско-ливенцовские древности составляют особую группу в пласте культур эпохи финала средней бронзы. Изначально отнесенные к крымскому варианту КМК (Бабино), при дальнейших исследованиях были определены как синхронные бабинской культуре [1, с. 458]. Имея основной ареал нахождения Крым и Таманский полуостров, распространение каменско-ливенцовской группы имеет место и на территории Доно-Донецкого региона. Первым поселенческим памятником, открытым на Нижнем Дону, считается Ливенцовский комплекс, включающий в себя могильник и крепостные сооружения, начало изучения которого было положено в 60-х гг. XX в.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00469 А «Культурно-историческое развитие Тамани и Восточного Крыма в конце III – начале I тыс. до н. э. в свете археологических открытий XXI века».

С. Н. Братченко [3, с. 119]. К настоящему времени список памятников пополняется, хоть и небольшими темпами. В основной своей массе это отдельные и малочисленные находки в пластах поселений либо материалы из насыпей курганов и проделанных в них грабительских воронок.

Мнение А. Е. Кислого о посткатакомбных культурах в определенный момент выделилось из общего ряда представлений о каменско-ливенцовской группе. При анализе памятников Крымского полуострова ученый выделял отличия в керамическом комплексе между каменскими памятниками и ливенцовско-каратаевскими [5, с. 2]. Обоснованием отличительных черт послужил вывод о том, что крымские памятники были сложены на основе ямных культур, в то время как нижнедонские крепости начали складываться в более поздние периоды. При этом не отрицается факт взаимодействия с кавказскими культурами, в материалах которых ощутима преемственность орнаментации и форм керамического комплекса [5, с. 6–7].

Своеобразным маркером для подтверждения изначальных преемственностей каменско-ливенцовской группы с племенами Северо-Западного Кавказа послужил жилой комплекс Гамовская балка, раскопанный И. В. Каминской и Э. С. Шарафутдиновой. Анализ гамовской керамики, приведенный в работе этих исследователей, показал преемственность и связь с сосудами крепостей в низовьях Дона [4, с. 90]. Выделенные категории материала закубанского памятника подтвердили мнение С. Н. Братченко о преемственности форм и взаимодействии. Таким образом, был сделан вывод о явном культурно-генетическом родстве памятников, что повлекло за собой мнение о необходимости возведения крепостей как оборонительной защите на чужой степной территории [4, с. 95–96].

Материалы, обнаруженные при раскопках Ливенцовской крепости и могильника, находят аналогии также с керамикой гинчинской культуры. Территория ее распространения охватывает районы Горного Дагестана и Чечни [8, с. 261]. Сходство инвентарного комплекса Гинчи и Бабино было отмечено Р. А. Литвиненко не только по сосудам, но и по украшениям, сделанным из кости, бронзы, ракушки и других материалов [7, с. 221]. Следует добавить, что керамика имеет не только идентичность по форме профиля, но и в орнаментации – расположение рисунка, стилистика. При этом на верхней части сосудов имеются характерные небольшие ручки-ушки по обе стороны [8, с. 310]. Аналогичный сосудик был найден в могильнике Щербаков II в грабительской яме кургана № 5 (раскопки В. В. Рогудеева). В насыпи этого же кургана обнаружена костяная округлая пряжка с отверстием, относящаяся к финальному этапу бабинской культуры [10, с. 146]. Схожий предмет присутствует и на поселении Каменка [11, с. 23].

Фрагменты керамики, найденные на поселении Лагутник (автор раскопок – Волынец Б. К.), на данный момент условно отнесены к каменско-ливенцовским древностям [6, с. 27]. Интересно месторасположение этого памятника – в дельте реки Дон, около хутора Полушкин, приблизительно в 10 км на юго-запад от Ливенцовской крепости [6, с. 26]. В связи с этим особо интри-

гует наличие одинаковых типов керамики, а также схожего по типу кремневого наконечника стрелы листовидной формы. С. Н. Братченко отнес группу аналогичных предметов к III отделу, по способу крепления и форме насада [3, с. 126]. Данный наконечник схож не только с ливенцовскими материалами, но и с находками из Каменки, имеет аналогии в бабинских комплексах – Бабино III, Кременчук, расположенных на территории современной Украины [2, с. 31].

Обоснование южного импульса на степных просторах в конце эпохи средней бронзы приводится в работе В. В. Рогудеева, где методом анализа и сравнения погребальных особенностей и керамического комплекса отмечается особенность форм керамики Северного Кавказа – слабая профилированность и банкообразность вытянутых пропорций сосудов [9, с. 144].

На данный момент в изучении каменско-ливенцовской группы остается еще много вопросов. Пути их разрешения возможны лишь при детальном анализе уже имеющегося и нового археологического материала.

Литература

1. Археология Украинской ССР. Первобытная археология. – Киев. 1985. – Т. 1.
2. Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев. 1986.
3. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев. 1976.
4. Каминская И. В., Шарафутдинова Э. С. Жилой комплекс Гамовская балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе. // Археологические вести. – 1999. – Вып. 6. – С. 87–97.
5. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. – 2000. – Вип. IX. – С. 1–16.
6. Ларенок О. П. Бабинская культура на Нижнем Дону (новые материалы) // XIV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конференции). – Ростов-на-Дону; Таганрог, 2019. – С. 26–30.
7. Литвиненко Р. А. Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы // XXVI Крупновские чтения «Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа»: тезисы докладов. – Магас, 2010. – С. 221–223.
8. Магомедов Р. Г. Гинчинская культура. – Махачкала. 1998.
9. Рогудеев В. В. Южный импульс в конце эпохи средней бронзы (предварительное сообщение) // Археологические записки. – 2002. – Вып. 2. – С. 140–154.
10. Рогудеев В. В. Исследование курганов в Северо-Восточном Приазовье // Труды АНИБ. – 2005. – Т. 2. – С. 129–149.
11. Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – СПб., 1974. – С. 20–49.

*Малая Е. В.,
Московский архитектурный институт
(Государственная Академия)*

*Malaya E. V.,
Moscow architectural Institute
(State Academy)*

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИМЕИЗА

CULTURAL HERITAGE SITES IN SIMEIZ

Аннотация. В работе представлена часть градостроительного исследования, которая посвящена истории создания Симеиза, его старых построек и мифов о создании города. Основной работой архитекторов и градостроителей в Крыму должна быть исследовательская работа по выявлению и сохранению памятников культурного наследия, созданию проектов, которые помогут выявить красоту старой застройки с помощью новых технологий.

Ключевые слова: культурное наследие Крыма, обсерватория в Симеизе, Симеиз, семья Мальцовых.

Abstract. The paper presents a part of urban planning research, which is devoted to the history of the creation of Simeiz, its old buildings and myths about the creation of the city. The main work of architects and urban planners in the Crimea should be research work on identifying and preserving cultural heritage monuments, creating projects that will help to reveal the beauty of old buildings using new technologies.

Keywords: the cultural heritage of the Crimea, Simeiz, the Maltsov family.

В конце XVIII в. Крым был присоединен к Российской империи. Достижения классической архитектуры и градостроительного искусства широко использовались в строительстве новых и реконструкции существующих городов полуострова. Наиболее удобные в хозяйственном отношении земли и прибрежная полоса полуострова оказались во владении русской аристократии, начавшей уже в первой трети XIX в. возводить здесь свои летние дворцы и дачи, создавать обширные хозяйства, курорты и лечебницы. Одной из прекрасных жемчужин Крымского полуострова стал маленький курортный город Симеиз, создание которого напрямую связано с семьей известных русских фабрикантов Мальцовых.

Иван Акимович Мальцов был человеком образованным и разносторонним. Он владел фабриками и заводами, производящими стекло, хрусталь, чугун, станки и механизмы. Первым в стране наладил производство сахара из сахарной свеклы. Мечту отца о создании прекрасного поместья в Симеизе реализовал его сын Сергей Иванович Мальцов, в середине XIX в. построивший удивительный «Хрустальный дворец», который своим резным и почти прозрачным фасадом напоминает резьбу и воздушность произведений

из хрусталя. Дворец окружал великолепный пейзажный парк, сохранившийся частично до наших времен.

Характерным примером застройки в конце XIX – начале XX вв. южнобережных курортных поселков может служить Новый Симеиз, распланированный на землях симеизского имения помещиков Мальцевых. В Симеизе создается общество дачевладельцев, которое руководит работами по благоустройству и застройке курортного города. Архитектурный надзор и строительные работы проводились под руководством инженера Я. Семенова. В Симеизе появляются особняки и пансионаты по проектам архитекторов Краснова, Щекотова, Субботина и других, строятся купальни, пешеходные аллеи и площади, реконструируется приморский парк.

Большое место в устройстве крымских курортов начала XX в. закономерно занимали инженерное оснащение и благоустройство. В этом смысле Симеиз стал одним из самых благоустроенных курортов Крыма своего времени. Здесь существовали храм, рыночная площадь; улицы освещались; водопроводный резервуар был рассчитан на 50 тыс. ведер воды; около хорошо оборудованного пляжа был разбит общественный приморский парк. Все это в совокупности с красивой застройкой и обилием зелени в частных владениях создавало комфорт для отдыхающих, делало Симеиз приятным для пеших прогулок и привлекательным для летнего отдыха. Позже был составлен план города с нанесенными транспортными артериями и инженерными сооружениями. Все здания поражали приезжих разнообразием архитектурных стилей и форм.

Почти 50 лет своей жизни С. И. Мальцов отдал созданию и развитию тяжелой и легкой промышленности России, но развал семьи нарушил его планы. Промышленник уединился в своем имении в Симеизе. Его буйный характер и необычайная работоспособность заставляют его заниматься не менее приятным занятием – созданием привлекательного курорта в Симеизе. Его трудами создается новая гостиница с окнами на великолепный парк. В этих домах и его дачах бывали многие известные люди.

Еще один из представителей семьи Мальцовых, Николай Сергеевич Мальцов, построил небольшую обсерваторию вблизи шоссе Ялта – Севастополь. За это он был избран почетным членом Российской Академии наук. Официальное открытие Симеизской обсерватории произошло в 1912 г.

После расстрела семьи Мальцовых в 1918 г. прошло более ста лет, их уникальные дачи и особняки стали домами отдыха, лечебницами, санаториями. Многие из этих зданий, созданные по индивидуальным проектам самых известных архитекторов России, Германии, Англии, до сих пор оказывают огромное влияние на современный вид Южного берега Крыма.

*Манаев А. Ю.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Manaev A. Yu.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ПАМЯТНИКИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ СЕВАСТОПОЛЯ И ВОЛГОГРАДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ¹

MONUMENTS OF MILITARY GLORY OF SEVASTOPOL AND VOLGOGRAD: COMPARATIVE ANALYSIS OF MEMORIALIZATION OF THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE FIRST POST-WAR YEARS

Аннотация. Одним из важных компонентов формирования исторической памяти являются объекты культурного наследия. Уже в первые месяцы после освобождения в Сталинграде и Севастополе создаются монументы, увековечивающие подвиг народа в Великой Отечественной войне. Определялись ключевые места боев, требующие мемориализации, в частности, Сапун-гора и Мамаев курган. Воздвигались обелиски, в том числе с использованием боевой техники, отдельное внимание уделялось мемориальным некрополям, в которых захоронены павшие бойцы Красной Армии.

Ключевые слова: историческая память, памятники истории, Севастополь, Сталинград.

Abstract. One of the most important parts of creating the historical memory are objects of the cultural heritage. In the first month after the liberation were created monuments in Stalingrad and Sevastopol which immortalize nation's deed in the Great Patriotic War. Key places that needed memorialisation were specified such as Sapun mountain and Mamaev kurgan. Monuments were put up using weaponry. Greater focus was placed on the memorial necropolises, where soldiers of the Soviet Army were buried.

Key words: historical memory, historical monuments, Sevastopol, Stalingrad

Изучение истории Великой Отечественной войны сегодня является одним из приоритетных направлений научного поиска. При этом объектами исследований выступают не только непосредственно события 1941–1945 гг., но и их восприятие в обществе в послевоенные годы. Важным вектором осмысления военной эпохи выступают механизмы формирования исторической памяти, в частности, мемориализация памятных мест, событий, отдельных персоналий. В этой связи интересно рассмотреть специфику мемориализации событий Великой Отечественной войны на примере городов-героев Севастополя и Сталинграда во второй половине 40-х гг. XX в. в контексте возведения обелисков и монументов, увековечивающих подвиг народа.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576.

В этом плане в Севастополе монументальная пропаганда позволила визуализировать и закрепить многие эпизоды обороны Севастополя: участие воинских соединений, вклад конкретных участников обороны, подвиг гражданского населения. Еще в июне 1944 г. Военным советом Отдельной Приморской армии было принято постановление «Об увековечивании памяти героев, павших в боях за освобождение Крыма», согласно которому предполагалось установить мемориальный обелиск в Севастополе на Сапун-горе [2, с. 18]. В итоге уже в ноябре 1944 г. на Сапун-горе был сооружен обелиск Славы по проекту лейтенанта А. Д. Киселева, а в мае 1945 г. открыт первый военно-полевой музей [1, с. 57].

Одним из первых памятников, воздвигнутых в Севастополе после освобождения города, является монумент на Зеленой горке в районе автовокзала, на месте братской могилы 24-х танкистов 85-го отдельного танкового полка, погибших при штурме Севастополя 1944 г. [5, с. 63]. Этот мемориал был создан 23 мая, через две недели после разгрома немецкой группировки, и стал одним из первых образцов памятников военной техники в Крыму [2, с. 19]. На постаменте из инкерманского камня установлен танк Т-34, подорвавшийся на вражеских минах в районе высоты Горной [12, с. 148].

В 1945 г. устанавливается обелиск защитникам дзота № 11 в районе с. Дальнее. Здесь в декабре 1941 г. несколько дней моряки-комсомольцы сдерживали наступление врага. Из десяти защитников в живых остался только один. Подвиг дзота № 11 также известен по так называемой «клятве Калюжного» – его предсмертной записке. В 1945 г. сооружается памятник у дота в районе с. Верхнесадовое – пяти героям-черноморцам, которые ценой собственной жизни остановили наступление немецких танков [6, с. 71–72, 75–76]. В 1946 г. в Севастополе открываются памятники героям обороны: генерал-майору Н. А. Острякову, генерал-майору авиации Ф. Г. Коробкову, бригадному комиссару М. Г. Степаненко на кладбище Коммунаров, а также сооружен обелиск краснофлотцу И. К. Голубцу. На берегу Карантинной бухты Севастополя, где в годы войны базировались торпедные катера, увековечена роль моряков-катерников. На территории военной части в 1949 г. на бетонном постаменте установлен торпедный катер ТК-52 [12, с. 118, 120, 147–148].

В отличие от Севастополя, который был все-таки оставлен советскими войсками, Сталинград оказался непокоренным нацистами. Это отразилось и на специфике мемориализации событий Сталинградского сражения. Уже на этапе развития контрнаступления Красной Армии принимались меры по сбору информации о ходе Сталинградской битвы, вплоть до мельчайших деталей. В этой связи еще в январе 1943 г. Сталинградский горком ВКП(б) обращался в штабы воинских частей с просьбой передать музею различные материалы, относящиеся к событиям обороны города. Составлялись перечни памятных мест (блиндажи штабов, оборонительные сооружения, окопы, артиллерийские батареи и т. д.), собирались предложения по переименованию улиц, связанных с событиями обороны Сталинграда, обращалось внимание

на благоустройство братских могил бойцов Красной Армии. Отдельно рассматривался вопрос о сохранении мест боев на Мамаевом кургане [4, с. 53–54].

Одним из основных направлений мемориализации событий Сталинградской битвы стала установка памятников и памятных знаков на местах наиболее ожесточенных боев, благоустройство братских могил, определение ключевых достопримечательных мест. 6 июля 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны утвердил постановление об охране и реставрации памятников, связанных с обороной города. В частности, определялось, что в течение летних месяцев необходимо провести полный учет всех памятников (братских и одиночных могил), провести их реставрацию и благоустройство, установить деревянные или каменные памятники. В 1944 г. на заседании обкома ВКП(б) был рассмотрен откорректированный список памятных мест Сталинградской битвы, определены места братских могил в городе и районах области, также решено создать книгу культурно-исторических памятников области. В то же время отметим, что данные решения не всегда находили реальное воплощение, поскольку первоочередными задачами в городе все же являлись восстановление промышленного потенциала и создание минимальных жилищно-бытовых условий [8, с. 172–173].

Несмотря на все трудности послевоенного восстановления, уже в середине 40-х гг. XX в. на территории Сталинграда возводятся памятники в честь героической обороны. 1 февраля 1946 г. на Площади Павших борцов установлен обелиск на могиле Героя Советского Союза Р. Ибаррури, в 1948 г. установлен бюст дважды Героя Советского Союза В. С. Ефремова. Кроме того, продолжалась работа по выявлению и благоустройству братских могил, над памятными захоронениями устанавливалось шефство предприятий и учреждений. В 1949 г. решением исполкома горсовета Сталинграда был утвержден список, который включал в себя 28 памятников и 119 братских и одиночных могил. Этим же документом определялись мероприятия по охране объектов культурного наследия и сроки их выполнения [9, с. 211–212].

Из наиболее известных монументов, установленных в Сталинграде в послевоенный период, можно отметить памятник чекистам – воинам 10-й дивизии НКВД и милиционерам Сталинграда, возведенный в 1947 г. Основным элементом памятника является 18-метровый каменный обелиск, увенчанный 5-метровой бронзовой фигурой офицера-чекиста. В том же году на территории завода «Красный Октябрь» установлен памятник на месте штаба 39-й гвардейской стрелковой дивизии [10, с. 37, 81; 11, с. 45].

В 1948 г. был увековечен передний край обороны 62-й и 64-й армий на момент максимального развития наступления вермахта. Этот рубеж маркирован 17-ю башнями танков Т-34 (14 монументов установлены в 1948 году, еще 3 – в 1964 г.). «Башни Т-34» установлены на «северном плацдарме», на «Острове Людникова», в «Логе Смерти», на территориях заводов «Красный

Октябрь» и «Баррикады», на склонах Мамаева кургана, в районе «Дома Павлова» [10, с. 169; 11, с. 52–53].

Безусловно, одним из важнейших символов Сталинградской битвы является Мамаев курган. Уже в феврале 1943 г. на его вершине воздвигается первый памятник – обелиск на братской могиле воинов 284-й стрелковой дивизии [3, с. 224]. В дальнейшем на склонах холма, в месте встречи частей 21-й и 62-й армий Донского фронта, на постаменте будет установлен танк Т-34 «Челябинский колхозник», а также один из монументов, обозначающих передний край обороны советских войск в период наибольшего продвижения гитлеровцев – башня танка Т-34 [11, с. 14, 52–53]. В начале 1950-х гг. начинает формироваться сакральный, «заповедный» образ территория Мамаева кургана в восприятии современников. Об этом свидетельствует решение Сталинградского горисполкома «Об охране исторических памятников и братских могил», принятое в июне 1950 г., согласно которому запрещалось выделение гражданам земельных участков под хозяйственное использование на территории Мамаева кургана [9, с. 211–212]. Чувства от посещения Мамаева кургана в 1950 г. передает писатель Виктор Некрасов: «Война не ушла еще отсюда. Окопы обвалились, обмелели, заросли травой, но они были. И ржавые патроны, гильзы, каски, котелки, штыки, затворы, пулеметные ленты, истлевшие портянки из вафельных полотенец... И кости... То тут, то там белели в траве черепа – теперь уж не поймешь, где русские, где немцы» [7, с. 36].

Сравнив особенности мемориализации событий Великой Отечественной войны в Севастополе и Сталинграде в образах монументальной пропаганды, можно заметить достаточное сходство этих процессов: увековечивались места братских могил, возводились обелиски в честь особо отличившихся в боях за город воинских частей, устанавливались памятники выдающимся участникам военных действий. Особое внимание уделялось охране «сакральных» мест Победы – Сапун-горы в Севастополе и Мамаева кургана в Сталинграде. В какой-то степени формы и методы мемориализации событий Великой Отечественной войны в Севастополе и Сталинграде, наряду с Ленинградом, Курском, Харьковом, Минском, стали «шаблоном» формирования исторической памяти о событиях 1941–1945 гг. Отметим важный, на наш взгляд, момент. В первые послевоенные годы общегосударственные подходы к увековечиванию памяти военных лет только складывались, элементы и формы мемориализации на этом этапе больше были инициативой «на местах». В первых памятниках войны 1941–1945 гг. отразились искренние желания мирных жителей и воинов-освободителей навсегда запечатлеть «в камне» память о погибших товарищах, о воинской доблести, о тяготах оккупации и Великой Победе, выстраданной и завоеванной героическим подвигом народа.

Литература

1. Агишева И. Ю. История создания военно-полевого музея на Сапун-горе // III Таврические научные чтения, посвященные 160-летию со дня рождения А. Л. Бертье-Делагарда. – Симферополь, 2003. – С. 56–60.
2. Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 15. – С. 16–21.
3. Аргасцева С. А. Трансляция образа Великой Отечественной войны у разных поколений на примере памятников и ансамблей города Волгограда // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Волгоград, 2019. – С. 223–226.
4. Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской битвы / Ред. М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. – Волгоград, 2015. – 336 с.
5. Доронина Э. Н., Ляхович А. А. По улицам Севастополя. Путеводитель. – Симферополь, 1983. – 112 с.
6. Крым: памятники славы и бессмертия / Сост. Шаповалова С. Н. – 2-е изд., доп. – Симферополь, 1985. – 240 с.
7. Некрасов В. П. Случай на Мамаевом кургане // Новый мир. – 1965. – № 12. – С. 35–54.
8. Орешкина Т. Н. Состояние музейного дела в Сталинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 4 (23). – С. 171–174.
9. Орешкина Т. Н., Сухорукова Е. П. Формы работы учреждений культуры в Сталинградской области по сохранению и популяризации военно-исторического наследия в послевоенный период: 1945 – нач. 1950-х гг. // Актуальные проблемы отечественной истории / Отв. ред. Е. Ю. Болотова, А. В. Липатов, Т. Н. Орешкина – М., 2017. – С. 208–213.
10. Свет Великой Победы: памятники и памятные места Волгограда и Волгоградской области. – Волгоград, 2007. – 379 с.
11. Свод историко-культурного наследия Краснооктябрьского района Волгограда: 1897–1997. – Волгоград, 1997. – 64 с.
12. Чебанюк З. Ф. Исторические места и памятники Севастополя. 3-е изд. – Симферополь, 1962. – 176 с.

*Науменко В. Е., Герцен А. Г., Ганцев В. К.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Naumenko V. E., Gertsen A. G., Gantsev V. K.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

**БАХЧИСАРАЙСКИЙ ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ КАК ОБЪЕКТ
КУЛЬТУРНОГО (АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО) НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2018–2019 ГГ.)**

**BAKHCHISARAY KHAN'S PALACE AS AN OBJECT
OF CULTURAL (ARCHAEOLOGICAL) HERITAGE
(ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS IN 2018–2019)**

Аннотация. Ханский дворец в Бахчисарае, один из самых известных памятников османского периода в истории Крыма, остается слабо изученным в археологическом плане. В публикации рассматриваются основные этапы археологических исследований дворца в XX – начале XXI вв. Анализируются основные результаты раскопок памятника в 2018–2019 гг., которые позволили получить объективную информацию о его стратиграфии и исторической периодизации. Благодаря им Бахчисарайский дворец может быть сейчас надежно включен в разряд комплексных объектов культурного наследия региона, археологическая составляющая которого имеет первостепенное значение для реконструкции событий его истории, особенно средневекового времени.

Ключевые слова: Бахчисарай, Крымское ханство, Ханский дворец, османская археология, стратиграфия, реставрация.

Abstract. The Khan's Palace in Bakhchisaray, one of the most famous monuments of the Ottoman period in the history of the Crimea, remains poorly studied in archaeological terms. The publication discusses the main stages of archaeological research of the Palace in the XX – early XXI centuries. The article analyzes the main results of excavations of the monument in 2018–2019, which provided objective information about its stratigraphy and historical periodization. Thanks to them, the Bakhchisaray Palace can now be reliably included in the category of complex objects of cultural heritage of the region, the archaeological component of which is of paramount importance for the reconstruction of events in its history, especially in the medieval period.

Key words: Bakhchisaray, Crimean Khanate, Khan's Palace, ottoman archeology, stratigraphy, restoration

Для истории Крымского полуострова XVI–XVIII вв. и формирования в дальнейшем системы музейных учреждений в регионе исследования Бахчисарайского дворца в любом виде имеют важнейшее значение. Однако, несмотря на постоянный интерес и обширную библиографию работ в отношении отдельных объектов дворцового комплекса, памятник остается недостаточно изученным, особенно в археологическом плане. До сих пор отсутствует программа систематических раскопок Ханского дворца, без которой невозможна предметная дискуссия вокруг его ранней истории. Результаты ис-

следований на территории дворцового комплекса в 1902–1903, 1960–1962, 1985–1986 и 2000–2011 гг. остались неизданными, а их материалы, по большей части, депаспортизированы либо вообще отсутствуют в фондах музея-заповедника. К тому же они велись на небольших площадях, в рамках различных проектов ремонтно-реставрационных работ либо благоустройства территории памятника, зачастую без соблюдения методики археологических исследований и необходимого уровня фиксации выявленных объектов. Лишь недавние раскопки 2017 г. на территории Бассейного и Гаремного дворики дворца, а также у входа в его Главный корпус сопровождались полным комплектом текстовых и иллюстративных материалов, стратифицированной коллекцией находок, переданных на хранение в фонды музея [7].

Новые раскопки Бахчисарайского дворца, выполненные в 2018–2019 гг. сотрудниками КФУ им. В. И. Вернадского и ООО «Таврическое археологическое общество», казалось бы, как и прежде, носили характер охранно-археологических исследований и являлись составной частью разработки научно-проектной документации для выполнения ремонтно-реставрационных работ на ряде его архитектурных объектов (рис. 1). Однако общая масштабность проекта позволила впервые получить надежно стратифицированные археологические комплексы на памятнике, которые с этого времени могут свидетельствовать о нем как о комплексном объекте культурного наследия, археологическая составляющая которого имеет первостепенное значение для реконструкции событий его истории.

В настоящей работе анализируются общие итоги современного этапа археологического изучения Бахчисарайского Ханского дворца и выявленная в ходе раскопок 2018–2019 гг. стратиграфия памятника.

Основные этапы археологического изучения дворца в XX – начале XXI вв. Несмотря на широкую известность, необходимо констатировать отсутствие до сих пор всестороннего историографического очерка, посвященного Бахчисарайскому Ханскому дворцу. Более всего на эту роль претендует специальный раздел в монографии А. М. Ибрагимовой, однако он, как следует признать, содержит слишком много необоснованных интерпретаций при анализе источников и откровенных ошибок [11, с. 13–95]. В связи с этим для характеристики ремонтов и перепланировочных решений средневекового дворца в конце XVIII – начале XX вв. по-прежнему важны работы А. И. Маркевича и В. Гернгросса [6; 17]. Из недавних исследований их дополняют монография Р. Р. Эминова и обзорные статьи Э. Э. Османова [28, с. 31–38; 22–24]. В книге турецкого историка Н. Канчал-Феррари наиболее ценным является раздел, посвященный анализу картографических источников по истории Ханского дворца [31, р. 102–118]. Серьезного внимания также заслуживают неопубликованные материалы реставрационного проекта Главного корпуса дворца 2009–2013 гг., отдельный том которого содержит обзор историографии и малоизвестных графических и документальных источников по истории памятника [19].

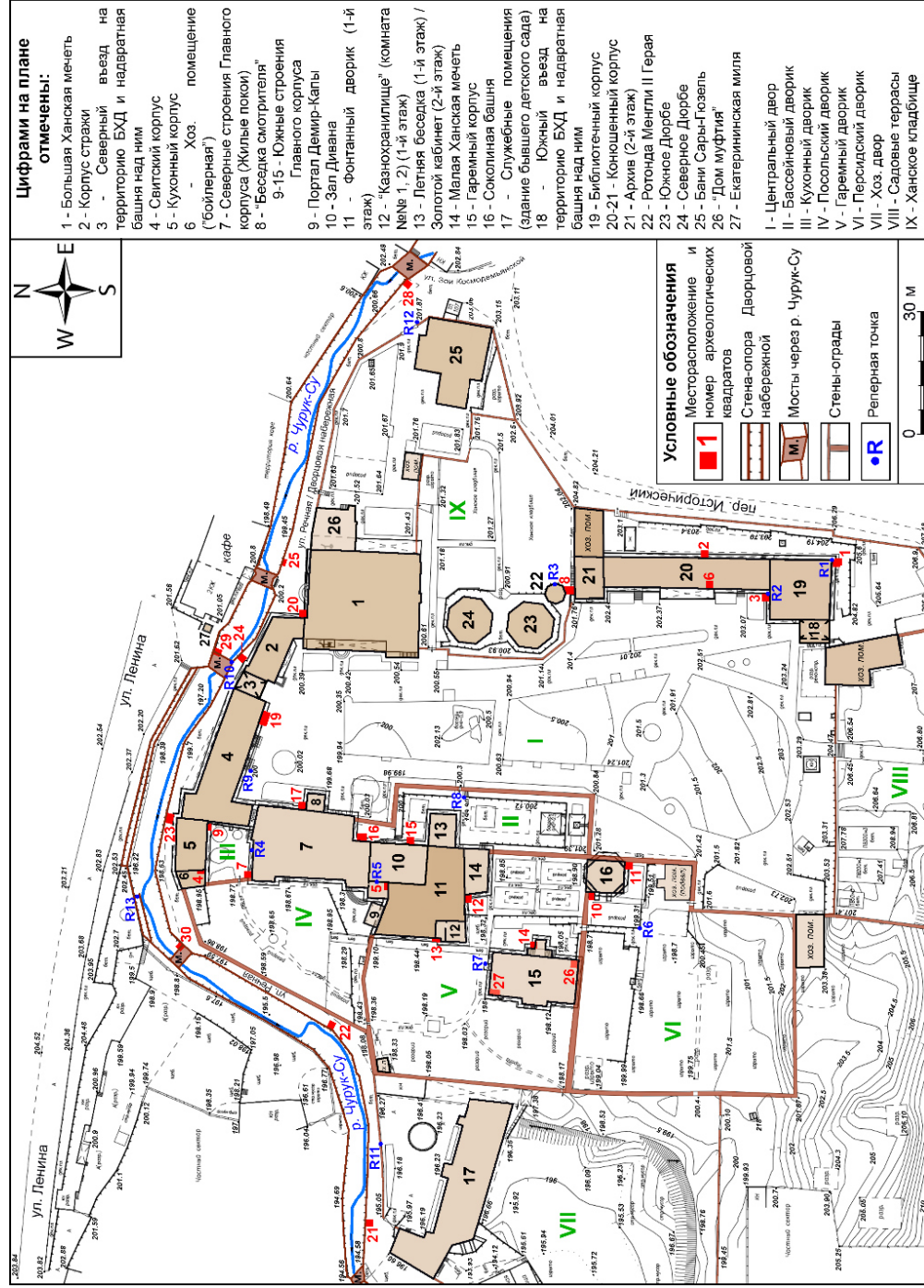

Рис. 1. Бахчисарайский Ханский дворец. Общий план с указанием основных архитектурных комплексов и участков археологических исследований 2018–2019 гг.

По-прежнему наиболее дискуссионной остается средневековая история Бахчисарайского дворца, когда он функционировал как резиденция правителей Крымского ханства. О ней известно прежде всего благодаря трем пространственным описаниям памятника, оставленным современниками – Реммал-Ходжи (около 1551–1553 гг.) [9, с. 398], Эвлией Челеби (около 1666–1667 гг.) [27, с. 92–96, 104–109] и Х. Манштейном (1736 г.) [16, с. 350–353], а также корпусу эпиграфических источников – строительным надписям на фасадах дворцовых зданий и эпитафиям на надгробиях мезарлыка [4, с. 491–526]. Их анализ показывает, что формирование дворцового комплекса начинается еще при хане Сахиб-Гирее I (1532–1551), на основе двух топографических структур – собственно дворца и расположенного рядом культового и общественного комплекса, включавшего мечеть, медресе и бани. К концу XVII – началу XVIII вв. все они были уже объединены в единый архитектурный ансамбль с центральным двором и общей стеной-оградой. После пожара 1736 г. памятник был восстановлен и приобрел близкую к современной планировку, которая зафиксирована картографическими источниками, начиная с планов Дж. Тромбаро 1787 г. и В. Гесте 1798 г. (рис. 2–3).

После присоединения Крымского полуострова к Российской империи в 1783 г. Бахчисарайский дворец, как «режимный» объект Министерства внутренних дел, быстро превратился в одну из достопримечательностей Таврической губернии. Однако главными чертами этого периода в истории дворца все-таки являются серия крупных ремонтов и перестроек 1784–1831 гг., сильно изменивших его облик и размеры, и начальный этап научных исследований памятника, связанный с именами выдающихся историков, архитекторов, искусствоведов, в том числе Ф. М. Домбровского, А. И. Маркевича, Н. П. Кондакова, Г. И. Котова и Н. П. Краснова.

Научное изучение Ханского дворца начинается с издания в 1848 г. уже упоминавшегося эпиграфического корпуса надписей на его памятниках [4, с. 491–526]. Вслед за ним в 1863 г. была опубликована книга Ф. М. Домбровского, в которой, на основе известных нарративных источников сделана попытка реконструкции основных этапов истории дворца. Многие положения автора сейчас выглядят уже архаичными, за исключением высказанного впервые предположения о переносе «Портала Алевиза» 1503 г. из первоначального ханского дворца в Салачике [8, с. 22].

Необходимость всестороннего изучения Бахчисарайского дворца стала очевидной после сильного разрушения его набережной в начале лета 1892 г. Подготовку нового проекта ремонтно-реставрационных работ возглавили Императорская археологическая комиссия и Таврическая ученая архивная комиссия. Для его подготовительного этапа наиболее важными оказались исследования Г. И. Котова [13], А. И. Маркевича [17] и Н. П. Кондакова. Последний, по сути, сформулировал общую программу реставрационного проекта: обязательность предшествующих реставрации археологических раскопок памятника; необходимость восстановления в прежнем состоянии объектов, составляющих историческое ядро Ханского дворца – портала «Демир-Капу», Зала Дивана,

Летней беседки, «Фонтана слез» и «Золотого фонтана» в Фонтанном дворике, «Золотого кабинета», Малой и Большой дворцовых мечетей, медресе, дюрбе Дила-ры-Бикеч и на территории мезарлыка, включая их оригинальные интерьеры и росписи; сохранение, после капитального ремонта, строений нового времени, в том числе связанные с посещением дворца императрицей Екатериной II [12].

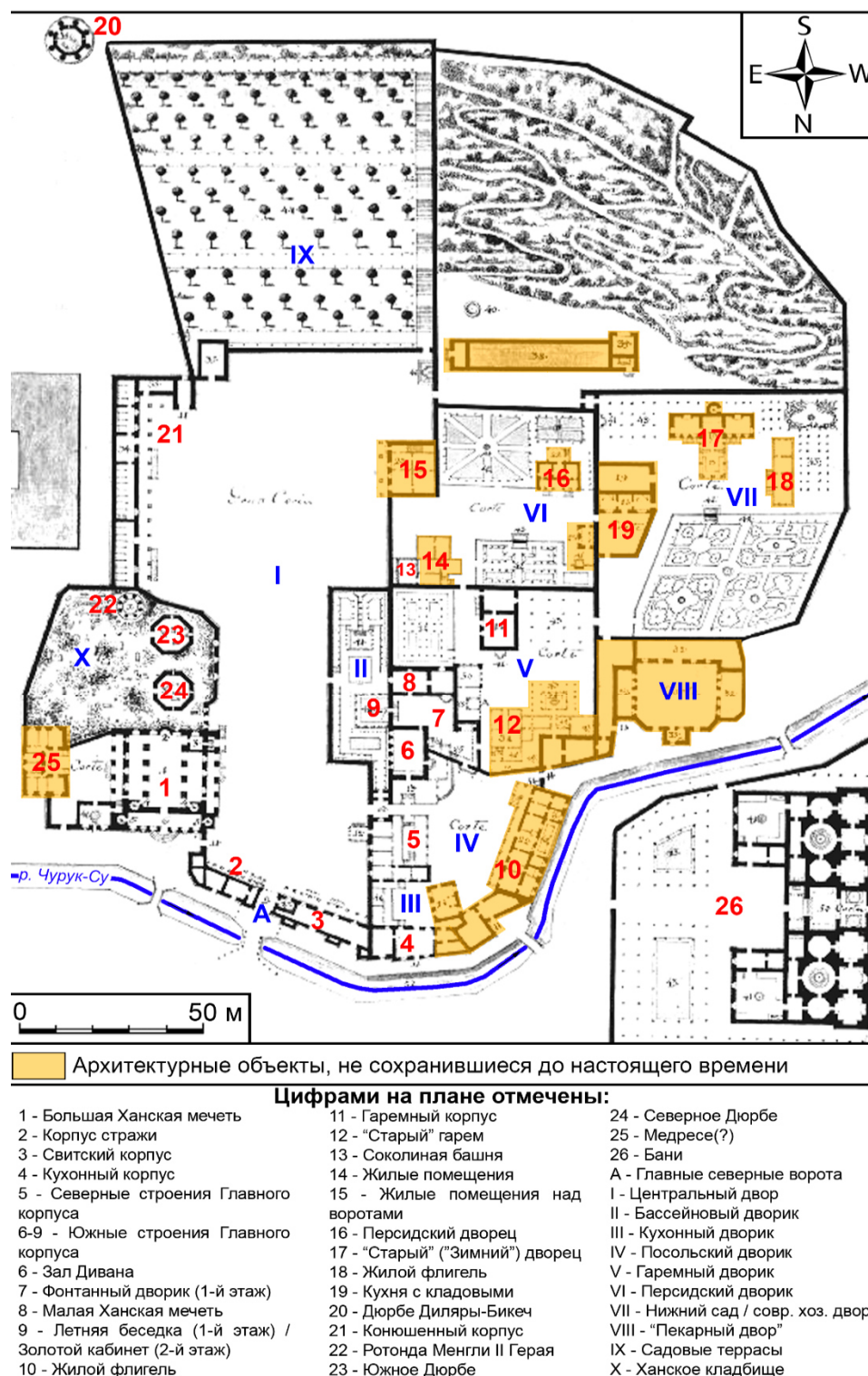

Рис. 2. План Бахчисарайского дворца по уровню нижних этажей зданий, выполненный Дж. Тромбаро в 1787 г.

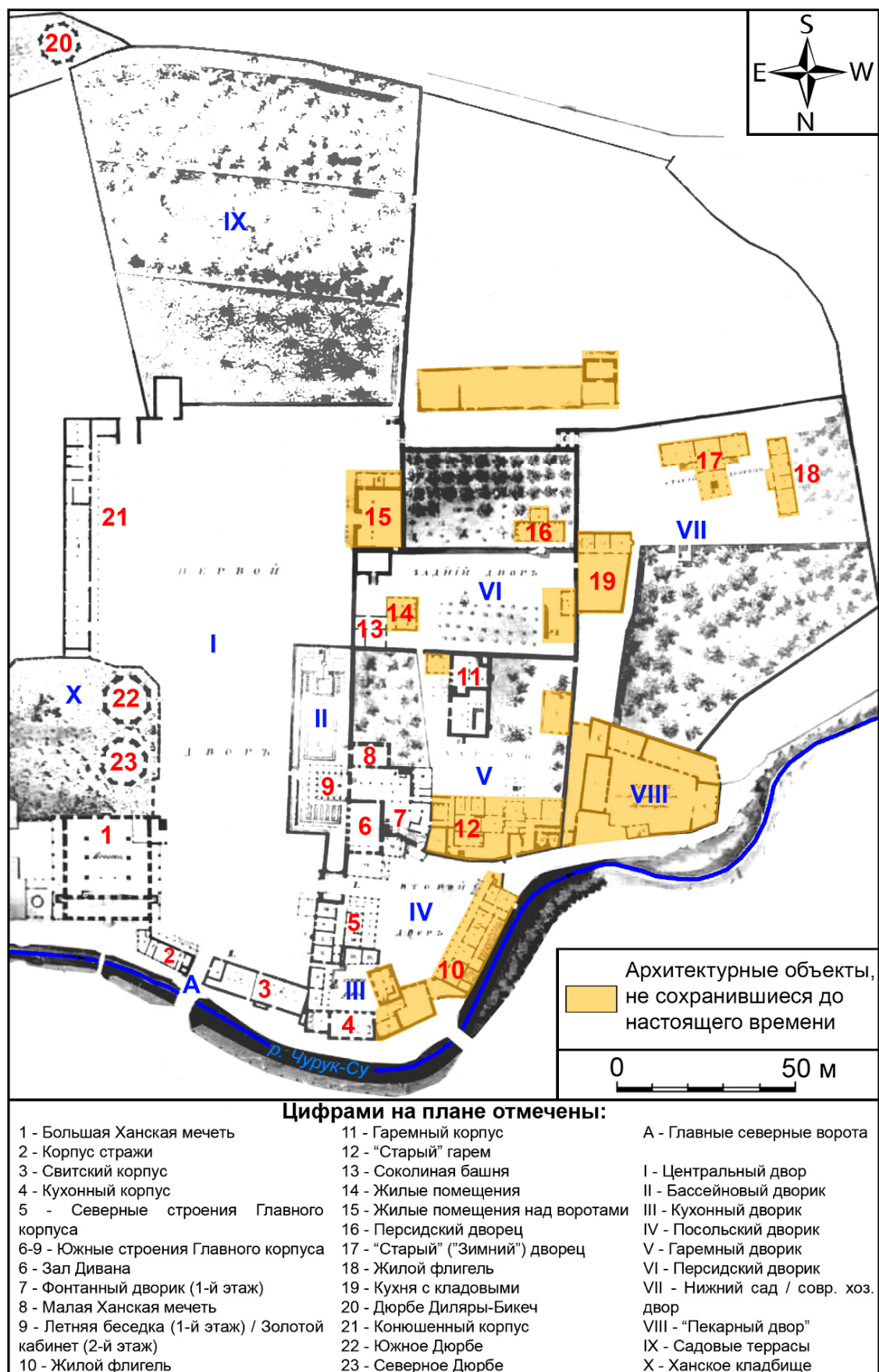

Рис. 3. План Бахчисарайского дворца по уровню нижних этажей зданий, выполненный В. Гесте в 1798 г.

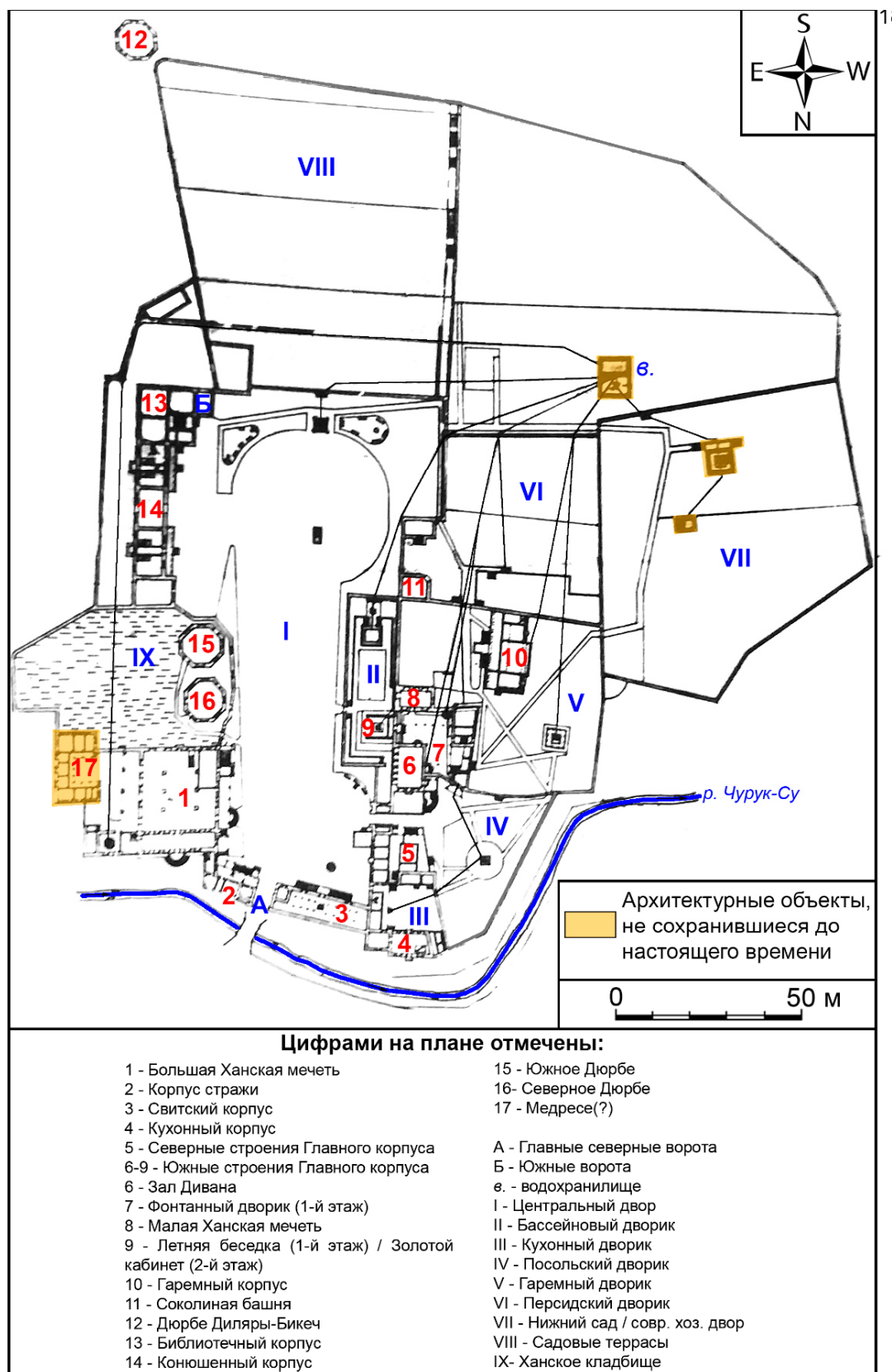

Рис. 4. План Бахчисарайского дворца по уровню нижних этажей зданий, с нанесенной схемой системы водоснабжения, выполненный Н. П. Красновым в 1903 г.

В течение 1900–1908 гг. над научным обоснованием проекта работала Научно-художественная комиссия под руководством Н. П. Кондакова. Одновременно, по ее поручению, Н. П. Красновым выполнены обмеры основных архитектурных объектов и составлен план дворцового комплекса (рис. 4). Тогда же, в 1902–1903 гг., В. А. Фоминым проведены первые археологические исследования Бахчисарайского дворца. Места раскопок восстанавливаются на основании одного из планов Н. П. Краснова [19, кн. 1, с. 57, рис. 36], архивных документов [21] и доклада архитектора П. П. Покрышкина на заседании Императорской археологической комиссии от 02.12.1909 г. [3]. Из них следует, что работы велись на нескольких участках: в воротном проеме Главного корпуса, перед «Порталом Алевиза», в Фонтанном дворике, в помещении «Казнохранилища», в Зале Дивана, в Бассейном и в Персидском двориках. К сожалению, материалы исследований не сохранились. Поэтому можно лишь предполагать датировку и атрибуцию открытых сооружений.

После учреждения в 1917 г. на базе Бахчисарайского дворца Музея тюрко-татарской культуры долгое время его дальнейшее научное изучение ограничивалось анализом отдельных архитектурных комплексов, а также общей оценкой дворца как архетипа домов крымскотатарской знати и образчика позднесредневекового крымско-османского искусства в Крыму [2; 10; 14; 29]. Археология вновь оказалась востребованной лишь в рамках одного из самых длительных проектов реставрации памятника, проводившегося с конца 50-х гг. XX в. и вплоть до 1993–1994 гг. научно-реставрационным проектным институтом «Укрпроектреставрация» (главный архитектор проекта – Е. И. Лопушинская).

В 1960 и 1962 гг. самой Е. И. Лопушинской были заложены 13 археологических шурфов на территории «Ханской канцелярии», Зала Дивана, в Фонтанном дворике, у основания «Портала Алевиза» с целью обнаружения здесь уровня полов средневекового времени [18, т. I, с. 26–28, 34–39, 44–51, 82, 86, 95–96, 107; т. II, с. 78]. В 1985–1986 гг. сотрудником «Укрпроектреставрация» А. Б. Авагяном проведены раскопки разобранного в период 1822–1831 гг. (так называемые «ремонт» И. Ф. Колодина и Ф. Ф. Эльсона) «Старого гарема» в северной части Гаремного дворика [1]. Необходимо констатировать общий низкий уровень методики этих исследований: в раскопках не участвовали профессиональные археологи, в комплектах чертежей отсутствуют стратиграфические разрезы, фотографии низкого качества, качественная зачистка объектов не проводилась, полностью отсутствуют описание и рисунки массового археологического материала.

Из других примеров раскопок Ханского дворца во второй половине XX в. отметим небольшие работы И. И. Лободы в 1960 г. на месте «беседки Селямет-Гирея». В фондах музея сохранились некоторые материалы этих исследований, из которых следует, что в ходе работ были открыты фундаменты постройки и основание фонтана [15].

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. изучение Бахчисарайского дворца в целом активизируется. Исследования памятника носят разноплановый характер: историографические штудии на основе архивных источников (см.

упоминавшиеся работы Э. Э. Османова и Р. Р. Эминова); научные работы, посвященные детальному изучению его отдельных компонентов [30; 5; 26, с. 76–99]; разработка номинационного досье «Историческое окружение столицы крымских ханов в г. Бахчисарае» для внесения его в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (2011–2014 гг.) [20]; раскопки в ходе подготовки научно-проектной документации. На последних следует остановиться особо. Безусловно, ныне археологические исследования, как и предполагал еще в 1899 г. Н. П. Кондаков, являются обязательной частью программы разработки всех ремонтно-реставрационных проектов на памятнике. Однако их результаты и качество сильно отличаются между собой.

Наименее информативными являются результаты археологических работ, проведенных в 2009 г. сотрудниками Научно-исследовательского предприятия по реставрации памятников истории, культуры и произведений искусства «Оберіг» в ходе подготовки проекта реставрации 2009–2013 гг. Они были ограничены двумя шурфами, заложенными в юго-западном углу подвального помещения Главного корпуса (так называемое помещение «Казнохранилища») и снаружи его, с целью изучения характера и глубины залегания фундаментов постройки. Отмечаем высокий общий уровень графической фиксации стратиграфической ситуации и строительных остатков. Однако массовый археологический материал в ходе работ не фиксировался, выводы в отношении хронологии культурных горизонтов отсутствуют [19, кн. 5, с. 66–81].

Наиболее масштабными являются раскопки Ханского дворца под руководством А. М. Ибрагимовой в 2000–2011 гг. В разные годы ею исследованы археологические объекты на территории Гаремного, Бассейного, Персидского дворики, вблизи Малой и Большой мечетей, бани Сары-Гюзель и дюрбе Диляры-Бикеч. Результаты работ изложены в монографии, в которой автор попытался представить собственную строительную (археологическую) периодизацию памятника, датируя многие из открытых сооружений периодом Крымского ханства [11, с. 190–217, 251–276]. К сожалению, знакомство с книгой показывает необоснованность большей части выводов, общее низкое качество ведения раскопок и слабый уровень публикации их результатов: планиграфия и стратиграфия на площади раскопов описана в самом общем виде; планы не имеют условных обозначений, отсутствуют стратиграфические разрезы; вещественный материал не стратифицирован в тексте, не имеет привязки к культурному слою или археологическому комплексу, описан суммарно; все датировки субъективны, автор сознательно стремится удревнить хронологию выявленных сооружений. Наконец, некоторые наблюдения откровенно удивляют, как в случае, например, с отказом А. М. Ибрагимовой использовать нумизматические находки из культурного слоя Персидского дворики в качестве датирующего материала ввиду их противоречия концепции автора о хронологии открытых здесь строительных остатков [11, с. 206, 211–213].

В 2017 г. небольшие археологические исследования проводились на территории дворца в рамках проекта первоочередных противоаварийных работ с целью возведения над южными строениями Главного корпуса стационарной металлической конструкции. На месте будущих котлованов под установку пяти железобетонных опор выполнены охранные раскопки общей площадью 81 кв. м на территории Гаремного и Бассейного дворики, а также у входа в Главный корпус. Основным результатом этих работ стало открытие в пределах раскопок разновременной застройки от конца XVII до начала XIX вв., хронология которой обоснована стратиграфическими наблюдениями и анализом массового вещественного материала [7, с. 34].

В целом, подводя итоги нашего историографического экскурса, нужно сказать, что, несмотря на неоднократные попытки раскопок Ханского дворца – в 1902–1903, 1960–1962, 1985–1986, 2000–2011, 2017 гг., он все еще остается малоизученным археологически. Отсутствуют представления об общей стратиграфии и археологической периодизации памятника. Между тем, именно данные археологии являются решающими для реконструкции планировки дворца в средневековый период его истории и установления точной датировки практически для всех современных архитектурных комплексов. В роли своеобразных реперов в стратиграфии памятника, с учетом данных нарративных и картографических источников, должны выступать культурные горизонты середины – второй половины XVI в. (строительство и первый этап существования комплекса), конца XVII – начала XVIII вв. (первая серьезная перепланировка дворцового ансамбля), «пожара» 1736 г., 40–60-х гг. XVIII в. (восстановление дворца) и 1822–1831 гг. («ремонт» И. Ф. Колодина и Ф. Ф. Эльсона). Одним из ключевых вопросов всех современных раскопок Бахчисарайского дворца является решение археологическими методами проблемы точного времени строительства, как принято считать, наиболее ранних (XVI–XVII вв.) сооружений комплекса – Зала Дивана, Малой и Большой дворцовой мечетей, бани Сары-Гюзель.

Стратиграфия Бахчисарайского Ханского дворца по материалам раскопок 2018–2019 гг. Как уже отмечалось, эти раскопки также носили характер охранно-археологических исследований, являясь частью нового проекта подготовки документации для проведения ремонтно-реставрационных работ на архитектурных объектах памятника в его восточной, северной и юго-западной частях. Согласно проектной документации, их целью было открытие фундаментов зданий для их дальнейшего инженерно-технологического обследования. Всего археологические работы были выполнены в пределах 29 археологических квадратов общей площадью 115 кв. м. На плане дворца они сгруппированы в пределах нескольких участков исследований: вокруг зданий Конюшенного и Библиотечного корпусов (квадраты № 1–3, 6, 8); снаружи Соколиной башни (квадраты № 10–11); в подвальном помещении современного Гаремного корпуса (квадраты № 26–27); в центральной и юго-восточной части Гаремного двора, снаружи посещения «Казнохранилища», Малой дворцовой мечети и крыльца того же Гарем-

ного корпуса (квадраты № 12–14); в северной части Бассейного двора, снаружи восточной стены Зала Дивана и Ханской канцелярии (квадраты № 15–16); на стыке западной стены Зала Дивана и северной стены Фонтанного двора внутри Главного корпуса (квадрат № 5); в Кухонном дворе (квадраты № 4, 7, 9); в северо-западной части Центрального двора (квадраты № 17 и 19); вдоль дворцовой набережной (квадраты № 20–28); в русле реки Чурук-Су, у оснований центрального и западного мостов (квадраты № 29–30) (рис. 1).

Проведенные раскопки впервые в истории изучения Бахчисарайского дворца позволили получить надежно стратифицированные археологические комплексы, которые хорошо коррелируются с событиями его истории. Значение этих работ еще более повышается с учетом их значительной площади; исследованиями, в той или иной степени, было охвачено около 70% современной территории дворца, за исключением его северо-восточного участка – Большой Ханской мечети, мезарлыка и бани Сары-Гюзель.

Стратиграфия Ханского дворца, по итогам раскопок 2018–2019 гг., включает культурные горизонты, сформировавшиеся во второй половине XVI – первой половине XVII вв., в конце XVII – начале XVIII вв. (до и в результате «пожара» 1736 г.), в 1740–1760-е гг. и в третьей четверти XVIII в. (до первого ремонта 1784–1787 гг.), в 1820–1830-е гг. («ремонт» И. Ф. Колодина и Ф. Ф. Эльсона) и в период реконструкции дворцовой набережной 1894–1915 гг. Подтвердился факт отсутствия каких-либо поселенческих структур на месте Бахчисарайского дворца до начала его строительства в правление крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551). К началу XVI в., как показали геологические изыскания, территория будущей резиденции правителей Крымского ханства представляла собой пустующую низменную часть глубокой балки, образованной руслом р. Чурук-Су в древности, заполненную грунтами делювиального происхождения мощностью от 1,00 до 8,00 м, ниже которых залегал ярус скального материка [25, с. 23–24].

Наиболее ранними из выявленных археологических объектов являются комплексы второй половины XVI – первой половины XVII вв. на месте Гаремного корпуса, капитально перестроенного в начале XIX в. – слой разрушения постройки, открытой в северо-западном углу его подвального помещения (квадрат № 27, 3-й слой) и участок керамического водопровода с кладками № 21 и 22 под восточным крыльцом (квадрат № 14). Характерными находками для них, помимо нумизматических материалов, является раннеосманская фаянсовая посуда группы «Iznik Ware».

Не менее важным является выделение в стратиграфии дворца комплексов конца XVII – начала XVIII вв., характеризующих его накануне и во время пожара 1736 г., связанного с событиями русско-турецкой войны этого времени. Они обнаружены в ходе раскопок на месте Конюшенного (слой № 6 и нижняя часть восточной стены здания в квадрате № 2; кладки № 9 и 10 в квадрате № 8), Гаремного (постройка с кладками № 23 и 24 в юго-восточном углу подвального помещения в квадрате № 26) и Свитского (слой

№ 3 с вырубками под колонны галереи в квадрате № 19) корпусов, Соколиной башни (кладки № 12, 13/13а и 15 в квадрате № 11) и снаружи восточной стены помещения «Канцелярии» (5-й слой в квадрате № 16). «Слой пожара» 1736 г., очевидно, зафиксирован снаружи западной стены Соколиной башни (слои № 4 и 5 в квадрате № 10). Для археологических комплексов этого времени характерными являются глазурованная керамика группы «Monochrome Glazed Ware», фаянс групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware», небольшое количество османских курительных трубок.

В стратиграфии Бахчисарайского дворца многочисленны археологические комплексы второй половины XVIII в., отражающие процесс восстановления памятника в 1740–1760-е гг. и последний период его использования как резиденции правителей Крымского ханства (до первого крупного ремонта 1784–1787 гг.). Они выявлены на территории Конюшенного корпуса (кладка № 1 в квадрате № 6), Соколиной башни (слой № 3 в квадрате № 10 и кладка № 11 в квадрате № 11), вблизи восточной стены Зала Дивана (водоотводный канал ВК-4, плитовая вымостка на 2-м слое и слои № 4–5 в квадрате № 15), в южной части Главного корпуса (плитовая вымостка на стыке Зала Дивана и Фонтанного двора в квадрате № 5) и на территории Кухонного двора (все кладки, водоотводные каналы и вымостки в квадратах № 4, 7 и 9), снаружи восточной стены Главного корпуса (слой № 6 в квадрате № 17), южной стены Свитского корпуса (слой № 2 в квадрате № 19) и северной стены Большой Ханской мечети (кладка № 16, вымостка № 3 и яма № 4 в квадрате № 20). Третьей четвертью XVIII в. датируется яма № 5 в квадрате № 19, снаружи южной стены Свитского корпуса, один из наиболее ярких археологических объектов из раскопок 2018–2019 гг. Кроме того, на основании этих работ можно уверенно говорить о том, что к этому строительному периоду относится возведение сохранившихся стен (по крайней мере, их нижних частей) Соколиной башни, Зала Дивана, «Канцелярии», Свитского корпуса и Большой Ханской мечети. Дневная поверхность второй половины XVIII в. также выявлена на различных участках исследований дворцовой набережной – в квадратах № 21 (слои № 5–7), 22 (слои № 3–4 с водоотводным каналом ВК-6), 23 (слой № 7) и 28 (вымостка № 3). Археологические комплексы находок этого времени характеризуются обилием глазурованной керамики группы «Monochrome Glazed Ware», фаянса «Kütahya Ware», красноглиняных курительных трубок, бытовой неглазурованной красноглиняной посуды с росписью линиями светлого ангоба.

Раскопки Ханского дворца подтвердили в целом масштаб ремонтных работ и перестроек на памятнике в период 1822–1831 гг. Культурные горизонты и строительные комплексы этого времени зафиксированы во время исследований Конюшенного и Библиотечного корпусов (слой № 5 в квадрате № 2; основание крыльца и кладка № 3 в квадрате № 3; западная и северная стены Конюшенного корпуса в квадратах № 6 и 8), Соколиной башни (вымостка на 3-м слое в квадрате № 10), Гарема (все стены корпуса в квадратах № 26 и 27; восточное крыльцо, водоотводный канал ВК-5 и кладка № 20 в

квадрате № 14), Малой дворцовой мечети (западная стена здания), Главного корпуса (керамические водопроводы и западная стена в квадрате № 13; северная стена в квадрате № 7; северная стена «Беседки зрителя» и восточная стена в квадрате № 17), Кухонного двора (западная стена Кухонного корпуса в квадрате № 4), «Корпуса стражи» (восточная стена корпуса, кладка № 17 и вымостка № 2 в квадрате № 20). Последовательная стратиграфическая колонка культурных напластований XIX – начала XX вв. выявлена на площади квадратов № 2 (слои № 3–5) и 23 (слои № 3–6).

Наконец, археологическими исследованиями подтверждена полномасштабная реконструкция дворцовой набережной в период 1894–1915 гг., итогом стала современная облицовка русла р. Чурук-Су и трех каменных мостов через нее. Конструктивные особенности стены-ограды набережной и мостов прослежены на площади квадратов № 22, 23, 28, 29 и 30.

Таким образом, по сути, в ходе раскопок 2018–2019 гг. впервые сформированы объективные научные представления о стратиграфии Бахчисарайского Ханского дворца как объекта археологического наследия. Результаты этих работ являются важнейшим источником для установления обоснованной исторической периодизации памятника и дальнейшего планирования его исследований.

Литература

1. Авагян А. Б. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в 1986 г. – Киев, 1986 г. – 29 с., ил. // Научный архив БИКАМЗ.
2. Айналов Д. В. Живопись Ханского дворца // ИТОИАЭ. – 1927. – Т. I (58). – С. 1–4.
3. Бахчисарайский дворец. Протоколы реставрационных заседаний Императорской Археологической комиссии за вторую половину 1909 г. Заседание 2 декабря // ИИАК. – 1910. – Вып. 34. – С. 43–50.
4. [Борзенко А. А., Домбровский Ф. М., Кузьмин В. П., Негри А. Ф.]. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 489–528.
5. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. – Симферополь, 2006. – 64 с.
6. Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. – СПб, 1912. – С. 3–32.
7. Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Бахчисарайского Ханского дворца в 2017 г. – Симферополь, 2017. – 104 с., ил. // Научный архив Института археологии РАН (г. Москва).
8. Домбровский Ф. М. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. – Симферополь, 1863. – 76 с.
9. Зайцев И. В. Политическая история Крымского ханства в XVI–XVII вв. // История Крыма: в 2 т. – М., 2019. – Т.1. – С. 392–405.
10. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – М.-Л., 1927. – № 2 (4). – С. 113–168.
11. Ибрагимова А. М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. – Киев, 2015. – 360 с.
12. Кондаков В. П. О Бахчисарайском дворце и его «реставрации» // Искусство и художественная промышленность. – СПб, 1899. – № 6. – С. 435–452.
13. Котов Г. И. Бахчисарайский дворец // Зодчий. – СПб., 1896. – Вып. I. – С. 1–5.

14. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. – М., 1925. – 58 с.
15. Лобода И. И. Дневник раскопок беседки крымского хана Селямет-Гирея. 1960 г. – 10 с. // Научный архив БИКАМЗ.
16. [Манштейн]. Записки о России // Приложение к «Русской старине». – СПб., 1875. – 378 с.
17. Маркевич А. И. К истории Ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. – 1895. – № 23. – С. 130–176.
18. Материалы исследования Главного корпуса бывшего Ханского дворца в г. Бахчисарае Крымской области. – Киев, 1961–1962. – Т. I–II. Шурфы и зондажи // Научный архив БИКАМЗ.
19. Науково-проектна документація на реставрацію пам'ятки архітектури XVI–XVIII ст. «Бахчисарайський палацово-парковий комплекс (Ханський палац)». Головний корпус. Південна споруда. – Київ, 2009–2010. – Т. 5. – Книга 1–9 // Научный архив БИКАМЗ.
20. Науменко В. Е., Хорлан А. В. Номінаційне дос'є об'єкта «Історичне середовище столиці кримських ханів у місті Бахчисарай» для внесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО // Історико-культурні заповідники: Номінаційні дос'є об'єктів культурної спадщини, що запропоновані Україною для занесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО: колективна монографія. – Київ, 2014. – С. 113–224.
21. О посещении Ханского дворца Научно-художественной комиссией с описанием начатых археологических раскопок под наблюдением В. А. Фомина. 17 октября 1903 г. // ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 83. – Л. 6–9.
22. Османов Э. Э. Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Хансарая в 1917–1939 гг. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2011. – № 198. – С. 131–133.
23. Османов Э. Э. Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Хансарая во второй половине XIX – начале XX вв. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2012. – № 228. – С. 108–111.
24. Османов Э. Э. Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Ханского дворца в 1944–1990 гг. // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2013. – Т. 26 (65). – № 2. – С. 96–111.
25. Разработка научно-проектной документации по объекту культурного наследия: «Ханский дворец» XVI–XIX вв. Раздел 2. Комплексные научные исследования. Подраздел 7. Инженерно-геологические изыскания. Технический отчет. – СПб.: ООО «Меандр», 2019. – 61 с., ил. // Научный архив БИКАМЗ.
26. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I. Бахчисарай. – Симферополь, 2016. – 168 с.
27. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – Симферополь, 2008. – 272 с.
28. Эминов Р. Р. Бахчисарайский дворец-музей: история создания и формирования коллекций (1917–1945 гг.). – М., 2017. – 368 с.
29. Эрнст Н. Л. Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III – фрязин Алевиз Новый (1503 г.) // ИТОИАЭ. – 1928. – Т. II (59). – С. 39–54.
30. Kaňal-Ferrari N. The Art of the Khans of Crimea and its relations to Ottoman Art: the Cemetery of the Khan's Palace in Bahçesaray // Electronic Journal of Oriental Studies. – 2001. – Vol. IV. – P. 1–22.
31. Kaňal-Ferrari N. Kirim'dan Kalan Miras Hansaray. – Istanbul, 2005. – 320 p.

*Новиченкова Н. Г.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Ялтинский историко-литературный музей (Ялта)*

*Novichenkova N. G.,
Humanitarian and Pedagogical Academy (branch),
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Yalta Historical and Literary Museum (Yalta)*

**ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ЯЛТИНСКОГО РЕГИОНА
ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА:
ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И МУЗЕЕФИКАЦИИ**

**MONUMENTS OF ARCHAEOLOGY OF YALTA REGION
AT THE SOUTHERN COAST OF THE CRIMEA:
PROBLEMS OF PROTECTION AND MUSEUMIFICATION**

Аннотация. Представлен краткий обзор истории археологических исследований на Южном берегу Крыма, показаны особенности состава археологических памятников данного региона, выделены наиболее перспективные для развития археологического туризма объекты – римская крепость Харакс, таврские могильники из каменных ящиков, средневековые укрепления, христианские культовые комплексы. Рассматриваются возможности музеефикации ряда объектов.

Ключевые слова: археологические исследования, археологические памятники, крепости, могильники, музеефикация, Южный берег Крыма.

Abstract. A brief review of the history of archaeological research on the Southern coast of the Crimea is presented; the compositional features of the archaeological sites of this region are shown. The most promising objects of archaeological tourism such as the Roman fortress *Charax*, Taurian stone cists cemeteries, medieval fortresses and Christian religious complexes are distinguished. The possibilities of museumification of a number of archaeological sites are considered.

Key words: archaeological research, archaeological sites, fortresses, cemeteries, museumification, the Southern coast of the Crimea.

В центральной части Южного берега Крыма, на территории Ялтинского региона, сосредоточено богатое культурное наследие, включающее археологические памятники каменного и бронзового веков, античной и средневековой эпох. Многие из них исследовались в разное время археологическими экспедициями, другие еще ждут своих исследователей. Своеобразие географического положения предопределило специфические условия для историко-культурного и этнического развития региона, что отразилось в оригинальном, неповторимом облике и составе местных археологических памятников, сконцентрированных на сравнительно небольшой территории [18, с. 6–14]. Памятники культуры тавров, римлян, готов, остатки средневековых крепостей, христианских храмов и культовых комплексов соседствуют друг

с другом, что позволяет за короткое время организовывать знакомство с различными группами объектов.

Начало многолетних научных исследований в Южнобережном и Горном Крыму было положено П. И. Кеппеном, М. И. Ростовцевым, А. Л. Бертье-Делагардом, О. Н. Бадером, Н. И. Репниковым, В. Д. Блаватским, П. Н. Шульцем. Так, в XIX – середине XX вв. были открыты археологические памятники, охватывающие все периоды начиная с эпохи камня и заканчивая поздним средневековьем. Археологические исследования на Южном берегу Крыма стали активно проводиться начиная с 1950–1960-х гг. благодаря деятельности П. Н. Шульца и созданного им Отделения Академии наук СССР, а впоследствии Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР. Заслугой его фактического руководителя О. И. Домбровского стали создание крымской школы археологии, открытие и раскопки на Южном берегу Крыма ряда новых памятников в связи со строительством автомобильной трассы Симферополь – Ялта – Севастополь, инициатива в издании научно-популярной серии «Археологические памятники Крыма». Три из них: «Аю-Даг – "Святая" гора» О. И. Домбровского, И. А. Баранова и А. П. Столбунова, «Крепость в Горзувитах» О. И. Домбровского и «Чертова лестница» Л. В. Фирсова [4; 5; 31], посвящены историческим памятникам ялтинского региона. Активное участие в исследованиях в 1960-х гг. на ЮБК наряду с О. И. Домбровским [6, с. 5–56] принимали Е. А. Паршина [25, с. 56–94], Л. В. Фирсов, И. А. Баранов [1, с. 112–118]. Л. В. Фирсовым был составлен своеобразный археологический путеводитель «Исары Южного берега Крыма» [32], в котором представлено подробное описание археологических памятников, анализируется геология всего ЮБК и места расположения археологических объектов. Работа снабжена планами, графическими реконструкциями архитектурных сооружений. Издание было опубликовано посмертно в 1990 г. в Новосибирске; в нее, к сожалению, не вошли описания Алупки-Исара и некоторых других памятников.

С конца 1970-х – начала 1980-х гг. исследования на территории Ялты стали проводиться более активно. В 1975 г. К. К. Орловым исследовалось поселение античного времени в урочище Осман у западного подножия г. Аю-Даг. С 1977 по 1985 гг. К. К. Орлов руководил раскопками на Хараксе: исследовались участки цитадели, терм, оборонительных стен, некрополя. Результаты исследований подытожили статьи об архитектурных сооружениях римской крепости и о погребениях Ай-Тодорского некрополя [24, с. 16–27; 23, с. 106–133]. В 1984 г. на Хараксе была обнаружена мраморная плита с латинской надписью о проводившихся в крепости строительных работах в 160-х гг. н. э. [11, с. 50–60].

С раскопок В. Л. Мыца 1979–1980 гг. крепости Исар-Кая у перевала Шайтан-Мердвен началось переосмысление типологии и датировки исаров, одним из итогов стала монография В. Л. Мыца «Укрепления Таврики X–XV вв.» [14]. В 1981 г. были открыты и в последующие годы продолжали

исследоваться новые средневековые памятники: укрепление Каракули-Исар, поселение VIII–IX вв. возле Ливадийской больницы, христианский храм на Гурзуфском Седле [18, с. 3–8; 19, с. 10–13].

В 1981 г. при строительстве трассы газопровода Ялта – Алушта на Главной гряде Крымских гор был открыт памятник античного времени – святилище у перевала Гурзуфское седло, что ознаменовало открытие новой для данного региона ритуальной культуры. Раскопки проводились в 1981–1993 гг. археологической экспедицией Ялтинского историко-литературного музея. Одновременно был открыт древний путь, проходивший по плоскогорьям Главной гряды и объединявший дороги юго-западной части Горного Крыма в единую систему коммуникаций [17, с. 59–86; 21].

В 1980-х гг. начались раскопки новых готских некрополей, которыми руководил В. А. Сидоренко: в Верхней Ореанде, на северном склоне горы Крестовой (1986 г.), в Голубом Заливе, возле Симеизской обсерватории (1987–1990 гг.). Было исследовано около 150 погребальных сооружений – склепов с коллективными захоронениями V–VII вв. и подбойных могил с одиночными погребениями.

Полевые исследования археологической экспедиции музея привели к созданию в 1987 г. в Ялтинском историческом музее сектора археологии, преобразованного в 1990 г. в отдел археологии. Совместно с отделом археологии Крыма Института археологии АН УССР была организована экспозиция «Таврика. Античность и средневековье», посвященная археологическим открытиям 1980-х гг. Все экспонаты выставки демонстрировались впервые. В 1990 г. была создана стационарная выставка «Люди и боги на древних монетах», основанная на материалах раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло. Выставка была оформлена художником Н. С. Гордичем.

С 1980-х гг. возобновилось обследование первобытных памятников Южного берега Крыма. С. М. Жуком, научным сотрудником отдела археологии ЯИЛМ, в дальнейшем КФ ИА НАНУ, были открыты новые мезолитические стоянки над Кореизом, местонахождения галечных орудий в Гаспре и под Аю-Дагом. Исследования последних стали основанием для выдвижения гипотезы о принадлежности этих объектов к раннему палеолиту [7, с. 102–111]. Еще одна стоянка каменного века Мыс Троицы-I, эпохи мезолита, раскапывалась сотрудником Института археологии АН УССР А. А. Яневичем в 1989 г. в Понизовке.

Продолжалось открытие новых некрополей на ЮБК. В 1988 г. сотрудниками Никитского ботанического сада в Никите был обнаружен средневековый плитовый могильник, раскопанный в 1989 г. Е. А. Паршиной. В 1993 г. при разработке проекта ландшафтной организации парка музейного комплекса на территории дворца Александра III архитектором А. А. Анненковым были выявлены таврские каменные ящики, один из которых был раскопан Ялтинским историко-литературным музеем [16, с. 218–220]. В 1998 г. научный сотрудник ЯИЛМ Н. П. Турова в урочище Алония под Ялтой открыла новый раннесредневековый некрополь, который иссле-

довала вместе с сотрудником КФ ИА НАНУ С. А. Чернышом с 1998 по 2002 гг. [30, с. 133–184]. Материалы раскопок экспонируются в Ялтинском историко-литературном музее.

В 2003 г. возобновились раскопки нижней оборонительной стены римской крепости Харакс, которые были продолжены в 2004, 2005, 2016 гг. Получены новые данные о планировке и конструкции внешней линии обороны [22, с. 287–299]. Изучение памятника, связанного с римским присутствием в Таврике, было продолжено в 2000-х гг. в трудах В. М. Зубаря «Таврика и Римская империя», «Римские гарнизоны Таврики» «Римская крепость Харакс» [8, с. 176–200; 9, с. 8–13; 10], статье В. И. Новиченкова и Н. Г. Новиченковой «О нижней оборонительной стене римской крепости Харакс» [15, с. 27–36].

В начале 2000-х гг. к исследованию исаров и других средневековых памятников на территории ЮБК приступил научный сотрудник, впоследствии заведующий отделом средневековой археологии Крымского института археологии С. Г. Бочаров. Раскопки укреплений Горзувиты, Учансу-Исар, Гелин-Кая, Панеа, Кучук-Исар позволили исследователю реконструировать оборонительную систему ряда укреплений [2, с. 186–205]. В 2005–2006 гг. под руководством С. Г. Бочарова исследовалась территория монастырского комплекса в Верхней Массандре. В 2009 г. им были проведены первые археологические раскопки крепости Рускофиль-Кале на мысе Мартьян в Никите, а в 2010 г. первые археологические исследования на месте средневекового поселения в приморской части Ялты [3, с. 10–12].

В 2011–2013 гг. Н. П. Туровой проводились раскопки уникального средневекового культового комплекса в пещере Иограф [28, с. 93–173], в 2017–2019 гг. – нового храмового (монастырского) комплекса на г. Кильсе-Бурун на Ай-Петринской яйле [29, с. 269–274].

В 2016–2018 гг. в связи с планируемыми работами по строительству новых объектов на территории МДЦ «Артек» Институтом археологии Крыма РАН под руководством В. В. Майко стали проводиться раскопки нового средневекового поселения у западного подножия г. Аю-Даг [27, с. 242–285]. Исследовались территория поселения, некрополя и храма в Горзувитах археологическими экспедициями Института археологии РАН под руководством А. В. Мастыковой [13, с. 155–158] и ООО «Таврическое археологическое общество» под руководством А. Ю. Манаева [12, с. 147–154].

В результате раскопок последних четырех десятилетий на Южном берегу Крыма археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея, насчитывавшая к началу 1980-х гг. около двух тысяч предметов, стала интенсивно пополняться и к настоящему времени увеличилась в двадцать раз. На основе исследований, проведенных на территории и в окрестностях Ялты в 1980–1990-х гг., в 2004 г. была создана «Золотая кладовая», ставшая частью новой экспозиции «Сокровища эллинов, римлян, готов из археологических памятников Большой Ялты».

Серьезной проблемой в сохранении археологического наследия в 1980-х гг., особенно в 1990-х – начале 2000-х гг., стала интенсивная застройка на территории Большой Ялты, которая проводилась зачастую без предварительного археологического обследования территории. В результате даже прошедшие регистрацию и паспортизированные памятники археологии (один из двух известных таврских некрополей в Гаспре, средневековое поселение возле Ливадийской больницы, стойбище с местонахождением галечных орудий в Гаспре) оказались застроены домами частного сектора. Другие памятники нуждаются в проведении серьезных восстановительных работ. К ним относится фундамент средневекового храма на скале Панеа в Симеизе, который интенсивно разрушается в результате природного и антропогенного воздействия.

Спецификой Ялтинского региона является высокая степень насыщенности археологическими памятниками разных эпох на сравнительно небольшой территории. На территории муниципального городского округа Ялта на сегодняшний день выявлено более 300 объектов археологии. Только 60 из них внесены в официальные списки [3, с. 391–400, 483, 484]. Два археологических памятника (римская крепость Харакс и средневековое укрепление Горзувиты) имеют статус федерального значения, остальные объекты отнесены к памятникам культурного наследия регионального значения.

С точки зрения музеефикации и использования в развитии туризма в Ялтинском регионе наиболее перспективными являются следующие памятники археологии: таврские некрополи из каменных ящиков, римское укрепление Харакс, позднеантичный Ай-Тодорский некрополь, раннесредневековые аланоготские некрополи в пос. Голубой Залив, в урочище Алония, в Верхней Ореанде, средневековые укрепления-«исары» в Гурзуфе, Никите, Ореанде, Алушке, Симеизе, а также остатки средневековых храмов. Многие из них используются в научных и учебных экскурсиях, в организации экскурсионных маршрутов в связи с активным развитием краеведения и внутреннего туризма. Среди данных объектов выделяются памятники, которые можно музеефицировать, используя минимальные вложения, например, путем создания и установки информационных стендов и указателей, прокладки дорожек по маршруту следования, как это было сделано более десяти лет назад на средневековом укреплении Лимена-Кале на г. Кошка в Симеизе.

Подводя итоги, следует отметить, что наиболее актуальными вопросами в сфере сохранения и музеефикации археологических памятников Ялты являются:

- 1) постановка на учет всех известных объектов археологии региона;
- 2) необходимость усиления мер защиты и охраны археологических памятников;
- 3) составление полной карты археологических объектов рассматриваемой территории;
- 4) музеефикация экспозиционных объектов археологии, находящихся в доступной для туристов зоне, на оживленных экскурсионных маршрутах;

- 5) усовершенствование известных и создание новых туристических маршрутов в местах концентрации археологических памятников;
- 6) популяризация археологического наследия.

Литература

1. Баранов И. А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ. – 1979. – Вып. 16. – С. 112–118.
2. Бочаров С. Г. Заметки по исторической топографии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). – Киев, 2004. – С. 186–205.
3. Бочаров С. Г. Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялты) в 2010 г. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: тезисы докладов. Серия: История, археология. – Ялта, 2011. – С. 10–12.
4. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодалная Таврика. – Киев, 1974. – С. 5–56.
5. Домбровский О. И., Столбунов А. А., Баранов И. А. Аю-Даг – «Святая» гора. – Симферополь, 1975. – 133 с.
6. Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972. – 112 с.
7. Жук С. М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 102–111.
8. Зубарь В. М. Римская крепость Харакс // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 176–200.
9. Зубарь В. М. Римские гарнизоны Таврики. Некоторые итоги и перспективы исследований // Памятники ЮБК: вчера, сегодня, завтра. – Ялта, 2004. – С. 8–13.
10. Зубарь В. М. Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. – Киев, 2004. – 232 с.
11. Зубарь В. М., Сарновский Т. Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. // ВДИ. – 1997. – № 4. – С. 50–60.
12. Манаев А. Ю., Турова Н. П. Археологические исследования на посаде крепости Горзувиты в 2017 г. // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции. – Симферополь, 2019. – С. 147–154.
13. Мастыкова А. В. Предметы христианского культа из раннесредневекового некрополя Горзувиты // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции. – Симферополь, 2019. – С. 155–158.
14. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991. – 164 с.
15. Новиченков В. И., Новиченкова Н. Г. О нижней оборонительной стене римской крепости Харакс // МАИЭТ. – 2002. – Т. IX. – С. 27–36.
16. Новиченкова Н. Г. Разведка на территории Массандровского дворца Александра III // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 218–220.
17. Новиченкова Н. Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 59–86.
18. Новиченкова Н. Г. Раннесредневековое поселение в Ливадии // VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма. – Симферополь, 2002. – С. 3–8.
19. Новиченкова Н. Г. Скит на Гурзуфском седле // Христианство на Южном бере-

- гу Крыма. Сборник Крымской научно-практической конференции. – Ялта, 2004. – С. 10–13.
20. Новиченкова Н. Г. Ялта в древности и средневековье // Ялта. – Симферополь, 2006. – С. 6–14.
21. Новиченкова Н. Г. Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло: Монография. – Симферополь, 2015. – 216 с.
22. Новиченкова Н. Г. Об исследованиях нижней оборонительной стены крепости Харакс // Исторические исследования. – 2017. – № 8. – С. 287–299.
23. Орлов К. К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев, 1987. – С. 106–133.
24. Орлов К. К. Архитектурные комплексы Харакса (История исследования. Оборонительные сооружения) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. – С. 16–27.
25. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 56–94.
26. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.). – Симферополь, 2004. – 487 с.
27. Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Майко В. В., Семин С. В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // ИАК. – 2017. – Вып. V. – С. 242–285.
28. Турова Н. П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над Ялтой // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2014. – Вып. 6 – С. 93–173.
29. Турова Н. П. Раскопки 2018 г. храмового комплекса IX–XV вв. на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) // ИАК. – 2019. – Вып. X. – С. 269–274.
30. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. – 2015. – Вып. XX. – С. 133–184.
31. Фирсов Л. В. Чертова лестница. – Симферополь: Таврия, 1973. – 88 с.
32. Фирсов Л. В. Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. – Новосибирск, 1990. – 472 с.

*Прохорова Т. А.,
ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-
заповедник "Херсонес Таврический"», Севастополь*

*Prokhorova T. A.,
Federal State Budgetary Institution of Culture State Historical and
Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonesos»*

**ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА
И ЕГО ОКРУГИ В УСЛОВИЯХ МИРА И ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ 1940–1960-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ»)**

**PROTECTION OF MONUMENTS OF CHERSONESUS AND ITS CHORA
IN 1940–1960S (ON MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF
THE STATE MUSEUM-RESERVE “CHERSONESUS OF TAURICA”)**

Аннотация. Изменение отношения общества к вопросам охраны и использования памятников истории и культуры привело к возникновению новой группы музейных учреждений – музеев-заповедников. Создаваемые на основе недвижимых памятников, музеефицированных на месте их нахождения с сохранением или восстановлением историко-культурной и природной среды, эти музеи в виду особой историко-культурной ценности сразу получили высокий статус, который и позволил сохранить ценнейшие памятники и историко-культурные комплексы. В конце 1950-х гг. вопросы консервации и реставрации памятников археологии и архитектуры были взяты под государственный контроль. Однако на пути к заветной цели сотрудникам и руководителям Херсонесского государственного историко-археологического музея пришлось преодолеть немало трудностей. Изначально он вместе с другими республиканскими краеведческими музеями был отнесен к низшей – III категории музеев. За 30 лет, с 1948 по 1978 гг., в музее было разработано несколько проектов Положения о музее-заповеднике, наиболее близкий к итоговой форме появился в 1957–1958 гг. Деятельность руководства музея в то время во многом была направлена на исправление существующего несоответствия и на повышение статуса музея, что предполагало постепенное повышение категории с III до I, а затем – до статуса заповедника. Музей, который продолжал работать в тяжелейших условиях в годы ВОВ и послевоенной разрухи, не останавливался на пути к заветному статусу, что и случилось в 1978 г.

Ключевые слова: музей-заповедник, Херсонес Таврический, «Положение об охране памятников культуры», 1940–1960-е гг.

Abstract. The changing attitude of society to the protection and use of historical and cultural monuments has led to the appearance of a new group of Museum institutions – museums-reserves. Created on the basis of immovable monuments, conserved at their location with preservation or restoration of historical-cultural and natural environment, these museums immediately received the high status, which allowed to preserve valuable historical and cultural monuments and complexes. In the late 1950s issues of conservation and restoration of archaeological and architectural monuments were taken under state control. However, on the way to the cherished goal, the staff and managers of the Chersonesos state historical and archaeological Muse-

um had to overcome many difficulties. Initially, it, along with other Republican local history museums, was assigned to the lowest – III category of museums. For 30 years, from 1948 to 1978, the Museum developed several draft regulations. The activities of the Museum's management at that time were largely aimed at correcting the existing discrepancy and improving the status of the Museum, which involved gradually increasing the category from III to I, and then – to the status of a reserve. The Museum, which continued to work in the most difficult conditions during the Second World War and the post-war devastation, did not stop on the way to the cherished status, which happened in 1978.

Key words: Museum-reserve, Chersonesus in Taurica, "Regulations on the protection of cultural monuments", 1940s – 1960s.

В настоящее время в России наблюдается растущий интерес общества к сохранению историко-культурного наследия. С одной стороны, это обусловлено расширением и упрочнением законодательной базы, а с другой – положительным опытом использования во всем мире музеефикации как одной из наиболее действенных форм сбережения и популяризации историко-культурного наследия.

На протяжении всего периода исследования Херсонеса и существования музея на его территории идея о сохранении и бережном изучении памятников древности существовала всегда. Достаточно вспомнить, что сама мысль об организации раскопок в Херсонесе была вызвана необходимостью защитить его памятники от разграбления и разрушения. Именно об этом писала в 1887 г. графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924) в записке, адресованной императору Александру III [5]. Высочайшим повелением от 12 июня 1887 г. производство самовольных раскопок на местности древнего Херсонеса строго воспрещалось; ежегодные раскопки были возложены на Императорскую археологическую комиссию и Одесское общество истории и древностей; для сохранения находок предполагалось создать музей под руководством опытного специалиста-археолога; кроме того, был объявлен запрет монашествующим производить раскопки и продавать вещи [4, с. 526–527].

Мыслью об охране от разорения и расхищения памятников Херсонеса руководствовались в своей деятельности Одесское общество, Севастопольский кружок любителей истории и археологии Крыма, а также Императорская археологическая комиссия, приступившая к раскопкам древнего города в 1888 г. [22; 23]. И вместе с тем руководителям музея и раскопок в Херсонесе с трудом и не всегда удавалось добиваться воплощения этой цели, и тому препятствовал целый ряд обстоятельств: претензии монастыря на земли Херсонеса, амбициозные планы военных, стремившихся использовать эту территорию для своих нужд, неразумное хозяйственное использование и недостаточная финансовая и административная поддержка со стороны государства. Особенно тяжелыми в этом отношении можно назвать 1940–1960-е гг., когда руководству Херсонесского музея пришлось преодолевать бюрократические препоны в организации грамотного режима охраны и использования памятников Херсонесского городища и его округи.

Политика органов государственной власти по отношению к культурному наследию, организационные основы и этапы законотворчества в области охраны памятников – эти и другие вопросы неоднократно обсуждались на страницах общих и специальных исследований. Для Крымского региона, где плотность расположения объектов культурного наследия чрезвычайно велика, а их культурно-исторический и хронологический диапазон охватывает несколько сот тысяч лет, данный вопрос не теряет своего актуального звучания с конца XVIII в. – времени, когда были сделаны первые шаги по масштабному хозяйственному освоению края. Во многом от того, насколько эффективной была деятельность государственных органов по охране и использованию памятников, зависели конкретные меры, предпринимаемые на местах. В значительной степени это влияло и на работу учреждений – музеев, ответственных за проведение памятникоохранных мероприятий на объектах.

Деятельность крымских музеев в вопросах реализации государственной политики по вопросам охраны памятников продолжает быть предметом изучения исследователей. Особое внимание ученых уделено процессам, имевшим место в 1920–1930-е гг. – период становления государственной системы охраны и сохранения древностей Крыма, организации систематического археологического изучения различных древних культур, создания заповедников, ремонта наиболее значимых памятников, а также принятия законодательных актов на общесоюзном, республиканском и местном уровнях, которые заложили определенную правовую базу для осуществления мероприятий по сбережению культурного наследия Крыма и всей страны [1; 2; 6; 8; 20; 21]. Что же касается Херсонесского музея, то данный спектр проблем рассматривался преимущественно в русле общей музейной деятельности либо через призму археологических и сопутствующих им консервационно-реставрационных работ. Такой подход был продиктован общим характером музейной деятельности в Херсонесе. Ведь совершенно очевидно, что основным содержанием работы музея является не только изучение памятников, собирание и экспонирование предметов, но и сбережение объектов, расположенных в пределах территории музея-заповедника, т. н. «музея под открытым небом», как Херсонесского городища, так и его округи. Конкретные меры, предпринимаемые руководством музея и его сотрудниками, направленные на спасение памятников истории, археологии и культуры в 1940–1960-е гг., являются главным предметом рассмотрения предлагаемой статьи.

Избранный для рассмотрения период интересен для нас потому, что к началу 1940-х гг. в стране в области охраны историко-культурного наследия закончился период «реакции» 1930-х гг., который был отмечен разгромом краеведческого движения. В начале 1940-х гг. перемены затронули и государственную политику в области охраны археологического наследия. В 1940 г. из государственного и местных бюджетов на поддержание памятников Крыма было перечислено 373 000 рублей, в том числе на ремонт и реставрацию памятников революции и Крымской войны, восстановление Чокурчинской пещеры, ремонт памятников Чуфут-Кале, строительство лапидар-

рия в Керчи, ремонт крепости на Карантинном холме и башни Константина в Феодосии [2, с. 14]. В Херсонесе работа в 1939 – начале 1941 гг. протекала в продуктивной обстановке. Отдельное направление деятельности музея – укрепление памятников раскопок. В данном направлении была проведена большая работа, поскольку холодная зима 1939/40 гг. привела к естественному разрушению многих памятников. Работы были проведены на 14 объектах: устроены черепичные навесы над кладовой пифосов из раскопок 1937 г., над двумя примыкающими к кладовой рыбозасолочными цистернами, укреплены стены базилики и часовни раскопок 1932 г., монументального здания римского времени 1936 г., часовни раскопок 1937 г., средневековой бани 1893 г., печь раскопок 1933 г., стены часовни у восточной базилики и базилики 1860 г., отремонтированы двери и окна помещений с мозаичными полами базилики 1889 г. и очищен подземный храм, укреплена часовня над ним. В фонды музея за 1940 г. поступило 705 единиц хранения, в библиотеку – 188 книг и журналов; фотолаборатория – 810 научных снимков и 2372 отпечатка; упорядочен архив. Благодаря плодотворной творческой работе коллектива план работ на 1940 г. был полностью выполнен и даже более того: научно-исследовательская работа перевыполнена на 100% сверх плана, археологические работы – на 15%, экспозиционная работа – на 100%, культурно-массовая – на 38%, в целом весь план – на 21% [12].

Однако наступившая «оттепель» была зверски прервана нападением немецких войск на Советский Союз и началом Великой Отечественной войны. Очевидно, что вопросы сохранения (в буквальном смысле этого слова) историко-культурного наследия после спасения населения и экономических мощностей страны вышли на первый план. Вместе с тем его достижению служила не сила закона, а мощь оружия.

С началом войны жизнь в Херсонесском музее стала стремительно меняться. 6 декабря 1941 г. директор И. Д. Максименко получил распоряжение «законсервировать» работу Херсонесского музея, что и было исполнено, сотрудники музея были уволены, временно хранителем музея был назначен Н. З. Федоров [16]. 1 января 1942 г. он был выселен в Севастополь, и специальным постановлением Совнаркома Крымской АССР хранителем музея был назначен А. К. Тахтай.

По долгу службы, как патриот Херсонеса, А. К. Тахтай остался на своем посту и при появлении немцев, так как не мог оставить Херсонес на растерзание захватчиками. В это время Александр Кузьмич прятал от расхищения древние памятники, несмотря на обстрелы регулярно осматривал раскопы, фиксировал находки на территории городища. 1 июля 1942 г. немцы вошли на территорию Херсонеса, и в тот же день А. К. Тахтай с колонной пленных был отправлен в лагерь для военнопленных. Арест, заключение в концлагере и проверка СД – все это пришлось пережить А. К. Тахтэю, прежде чем 15 августа 1942 г. вернуться на работу в Херсонес (листок прибытия А. К. Тахтая был составлен в немецкой ортскомендатуре 16 августа 1942 года) [7].

Чуть более 22 месяцев длилась немецкая оккупация. Без малого столько же А. К. Тахтаю приходилось ежедневно, ежечасно строить свою работу в немыслимых условиях, главное содержание которой сводилось к наблюдению за состоянием памятников городища, расчистке завалов от бомб и снарядов. Порой удавались даже незначительные археологические исследования объектов. Этот труд приобрел законченное научное оформление: в 1947 г. в 14-м выпуске журнала «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» был опубликован научный отчет о работах 1942–1944 гг. В эти годы были исследованы средневековые помещения за главным музейным корпусом, отдельные участки херсонесского некрополя, район цитадели и юго-восточного участка оборонительных стен, участок главной площади у собора в южной части базилики с колоннами, канал водопровода у эллинистического здания на главной улице Херсонеса, участок «античного дворика» в средневековом помещении № 2 VII квартала у собора, участок городища у «базилики Крузе» и даже у д. Новые Шули. Александр Кузьмич осуществлял археологические наблюдения за земляными работами в самые ответственные моменты обороны и осады: в апреле и мае 1942 г., во время немецкого штурма Севастополя 7–10 июня 1942 г., во время немецкой оккупации на протяжении всего 1943-го и начала 1944 г. и даже в день начала штурма Севастополя Красной Армией 7 мая 1944 года [19]. Именно это станет главной причиной обвинений Александра Кузьмича в предательской и антисоветской деятельности и ареста, который закончится осуждением его на 25 лет лишения свободы.

В годы ВОВ защита и охрана памятников Херсонеса велась на всех фронтах. В то время, как А. К. Тахтай старался выстроить работу в условиях оккупационного режима, а С. Ф. Стржелецкий вел учет памятникам в эвакуации и следил за их сохранностью, директор музея И. Д. Максименко не оставлял мысль о необходимости повышения статуса Херсонесского музея для получения большей финансовой и юридической свободы. Херсонесский государственный историко-археологический музей вместе с другими республиканскими краеведческими музеями был отнесен к низшей – III категории музеев, несмотря на то что Херсонес оставался в числе музеев с богатейшими фондовыми коллекциями. Коренной перелом в войне подарил надежду на быстрое возвращение из эвакуации и восстановление работы музеев. Примечательно, что в разгар боев на всех фронтах, в то время, когда Севастополь еще находился в руках захватчиков, согласно Постановлению СНК СССР № 571 от 22 мая 1943 г. Херсонесский музей был отнесен к музеям республиканского значения II категории [13].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. все ресурсы были пущены на скорейшее восстановление ключевых сфер жизни государства. И все же тогда уже закладывались будущие основы полноценной и эффективной системы охраны памятников.

В 1948 г. Постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 было утверждено «Положение об охране памятников культу-

ры» – документ, в котором на высшем уровне ставился вопрос о проблеме сохранности памятников [9].

В связи с выходом данного документа уже в 1948 г. был подготовлен проект «Положения о Государственном Херсонесском историко-археологическом музее и Археологическом заповеднике» [18]. На основании Постановления Совета Министров ССР от 14 октября 1948 г. № 3898 Государственным Херсонесским музеем были намечены мероприятия по охране памятников в районе города Севастополя, среди которых первоочередной значилась охрана Всесоюзного историко-археологического заповедника в Херсонесе, а именно: восстановление целостности ограды заповедной территории городища, разрушенной в период немецкой оккупации, создание музейной навигации на памятниках (изготовление и установка объяснительных знаков на раскопках и у отдельных памятников в количестве 150 шт.), перенос и реставрация мозаичных полов и планомерное систематическое удаление завалов на раскопках. Стоимость работ первой очереди, планируемых к проведению на таких памятниках, как эллинистический дом с мозаичным полом, «базилика в базилике», так называемый «монетный двор», подземный храм, склеп на земле Тура, квартал эллинистических домов и построек, открытых в 1936–1947 гг. на Северном берегу Херсонеса, оценивалась в 80 400 рублей [14]. После выхода данного постановления, еще до официального утверждения нового статуса музея, преимущественное большинство документов в Херсонесском музее (акты, исходящие письма, протоколы) составлялось с учетом того, что музей существовал и действовал как территория заповедника.

В начале 1949 г. руководство музея определило название будущего заповедника – Херсонесско-Корсунский – и выработало концепцию его развития. Впоследствии Положение было дополнено основополагающими тезисами. Государственный историко-археологический Херсонесский-Корсунский заповедник, определяемый памятником комплексного характера, состоял под охраной государства, и вся его территория и памятники объявлялись неприкосновенным всенародным достоянием. В данной редакции Положения заповедными признавались городище Херсонеса-Корсуна с частью его некрополя и комплекс сельскохозяйственных усадеб древнего Херсонеса в районе Казачьей и Камышовой бухт и всех археологических памятников Гераклеяского полуострова, были четко очерчены границы охранной зоны заповедника, в которую была включена территория городища так называемого Страбоновского Херсонеса и его некрополя. Детализирован раздел, посвященный раскопкам в Херсонесе-Корсуне и его районе, содержанию научно-исследовательской и культурно-просветительской работы; определены структура заповедника и штаты музея (47 штатных единиц, из них 14 человек научного персонала). Новый проект Положения на 12 листах содержал базовые методологические принципы организации музейных учреждений высшего звена и был близок к финальному проекту Положения, выработанному в конце 1950-х гг. [14].

Однако проект Положения так и не был реализован, и вновь к этому вопросу вернулись только в 1954 г. [10]. В новой редакции документ 1954 г. был составлен директором А. В. Пятлиной и В. В. Борисовой. Среди главных причин необходимости придания Херсонесу заповедного статуса была потребность в установлении централизованного контроля за состоянием памятников городища и его округи. Главный принцип, заложенный в Положении, заключался в объявлении территории заповедника неприкосновенным достоянием, состоящим под охраной государства, не позволяющего использование территории в иных целях. Основная функция Херсонесского заповедника как научно-исследовательского историко-археологического учреждения заключалась в охране, консервации и реставрации археологических памятников Херсонеса и Гераклейского полуострова. Осуществление этих мер предполагало систематическую работу заповедника в данном направлении: повседневная охрана и систематический объезд памятников в районе заповедника, учет и полная их паспортизация, составление каталогов, ведение журналов охраны, исследование и публикация памятников, научная консервация и реставрация за счет ассигнований по Госбюджету, популяризация через местную печать, проведение научных исследований на памятниках. Впервые в Проекте Положения 1954 г. были определены понятия территории заповедника (городище с некрополем площадью 50 га и сельскохозяйственные усадьбы на территории около 1200 га), а также понятие «охранной зоны», в которую включен был так называемый «Страбонов Херсонес» на Маячном полуострове. Использование территории заповедника подчинялось строгому режиму с запретом сооружений временного или постоянного характера без специального на то разрешения Министерства культуры УССР, запретом проживания лиц, не связанных с работой в заповеднике, а также запретом выполнения всех видов сельскохозяйственных работ, сбора и вывоза камня, сдачи земель или зданий в аренду [10].

Однако прошло около 10 лет, прежде чем в связи с предложенным в 1958 г. Положением об историческом музее к данному вопросу в музее вернулись вновь [15]. Значительную роль в получении Херсонесским музеем наивысшего статуса сыграла Инна Анатольевна Антонова (1928–2000) – талантливый археолог, директор Херсонесского историко-археологического музея в 1955–1971 и 1980–1985 гг., заслуженный работник культуры Украины, которая более 20 лет вела последовательную работу ради получения музеем статуса заповедника. Для нее новый статус музея был не просто «моральным фактором», это было вознаграждение за многолетний колоссальный труд, выпавший на ее долю.

Важные мероприятия были связаны с реставрацией и консервацией памятников Херсонеса согласно программе Комиссии научно-методического совета по охране памятников при Президиуме Академии наук УССР, принятой в 1957 г. Среди памятников, подлежащих реставрации, были: 1, 4, 5, 6, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22 куртины оборонительных стен; линии оборонительных стен в портовой части и вдоль северо-восточного берега; башни I, III, V,

VI, XII, XIV, XV, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII; две башни приморской портовой обороны; протейхизма между башнями III–VI, XII–XIV, XVII–XVIII; центральные городские ворота; общественные сооружения: казарма, монетный двор; базилики – западная, раскопок 1932, 1935 и 1950 года, северная, Уваровская, раскопок 1889 года, Крузе, «на холме», восточная, у бывшего Свято-Владимирского собора; 12 средневековых часовен; жилые кварталы I, II и в Северном районе города; термы средневековые в III квартале; дом винодела; пятиапсидный храм; крестообразный храм на некрополе и др.

Среди главных строительно-технических мероприятий значилось укрепление берега, разрушаемого морем. К тому же разработке подлежали автотранспортные коммуникации, учитывающие подъезд ко всем музейным зданиям, фондовым хранилищам, хозяйственным и жилым сооружениям, пешеходные и экскурсионные магистрали с благоустроенными лестничными спусками и подъемами к раскопанным памятникам на берегу моря, схема водопроводной сети, обеспечивающей противопожарные мероприятия, хозяйственные, научные потребности, раскопки, реставрацию памятников и обслуживание посетителей, схема электросети и канализационной сети с местами общего пользования, сооружение новых вспомогательных построек и реконструкция существующих. Особым пунктом было составление проекта 3-этажного дома на 25 квартир для научного и технического персонала заповедника, строительство которого планировалось наметить на месте снесенных конюшен бывшего монастыря, где культурные слои были удалены до скалы.

Отдельным пунктом проекта реконструкции было озеленение заповедника с целью создания особого архитектурного ансамбля заповедника. Для обслуживания посетителей предусматривалось завершение ограждения заповедника от въездных ворот до западной стены, сооружение ворот в заповедник вместо бывшей монастырской ограды с крестами и религиозными символами, установка маршрутных указателей с пояснительными надписями, сооружение летних киосков для продажи воды у берега моря, расстановка скамей в парке на раскопках и на берегу моря, а также оснащение техникой (грузовая машина, автокран, автосамосвал, ленточные транспортеры).

19 февраля 1959 г. начальнику Управления музеев Министерства культуры УССР Г. С. Кирилук был направлен на рассмотрение проект положения о Херсонесском государственном историко-археологическом музее-заповеднике, принятие которого назрело уже давно, но по различным причинам было отложено. Как видно, Херсонесский музей провел колоссальную подготовительную работу, включая тщательную проработку юридических вопросов статуса будущего заповедника и составление детального плана проекта грядущих преобразований. В сентябре 1958 г. Постановлением Совмина РСФСР были созданы первые историко-архитектурные и художественные музеи-заповедники: Владимиро-Суздальский, Ростово-Ярославский, Новгородский, Псковский, Загорский, Костромской и Горьковский [3], одна-

ко Херсонесский историко-археологический музей, несмотря на огромную подготовительную работу, только спустя 20 лет приблизился к заветной цели, а первые значимые победы последовали лишь в 1970 г., когда Приказом Министерства культуры УССР от 17 февраля 1970 г. он был отнесен к музеям I категории [17]. Постановлением Совета Министров Украинской ССР от 31 января 1978 г. № 77 и Решением Исполкома Севастопольского Совета народных депутатов от 28 февраля 1978 г. № 4/III Херсонесский музей был реорганизован в заповедник. Так на культурной карте города Севастополя, Крыма и всей страны появился Херсонесский заповедник с тремя обширными филиалами – «Крепость Чембало», «Крепость Каламита» и «Гераклеийские клеры» [11]. В 1970–1980-е гг. возникли заповедники на базе монастырей (Соловецкий, Валаамский), мемориальных ансамблей (Ясная Поляна, Поленово), дворцово-парковых ансамблей в пригородах Ленинграда. Заповедники, в отличие от других музеев, могли комплексно планировать свою деятельность, создавать более широкий диапазон экспозиций, шире использовать коллекции и пр. К началу 1990-х годов в СССР насчитывалось уже около 80 музеев-заповедников, ставших наиболее динамично развивающейся группой музейных учреждений, среди них был уже и Херсонесский государственный историко-археологический заповедник, которому на этом пути пришлось преодолеть несколько непростых этапов.

Литература

1. Андросов С. А. Деятельность Севастопольского комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (1920–1924 годы) // Историческое наследие Крыма. – 2009. – № 24. – С. 26–34.
2. Андросов С. А. Охрана памятников истории культуры Крыма в 20–30-е гг. XX века // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 6. – С. 7–16.
3. Данильченко И. В. Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 5. – С. 85–88.
4. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. – СПб., 2009. – 840 с.
5. Кац В. И. Записка графини П. С. Уваровой о Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. – Севастополь, 1988. – С. 58–60.
6. Коровайников В. Ю. Документы по охране и реставрации памятников Крыма 1920-х годов (по материалам ЦМAM) // Меценаты и коллекционеры: материалы Международной научно-практической конференции. – Севастополь, 2001. – С. 48–52.
7. Листок прибытия А. К. Тахтая // ГКУ АГС. – Ф. Р-312. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 17.
8. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. Документальное наследие Центральных государственных реставрационных мастерских – источник по истории изучения Крыма в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 1. – С. 114–125.
9. О мерах улучшения охраны памятников культуры СМ СССР. Постановление от 14 октября 1948 г. № 3898. – М., 1949. – 12 с.
10. О разработке проекта Положения о Государственном Херсонесском историко-археологическом заповеднике. 1954 г. // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 983. – Л. 37–47.

11. О создании Херсонесского государственного историко-археологического заповедника в г. Севастополе // НАО ГМЗ ХТ. – Ф. 1. – Д. 1941/2. – Л. 1, 2–8.
12. Отчеты о работе Государственного Херсонесского музея за 1940 г. // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 411. – Л. 1–24.
13. Письмо начальника музейно-краеведческого отдела НКП РСФСР Маневского директору Государственного Херсонесского музея И. Д. Максименко об отнесении Херсонесского музея к музеям республиканского значения 2 категории // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 881. – Л. 24.
14. Положение о Государственном историко-археологическом Херсонес-Корсунском заповеднике // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 602. – Л. 3–5, 57–69.
15. Положение об историческом музее // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 1079. – Л. 22.
16. Приказ № 96 по Государственному Херсонесскому музею от 11 ноября 1941 г. об увольнении сотрудников в связи с консервацией работы музея // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 881. – Л. 13.
17. Приказ Министерства культуры УССР от 17 февраля 1970 г. об отнесении ГХИАМ к музеям I категории // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 1484. – Л. 4.
18. Проект положения о Государственном Херсонесском музее и археологическом заповеднике. 1948 г. // НАО ГМЗ ХТ. – Д. 569. – Л. 1–8.
19. Тахтай А. К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИ-ИМК. – 1947. – Вып. 14. – С. 122–13.
20. Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х годов XX века: по материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 9–29.
21. Хливнюк А. В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы. – Симферополь, 2008. – 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
22. Шаманаев А. В. Нереализованный проект: монастырь св. Владимира в Херсонесе и археологический памятник на острове в Казачьей бухте // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 12. – С. 414–428.
23. Шаманаев А. В. Проект организации изучения и охраны Херсонесского городища Императорской археологической комиссии (1887 г.) // ХСб. – Вып. 18. – Севастополь, 2013–2014. – С. 239–246.

*Прохоров Д. А.,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь*

*Prokhorov D. A.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

**МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
КРЫМСКИХ КАРАИМОВ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**MUSEUM COLLECTIONS ON THE HISTORY AND CULTURE
OF CRIMEAN KARAITES AND ISSUES OF PRESERVING THE HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC
OF CRIMEA: EXPERIENCE AND PROSPECTS OF RESEARCH**

Аннотация. Изучение истории крымских караимов сегодня является одним из наиболее приоритетных направлений в области научной реконструкции прошлого старожильческих народов Крыма. В этой связи актуальным является междисциплинарный анализ нынешнего состояния историко-культурного наследия караимов. Подобный анализ следует осуществлять с учётом целого ряда параметров, в том числе исторических и социокультурных (включая этнические и конфессиональные). Введение в научный оборот контента музейных коллекций, посвящённых караимам, – одно из основных направлений в этом вопросе. В статье представлены уже имеющиеся результаты исследований в этой области, а также намечены перспективы дальнейшего изучения данного вопроса.

Ключевые слова: Россия, Крым, старожильческие народы, караимы, музейные коллекции.

Abstract. Studying the history of Crimean Karaites today is one of the highest priority areas in the field of scientific reconstruction of the past of old-age peoples of Crimea. In this regard, an interdisciplinary analysis of the current state of the historical and cultural heritage of the Karaites is relevant. Such an analysis must be taking into account a number of parameters, including historical and sociocultural (including ethnic and religious). Introduction to the scientific circulation of the content of museum collections dedicated to the Karaites is one of the main directions in this matter. The article presents the existing research results in this area, as well as outlines the prospects for further study of the issue.

Key words: Russia, Crimea, old-age peoples, Karaites, museum collections.

Изучение истории старожильческих народов Крыма сегодня является одним из приоритетных направлений в области научной реконструкции прошлого полуострова. Недостаток объективных научных обобщений, неразработанность методологии и отсутствие систематизированной источниковой базы ставят перед исследователями задачи, направленные на исследование проблем истории караимов. При этом возникает необходимость в создании и внедрении проектов, направленных на сохранение их историко-культурного наследия. В этой связи актуальным является междисциплинарный анализ его нынешнего

состояния. Подобный анализ следует осуществлять с учётом целого ряда параметров, в том числе исторических и социокультурных (включая этнические и конфессиональные).

Одним из направлений этого процесса является изучение и научная систематизация коллекций, хранящихся в музеях Республики Крым. Например, в фондах Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей» (ГБУ РК «КЭМ», г. Симферополь) собраны уникальные предметы, связанные с историей и культурой караимов. В коллекции Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (ГБУ РК «БИКАМЗ», г. Бахчисарай) хранятся ценные артефакты, относящиеся к прошлому караимских общин Чуфут-Кале и Бахчисарая. Коллекция из фондов Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Центральный музей Тавриды» (ГБУ РК «ЦМТ», г. Симферополь) насчитывает значительное число экспонатов, имеющих непосредственное отношение к истории караимов Крыма. Среди предметов этих коллекций – манускрипты, старопечатные книги, элементы убранства караимских кенас, предметы религиозного культа, ювелирные и бытовые изделия, раритетные фотографии и документы.

Многие из этих экспонатов являются не только подлинными произведениями искусства – их всестороннее изучение даёт возможность проследить традиции, приёмы и технологии, бытовавшие среди мастеров-ремесленников Крыма XVIII–XX вв. Аргументированный научный анализ контента этих коллекций также позволяет заполнить многие лакуны в истории караимов как одного из малочисленных народов Крыма. Ценность музейных экспонатов состоит также и в том, что они являются связующим звеном между поколениями, служат культурно-просветительским и воспитательным целям.

Несмотря на то что ранее уже предпринимались попытки опубликования материалов об экспонатах караимских коллекций некоторых крымских музеев, осуществлены они были без использования соответствующих методик и анализа. Помимо этого, в ряде случаев при описании экспонатов были допущены серьёзные ошибки; присутствуют и неточности в изложении материала. Некоторые предметы из коллекций по неизвестным причинам не были включены в описание.

В связи с этим была разработана концепция, подготовлен к печати и издан каталог «Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов» [9]. Монография состоит из трёх частей, каждая из которых посвящена коллекциям трёх музеев Республики Крым. Объединение коллекций под эгидой одного издания обусловлено тем, что многие из входящих в них предметов имеют общее происхождение, историю и локализацию; помимо этого, каталог представляет собой первое издание, в котором осуществлена ретроспектива музейных артефактов, имеющих непреходящее историческое и культурное значение. Каталог снабжён историческим очерком, систематизированным описанием коллекций, порядок описания предметов в которых соответствует карточке научного описания, а также подробным научно-справочным аппаратом. Иллю-

стративная часть состоит из изображений предметов целиком и их отдельных, наиболее значимых деталей. Все это позволяет сделать каталог интересным как для обычного читателя, так и для специалиста.

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (г. Бахчисарай). Коллекционная опись ГБУ РК «БИКАМЗ» насчитывает более 300 артефактов, относящихся к истории караимов. Среди них: предметы религиозного культа, утвари и убранства караимских молитвенных домов (кенас), редкие старопечатные книги и рукописи (наиболее ранние из них датируются XVI в.), написанные на иврите, русском и караимском языках и составлявшие ранее имущество членов караимской общины Бахчисарая и «пещерного города» Чуфут-Кале. Уникальным является и собрание предметов быта, посуды, мебели, деталей интерьера, а также детали облачения караимских священнослужителей. В караимской коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеются многочисленные фотографические снимки и фотонегативы, датируемые в основном 1920–1930 гг. (около 200 единиц хранения), на которых зафиксированы, прежде всего, архитектурные и фортификационные объекты «пещерного города» Чуфут-Кале, кладбище «Балта Тиймез» в Иосафатовой долине близ Чуфут-Кале, надгробные памятники караимского некрополя Мангуп-Кале; помимо этого, определённую ценность представляют и фотонегативы, отобразившие первую музейную экспозицию караимского отдела Бахчисарайского музея, организованную в 20-х гг. XX в. В лапидарной части коллекции хранятся уникальные памятные плиты с посвятительными надписями, в которых упоминается о посещении Чуфут-Кале представителями императорской семьи Романовых и других августейших особ. Караимская коллекция ГБУ РК «БИКАМЗ» насчитывает более 300 предметов [9, с. 126–243].

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды». В музее хранятся историко-бытовые вещи, предметы декоративно-прикладного искусства, этнографические материалы, относящиеся к истории караимских общин Крымского полуострова (общее количество – около 100 предметов). В основном это фотографии начала XIX – второй половины XX вв. Среди них – жанровые, бытовые и семейные фотографические снимки, а также их фотокопии. Есть серия фотографий, представляющих архитектурные памятники средневекового центра проживания караимов в Крыму – пещерного города Чуфут-Кале, а также евпаторийской караимской кенасы. В фондах музея хранятся портретные фотографии караима Соломона Самойловича Крыма – главы Второго Крымского краевого правительства; на некоторых снимках, относящихся к началу XX в., запечатлены представители караимских общин полуострова. Помимо всего прочего, в фондах музея имеются раритетные артефакты, использовавшиеся в религиозных обрядах караимов Крыма – детали культового облачения караимского священнослужителя, деревянная модель страусового яйца (атрибут караимской кенасы, символ молитвенного сосредоточения). Одна из ценнейших находок, относящихся к истории караимской общины Солхата, также входит в лапидарную коллекцию

ГБУ РК «ЦМТ» – это надгробная плита из белого мрамора с надписями на арабском языке (с указанием даты реставрации местной мечети – 1309 г.) и на иврите (1517 г.). Плита является древнейшим эпиграфическим памятником времён Крымского улуса Золотой Орды, на территории которого уже существовали караимские общины [9, с. 243–266].

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Крымский этнографический музей». В фондах музея история караимских общин полуострова представлена в основном фотографиями XIX – второй половины XX вв. Среди них – жанровые, бытовые и семейные фотографические снимки, а также их фотокопии. Имеются также фотографические снимки деятелей народного караимского просвещения, религиозных лидеров и их последователей, участников и членов просветительских национальных объединений 1920-х – 1930-х гг. и пр. В коллекции хранятся различные документы и материалы, относящиеся к истории отдельных караимских семей Симферополя и других городов Крыма. Среди экземпляров хранения – предметы одежды, быта и декоративные произведения ремесленников, использовавшиеся в повседневной жизни караимских семей конца XIX – середины XX вв. Общее число экспонатов караимской коллекции ГБУ РК «КЭМ» – более 100 экземпляров [9, с. 266–299].

В ходе подготовки каталога использовались документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь), а также документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург), в архиве ГБУ РК «БИКАМЗ», а также в фондах ГБУ РК «КЭМ» и ГБУ РК «ЦМТ». Некоторые из документов ранее не попадали в поле зрения специалистов и впервые введены в научный оборот.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения истории формирования и создания караимских коллекций, собранных в фондах трёх крымских музеев, а также проведено комплексное исследование хранящихся в них предметов. Выявлены, описаны и вновь атрибутированы экземпляры из коллекций, относящиеся к историко-культурному наследию одного из старожильческих народов Крыма – караимов; проанализированы этапы формирования коллекций и их особенности. Кроме того, изучен ряд ключевых аспектов общественной, культурной и духовной жизни караимских общин Крымского полуострова XIX – начала XX вв.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в продолжении изучения караимских коллекций, хранящихся в других музеях Республики Крым, среди которых необходимо выделить прежде всего коллекции муниципального бюджетного учреждения культуры «Феодосийский музей древностей» (МБУК «ФМД», г. Феодосия) и муниципального бюджетного учреждения культуры «Евпаторийский краеведческий музей» (МБУК «ЕКМ», г. Евпатория). Так, в одной из экспозиций Феодосийского краеведческого музея собраны предметы, связанные с историей и культурой караимов – в зале «Караимская слобода», постоянном этнографическом разделе музея, представлена коллекция из предметов быта многонациональной Феодосии XIX – начала

XX вв. Она включает в себя старинные гравюры и фотографии, утварь и мебель, национальную одежду караимов. На выставке представлены не только предметы материальной культуры крымских, но также и других народов (русских, армян) из коллекции музея и собранные научными сотрудниками у жителей города. Созданием выставки руководил старейший представитель караимской общины, председатель караимского общества Феодосии М. Э. Хафуз (1920–2002). Экспонаты предоставили караимские семьи Хафуз, М. Я. Еру, А. Д. Коген, А. С. Кефели, И. А. Айваз и др. Зал открылся в июле 1990 г., при этом Феодосийский музей древностей стал первым среди музеев Крыма, где была создана этнографическая экспозиция. Авторами научной концепции создания экспозиции являются старший научный сотрудник А. Н. Гуров, архитектор и художник С. М. Арёфьева [5].

Среди наиболее ценных экспонатов, составляющих караимскую коллекцию Феодосийского музея древностей, необходимо выделить *таппухим* (яблоки) – традиционные стилизованные декоративные серебряные навершия, венчавшие *эч хаим* («дерево жизни» – стержни, на которые наматывался свиток Торы). Согласно библейской традиции, эти плоды произрастают на Древе Жизни. В описи, составленной в 1906 г. М. С. Леви, сообщалось, что в феодосийской кенасе хранился свиток Торы, «в футляре из дерева, покрытом чистым серебром с позолотой. И на футляре для украшения сделаны круги из позолоченного серебра <...> У этой Торы два таппухим и два деревянных *эч хаим*, ручки которых покрыты чистым серебром» [3, с. 18]. В 1930-х гг. в ходе антирелигиозной кампании, проводившейся советскими органами власти, были ликвидированы практически все кенасы на территории Крымского полуострова, за исключением феодосийской, поскольку члены местного религиозного объединения граждан, «двадцатки», отказались проходить перерегистрацию. В перечне движимого имущества кенасы, составленном в 1921 г., помимо лампад, чаш, монет, колец, серёг, браслетов, брош, блях, кавказских серебряных поясов, пожертвованных прихожанами, числились и таппухим. В 1939 г. свитки Торы были конфискованы вместе с остальным движимым имуществом кенасы. Общий вес изъятых наверший составил 8 фунтов 92 золотника (более 4 кг) [1, л. 2, 7, 15]. Тем не менее часть наверший представителям караимской общины, по-видимому, всё же удалось сохранить. В 1970 г. во время строительных работ на территории частного домовладения, на месте которого ранее находилась кенаса, были обнаружены 22 серебряных таппухим, которые затем передали в Феодосийский краеведческий музей [3, с. 18; 6, с. 175].

Следует упомянуть и о том, что в Феодосии также действует общественный музей местной караимской общины, где собраны экспонаты, связанные с историей, культурой и бытом караимов.

Евпаторийский краеведческий музей был создан 1 февраля 1921 г., и размещался он в бывшем особняке евпаторийского караимского купца Ю. М. Гелеловича, построенном в 1912 г. 30 июля 1921 г. музей открыл свою экспозицию для посетителей. История создания караимской коллекции в музее связана с именем Полины Яковлевны Чепуриной, в 1920-х гг. занимавшей

должность директора Евпаторийского археолого-этнографического музея и являвшейся членом Евпаторийского отделения Российского общества по изучению Крыма (РОПИК). Сегодня в МБУК «Евпаторийский краеведческий музей» насчитывается до 90 тыс. единиц хранения; в его фондах хранятся ценные материалы по истории крымских караимов [2, с. 22; 4]. В частности, среди документов, относящихся к истории иудейских общин Крыма, имеются: свиток Торы (1 ед. хр.); караимские брачные договоры «шетары», датированные второй половиной XIX – началом XX вв. (27 ед. хр.; 1767–1947 гг.); литография «Кладбище караимов на Чуфут-Кале» (XIX в.); опись книг из личной библиотеки одесского караимского купца М. С. Сарача, пожертвованной в 1916 г. в караимскую национальную библиотеку «Карай-Битиклиги» его наследниками (составлена первым смотрителем библиотеки М. Я. Фирковичем), раритетные фотографии, предметы религиозного культа, обихода, мебель, одежда, медная посуда и многое другое.

Музей истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль в Евпатории, расположенный в одном из помещений «мидраша» при Евпаторийской соборной кенасе, был открыт 10 августа 1996 г. Основой его фондов стала коллекция предметов материальной и духовной культуры крымских караимов, собиравшаяся в течение нескольких десятилетий караимскими общественными деятелями Б. Я. Кокенаем и С. И. Кушуль. Эти материалы весной 1996 г. были переданы национально-культурному караимскому обществу Евпатории «Кардашлар» (ныне – Местная общественная организации «Национально-культурная автономия караимов городской округ Евпатория “Кардашлар”»). В экспозициях этого музея представлены предметы истории и быта караимов: одежда, посуда, мебель, элементы облачения караимских священнослужителей, утварь и детали убранства кенас, а также уникальные документы и фотографии. Среди экспонатов имеются: караимские молитвенники, изданные в Венеции в 1528 г., первопечатная книга Крыма (1734), пергаментный свиток Торы, свадебные костюмы караимских жениха и невесты, шетар 1767 г. и пр. В 2005 г. музей был удостоен Диплома и Почетного знака Министерства культуры Украины в номинации «Музеи на общественных началах». В 2018 г. предметы музея экспонировались в ГБУ РК «КЭМ» в Симферополе на выставке «“Къарай эдим, къарай бармэн...” (“Я был и остаюсь караимом...”)). Страницы истории и культуры крымских караимов по материалам коллекции общины г. Евпатория» [8].

Что касается музеев за пределами Республики Крым, в которых собраны предметы, связанные с историей и культурой караимов, то прежде всего следует указать на музейную коллекцию Государственного музея истории религии (ФГБУК «ГМИР») в Санкт-Петербурге. Некоторые предметы религиозного культа, ранее входившие в состав имущества караимских кенас Крыма (в том числе, два парохета конца XIX в. из караимской кенасы Гёзлева – с инвентарными номерами ГМИР Е-2460–VII и ГМИР Е-2381–VII, а также облачение караимского газзана), ныне хранятся в этом музее.

Ряд ценных артефактов имеется и в коллекциях Государственного музея истории (ФГБУК «ГИМ», г. Москва) и в ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (г. Москва). В основном это дореволюционные фотографии и снимки 1920–1930-х гг. с изображениями объектов культовой архитектуры караимов (кенас), традиционных жилых построек, фотопортреты видных караимских религиозных деятелей и учёных, а также другие предметы. В коллекции Российского этнографического музея (ФГБУК «РЭМ», г. Санкт-Петербург) имеется ряд предметов (одежда, обувь, предметы быта и т. п.), относящихся к истории и культуре крымских караимов [7, с. 10].

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что дальнейшая работа по сохранению караимского историко-культурного наследия является одной из приоритетных задач и в деятельности краеведческих, этнографических и профильных музеев Российской Федерации в целом, и Республики Крым в частности. При изучении прошлого караимов следует отходить от устаревших клише и стереотипов, при этом важно вводить в научный оборот новые, ранее не публиковавшиеся сведения, архивные данные, нарративные источники, а также артефакты, обнаруженные в ходе археологических и этнографических исследований. Применение новых, междисциплинарных методов изучения, комплексный подход при анализе источников для научной реконструкции прошлого караимов, современных мультимедийных и интерактивных средств также позволит существенно модернизировать деятельность уже существующих музейных экспозиций, посвящённых караимам, организовать новые, современные формы работы.

Литература

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. Р-663. – Оп. 10. – Д. 15.
2. Евпаторийский краеведческий музей // Музеи Крыма. Фотопутеводитель. – Симферополь, 2003. – С. 22.
3. Ельяшевич В. А. Коллекция свитков Торы в караимской кенасе Феодосии // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. – Евпатория. 2018. – № 27, апрель. – С. 13–18.
4. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Евпаторийский краеведческий музей» // Евпаторийский краеведческий музей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://eupatoriya-museum.org/ru/o-muzee.html> (дата обращения: 16.05.2020).
5. Караимская община в Крыму // Феодосийский музей древностей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://old-museum.org/halls/history_hall_25.htm (дата обращения: 15.05.2020).
6. Кизиллов М. Б. Караимские таппухим: уникальная коллекция наверший на свитки Торы из фондов Феодосийского музея древностей // Караимы Феодосии: история – религия – культура. – Симферополь, 2018. – С. 173–180.
7. Народы Крыма: выставка из собрания Российского этнографического музея / научный редактор В. М. Грусман; фотограф О. Ф. Ганичева. – СПб., 2014. – 35, [1] с.
8. Открытие выставки «Къарай эдим, къарай бармэн...» («Я был и остаюсь караимом...»). Страницы истории и культуры крымских караимов по материалам коллекции общины г. Евпатория // ГБУ РК «Крымский этнографический музей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://ethnocrimea.ru/ru/publish/34534223.html> (дата обращения: 16.05.2020).
9. Прохоров Д. А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. – Симферополь, 2016. – 320 с.

*Саенко В. Л., Саенко Т. С.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Saenko V. L., Saenko T. S.,
Medical Academy named after S. I. Georgievsky of "Crimean Federal
University named after V. I. Vernadsky", Simferopol*

ХИРУРГИЧЕСКИЙ КОРПУС БОЛЬНИЦЫ ИМ. Н. А. СЕМАШКО КАК ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

SURGERY BUILDING OF N.A. SEMASHKO HOSPITAL AS A HISTORICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Аннотация. Более 90 лет архитектура хирургического корпуса больницы им. Н. А. Семашко является ее визитной карточкой и предметом гордости горожан. Об этом здании, как об интересном архитектурном объекте, неоднократно упоминалось в печатных изданиях России и зарубежья. Статья посвящена истории этого уникального объекта, в которой отражены судьбы известных советских деятелей – от архитектора до представителей науки, духовенства и здравоохранения. Хирургический корпус больницы им. Н. А. Семашко, расположенный на ул. Киевской, 69, литера А, является историко-архитектурным достоянием России и заслуживает получения статуса памятника культурного наследия Крыма.

Ключевые слова: Хирургический корпус больницы имени Н. А. Семашко, архитектура авангарда, архитектура нэп, Белозерский Б. И., Войно-Ясенецкий В. Ф., Захаров Е. И.

Abstract. The architecture of the surgery building of N. A. Semashko hospital has been its "visiting card" and the subject of pride of the city dwellers for more than 90 years. This building, as an interesting architectural object, has been repeatedly mentioned in printing editions in Russia and abroad. The article is devoted to the history of this unique object, which reflects the fate of famous Soviet figures from the architect to the representatives of the science, clergy and healthcare. Surgery building named after N. A. Semashko in Kievskaya street, 69 letter A, is a historical and architectural heritage of Russia and deserves a status of the cultural heritage monument of Crimea.

Key words: N. A. Semashko surgery building, Crimean avant-garde architecture, NEP architecture, Belozersky B. I., Voino-Yasenetsky V. F., Zakharov E. I.

Хирургический корпус больницы имени Н. А. Семашко располагается в городе Симферополе на углу улиц Шмидта и Киевской, в нескольких километрах от центра города. Первоначально хирургический корпус входил в комплекс построек 1-й Советской городской больницы имени Н. А. Семашко. В период сооружения здание было отдельно стоящим и выполняло акцентирующую композиционную роль в застройке улицы. Основными композиционными характеристиками данной постройки являются масштабность и ее стилевые особенности. Здание было запроектировано как

лечебное учреждение, функцию которого оно выполняет и в настоящее время. Здесь пациентам предоставляется многопрофильная хирургическая помощь.

Архитектура хирургического корпуса настолько узнаваема, что стала визитной карточкой больницы (здание изображалось на юбилейной медали, представлено в виде заставки на главной странице официального сайта больницы).

Корпус имеет два надземных этажа и высокий цокольный. В плане здание Ш-образное, с выступающими в глубину участка тремя ризалитами и акцентированной центральной частью. Главный фасад корпуса симметричный. Лестничный блок выполняет функцию композиционной доминанты. В нем расположен центральный вход. Композиция лестничного блока усилена витражным остеклением и декоративным полукруглым балконом, на котором ранее были размещены знаки Qr.A.S.S.R. (аббревиатура надписи «Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика» на крымскотатарском языке согласно орфографии 1930-х годов). В настоящее время буквы утрачены. Парапет над главным входом дополнен объемным, оригинальным авторским барельефом с медицинской символикой. Монументальность здания представляет архитектуру 20–30-х гг. и имеет общие черты с постройками, сочетающими стили модерн и ар-деко. Фасад корпуса декорирован межэтажными горизонтальными карнизами, характерными для стиля конструктивизма, а также барельефными композициями научной тематики, фризом и консолями, выполненными в стиле ар-деко, имеющем сходные черты со стилем модерн [7, с. 277].

В боковых фасадах располагаются дополнительные входы, их лестничные марши имеют сплошное остекление и акцентированы пилястрами. Роль козырька выполняет прямоугольный балкон. Дворовой фасад украшает эркер с витражным остеклением. Перекрытия железобетонные. Стены выполнены из камня-ракушечника и первоначально были гладко оштукатурены с использованием гранитной и мраморной крошки. В настоящее время стены окрашены. Крыша здания двухскатная. Первоначальная плоская крыша с мягкой кровлей и ливнеотводами квадратного сечения видоизменена.

Схема организации внутреннего пространства коридорная. Палаты, операционные и дополнительные помещения просторные. На данный момент интерьеры фрагментарно сохраняют свою аутентичность. В некоторых отделениях сохранились элементы оригинального убранства: кафельный пол, паркет в палатах, столярка дверей и встроенных шкафов, массивные бетонные подоконники с мраморной крошкой, межэтажные лестницы с декоративными перилами и лепниной. Все оконные проемы прямоугольного очертания, на многих из них сохранилась оригинальная столярка рам с механизмами для открывания форточных фрамуг.

Архитектор хирургического корпуса больницы имени Н. А. Семашко. Белозерский Борис Иванович родился 18 марта 1889 г. в

городе Казани. В 1907 г. по конкурсу зачислен в Петербургский институт гражданских инженеров. В 1916 г. поступил на архитектурное отделение Академии художеств в мастерскую профессора Н. Л. Бенуа, но закончить учебу не удалось, так как в 1917 г. был призван в армию и зачислен в «Красный Крест». В этот период своей деятельности Борис Иванович занимается переоборудованием зданий под армейские госпитали в Петербурге и Киеве. После демобилизации в 1921 г. он приехал в Феодосию, где заведовал стройтехчастью Центросоюза. С 1922 г. работал заведующим строительного бюро горсовета в г. Симферополе, где занимался главным образом переоборудованием национализированных дворцов и особняков на Южном берегу Крыма для использования их в качестве санаториев и домов отдыха. С 1926 по 1928 год становится главным архитектором г. Симферополя, а с 1928 г. руководит архитектурной мастерской Крымского филиала «Гипрогора». В 1938 г. репрессирован, а в 1944 г. освобождён из заключения (полностью реабилитирован в 1956 г.). 1944–1950 гг. – управляющий и главный архитектор архитектурно-планировочной конторы «Архпланпроект» в г. Днепропетровске. С 1950 г. работал в Художественном фонде и занимался разработкой интерьеров, преподавал архитектуру в Днепропетровском горном институте (1952–1955 гг.) и строительном техникуме (с 1955 г.). Умер Борис Иванович в 1977 г. в Днепропетровске [3, с. 3–9, 28].

Б. И. Белозерский – выдающийся советский зодчий, творчество которого оказало значительное влияние на архитектуру Симферополя и Крыма. За 45 лет творческой деятельности им было реализовано более 50 проектов. Его работы отмечены печатью большого мастерства и таланта, так как всегда отличались оригинальными композиционными решениями, тщательной проработкой деталей, стремлением к синтезу искусств. Многие работы Б. И. Белозерского по праву могут считаться памятниками архитектуры.

В крымский период профессиональной жизни Б. И. Белозерского был разработан первый после революции генплан Симферополя, построен первый хлебозавод, создана общегородская канализационная сеть, осуществлено благоустройство городского сада.

По проекту Б. И. Белозерского в Крыму построены: 1921 г. – плодосушильный завод в Карасубазаре (Старый Крым); 1922 г. – рыбоконсервный завод (г. Керчь); 1923 г. – хлебозавод в Симферополе; 1925 г. – три 3-этажных дома (г. Керчь), 1926 г. – жилой дом «Крымконсервтреста» с магазином (г. Симферополь); 1926–1929 гг. – рабочий поселок из 14 двухэтажных домов (г. Симферополь); 1927 г. – два жилых кооперативных блокированных коттеджа на ул. Горького и Желябова (г. Симферополь) и Театр юного зрителя на ул. Горького (разрушен в 1942 г.); 1927–1929 гг. – хирургический корпус больницы им. Н. А. Семашко (г. Симферополь); 1929–1931 гг. – жилые дома водоканала, мельтреста, почтовых служащих (г. Симферополь); 1930 г. – биоклиматическая станция с 14-метровой вышкой (г. Евпатория);

1932 г. – ансамбль из трех жилых домов «В память 1905 г.» (г. Симферополь); 1933–1934 гг. – жилой дом для членов крымского правительства на ул. Жуковского (г. Симферополь); 1935 г. – жилой дом с аптекой на ул. Воровского (г. Симферополь); 1936–1938 гг. – новый корпус Медицинского института (г. Симферополь) и санаторный корпус в Карасане (г. Алушта); 1937 г. – проект лечебного пляжа и реконструкция набережной в Евпатории; 1937–1938 гг. – второй спальный корпус санатория ЦК ВКП(б) «Красное знамя» («Дюльбер») (Кореиз, г. Ялта) и гостиница «Керчь» в г. Керчь [3, с. 30–31].

Более половины из этих построек сохранились. Такие выдающиеся произведения, как ансамбль из трех жилых домов «В память 1905 г.», жилой дом для членов крымского правительства, жилой дом «Крымконсервтреста» с магазином и новый корпус Медицинского института в г. Симферополе, охраняются государством как памятники культурного наследия.

История хирургического корпуса больницы им. Н. А. Семашко. В 1927 г. перед Горздравом Крыма стал вопрос о постройке новой хирургической больницы в г. Симферополе, и с этой целью была сформирована специальная комиссия, возглавлял которую зав. Горздравом тов. Магитон. Новый корпус должен был отвечать всем на тот момент современным требованиям науки и техники. При выработке плана хирургического корпуса комиссия совещалась с архитекторами Шахтенской больницы и виднейшими специалистами-хирургами Москвы и Ленинграда. Об этом событии писали в главной газете Крыма «Красный Крым» от 6 апреля 1927 года [2, с. 4]. Уже через 10 дней в том же печатном ежедневнике можно прочесть следующее: «Горсовет утвердил схему постройки хирургической больницы и предложил Откомхозу прирезать к первой советской больнице территорию, на которой по плану должен быть построен хирургический корпус. На заготовку материалов отпущено 20 тыс. рублей из местного бюджета и такая же сумма из лечебного фонда. Горздраву разрешено сейчас же приступить к земельным работам по нивелировке участка. Закладка здания состоится 1-го мая» [5, с. 3].

Строительство хирургического корпуса проводилось Крымкоммунстроем по проекту архитектора Б. И. Белозерского под контролем управляющего В. С. Русяева. Стоимость сооружения здания была определена в 382 800 рублей. Здание было отстроено, за два года в нем были выполнены отделочные работы.

Вокруг здания устроили уютный парк, обильно озелененный лиственными и хвойными деревьями, который украшали бетонные копии произведений советских скульпторов. На территории парка били родники. Вода из этих, ныне запущенных источников использовалась для строительства корпуса и отпаивания лошадей, которые перевозили стройматериалы [1, с. 3].

А. М. Григорьева, доцент кафедры факультетской хирургии, хирург-фронтоник, впервые перешагнула порог хирургической клиники в 1935 г., будучи студенткой IV курса. Она вспоминала: «...Какой она была нарядной, уютной!! Длинный, светлый коридор, с боковым освещением, рассекала, по всей длине, ковровая дорожка, стояли пальмы. Палаты большие, просторные, рассчитанные на 12 коек – голубые, розовые, салатные (в каждой одинакового цвета одеяла). Блестел ухоженный, хорошо натертый паркет. Вспоминаю, как наш постоянный полотер – паренек Вася, ловко скользил по полу с щетками на ногах, вроде исполнял какой-то неведомый танец. Чистота. Белоснежные халаты. С трепетом входишь в клинику, как в храм». В своих воспоминаниях она донесла до нас бесценную информацию о структуре и врачебном составе клиники того времени.

У истоков становления клиники стоял Михаил Борисович Матусов, который приехал из Ленинграда, где учился и много лет работал с профессором Оппелем В. А. Он заведовал кафедрой факультетской хирургии Крымского медицинского института с момента его основания (1935–1944 гг.) [6, с. 101] и шефствовал в коллективе опытных хирургов: Двинянинова Е. П., Карасевой-Корнеевой К. И., Леткемана Ф. Я., Шориной Е. К., Беккермана Б. Г.

В корпусе осуществлялась urgentная помощь широкого диапазона. Принимали взрослых и детей. На первом этаже, в правом его крыле, располагался рентгеновский кабинет, в левом – гинекологическое отделение. В штате был уролог Целлариус Г. Н., невропатолог Колужский Ю. Я. и др. специалисты.

На втором этаже была кафедра общей хирургии, которой заведовал профессор-гематолог Константин Петрович Гес-де-Кальве, приехавший из Харькова. В левом его крыле располагалось первое в Крыму отделение уха-горла-носа, которым руководил проф. Михайловский Сергей Васильевич (основоположник крымской школы оториноларингологов, в 1935–1939 гг. был первым заведующим кафедрой оториноларингологии Крымского медицинского института) [6, с. 104].

В клинике работали замечательные хирурги: Михайленко П. В. (в годы войны – заслуженный партизанский хирург), Анисимова В. И. (в годы оккупации Крыма расстреляна фашистами за связь с партизанами), Косн Д. А., Рыжков П. Г. и Рогозин Е. А., который в годы войны возглавил хирургическую службу на Черноморском теплоходе «Кахетия» для эвакуировавшихся раненых и больных из осажденного Севастополя [1, с. 5].

В годы Великой Отечественной войны корпус был захвачен немцами. Из воспоминаний М. Хорона: «Я – молодой советский врач, только в 1941 г. окончил медицинский институт. Я не успел эвакуироваться из Симферополя, и мне пришлось при немцах работать в больнице.

Хирургический корпус, где я работал, к приходу фашистов был переполнен ранеными, главным образом горожанами, пострадавшими при звер-

ской бомбежке города немецкими самолетами. Появившись на территории 1-й Советской больницы, немцы немедленно выгнали нас из корпуса. Мы перенесли всех раненых в корпус родильного отделения. С большим трудом разместили наших больных, но организовать должную медицинскую помощь вообще и хирургическую в частности не могли. Было тесно, негде было оперировать, не хватало инструментов и медикаментов.

Однако и это помещение показалось захватчикам слишком роскошным для русских больных. Нас выбросили сначала в помещение бывшей глазной клиники, а затем и вообще удалили с территории больницы в одну из городских школ» [4, с. 26–27].

В одном фронтовом альбоме-дневнике немецкого солдата-медика от 1942 г. можно прочесть следующее: «Разведка сделала хороший улов. Русская университетская клиника стала нашим лазаретом. Здесь, в главном здании, было размещено хирургическое отделение. Постройка была достаточно современная и комфортная... Операционные залы были очень хорошо благоустроены, чистые и просторные. Только не хватало освещения, но эти недостатки мы смогли компенсировать привезенными нами операционными лампами. Для русских условий больничные палаты были хороши...».

После освобождения города от немецких захватчиков, в апреле 1944 г., на территории больницы разместился эвакуогоспиталь № 32581, который прибыл из Ростова и в сентябре 1944 г. двинулся вслед за фронтом. Далее здесь базировались эвакуогоспитали для легкораненых № 5411 и № 2638. При демобилизации некоторые сотрудники этих госпиталей пришли работать в больницу. В ноябре 1944 г. лечебное учреждение возобновило свою деятельность [1, с. 6].

С 1952 по 1971 гг. в стенах корпуса работал выдающийся хирург и ученый проф. Захаров Евгений Илларионович. Он заведовал кафедрой общей (1951–1953 гг.) и госпитальной (1953–1971 гг.) хирургии лечебного факультета Крымского медицинского института, был членом Правления Всесоюзного общества гастроэнтерологов. Евгений Илларионович являлся основоположником сердечно-легочной и реконструктивной хирургии системы пищеварения в Крыму. Соавтор XIV и XV томов «Опыта советской медицины в Отечественной войне 1941–1945 годов» [6, с. 61–62].

Врачи старшего поколения помнят, как проф. Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович (Архиепископ Лука) (1877–1961 гг.) в лекционной аудитории корпуса на втором этаже читал лекции по хирургическим болезням, давал благословление на лечение, а также консультировал и оперировал сложных больных в клиниках Крымского медицинского института.

Валентин Феликсович – автор большого числа работ по хирургии и философии, духовный писатель, доктор богословия (1959). Наиболее значимыми трудами следует считать «Очерки гнойной хирургии (1934), «Дух, ду-

ша и тело» (1957). Лауреат Сталинской премии I степени (1946 г.). В 1996 г. канонизирован Украинской православной церковью [6, с. 32].

В 1961 г. в цокольном этаже хирургического корпуса было открыто первое в Крыму и одно из первых на Украине отделение анестезиологии и реанимации с противостолбнячным центром, которым заведовал Свиргуненко Юрий Павлович (1936–1997 гг.). Он был главным внештатным анестезиологом Крыма [6, с. 134–135].

В 1966 г. на втором этаже здания в правом крыле открылось отделение челюстно-лицевой хирургии, возглавлял которое талантливый хирург Цуркин В. Ф. Нельзя не отметить проф. Рейнуса А. М. (заведовал кафедрой оториноларингологии с 1942 по 1971 гг.), проф. Царенко П. П. (с 1945 по 1962 гг. заведовал кафедрой факультетской хирургии Крымского медицинского института; первый в Крыму председатель общества «Знание» и Комитета защиты мира), проф. Волобуева Н. Н. (1933–2013 гг.), заведующего кафедрой госпитальной хирургии № 1 (1983–2005 гг.), заслуженного врача Украины, действительного члена Нью-Йоркской академии наук [6, с. 33].

Проф. Жебровский В. В. (1942–2012 гг.) – главный хирург ОЗО Крыма (1988–1998 гг.), заведующий кафедрой хирургии с курсом урологии, заслуженный деятель науки и техники Украины, сопредседатель Ассоциации герниологии Украины и член Европейской ассоциации хирургов-герниологов [6, с. 57].

Память о Свиргуненко Ю. П., профессорах Захарове Е. И., Царенко П. П., Волобуеве Н. Н., Жебровском В. В. увековечена мемориальной доской на фасаде корпуса. Кроме того, проф. Захарову Е. И. установлены два памятника – на территории Крымской медицинской академии и ГБУЗ РК «КБ имени Н. А. Семашко».

Деятели медицины, науки и духовенства, трудовая и творческая работа которых неразрывно связана с этим корпусом, общеизвестны не только на территории нашей Родины и постсоветского пространства, но и в мировой истории и науке.

Литература

1. Вдовиченко И. И. 80 лет больнице им. Семашко. – Симферополь, 1994. – 16 с.
2. К постройке хирургической больницы // Красный Крым. – 1927. – 6 апр. – С. 4.
3. Комен В. С. Архитектор Белозерский. – Днепропетровск, 2005. – 37 с.
4. Немецкие варвары в Крыму. – Симферополь, 1944. – 112 с.
5. Постройка хирургической больницы // Красный Крым. – 1927. – 16 апр. – С. 3.
6. Профессора Медицинской академии имени С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского». 1918–2016. – Симферополь, 2016. – 180 с.
7. Токарев А. Г. Архитектура Юга России эпохи авангарда: монография. – Ростов-на-Дону, 2016. – 416 с.

*Седикова Л. В.,
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник "Херсонес Таврический"», Севастополь,*

*Sedikova L. V.,
Federal State Budgetary Institution of Culture State Historical
and Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonesos»,
Sevastopol*

«ДРЕВНИЙ ГОРОД ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЕГО ХОРА» – ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

«THE ANCIENT CITY OF TAURIC CHERSONESE AND ITS CHORA» – UNESCO WORLD HERITAGE SITE

Аннотация. Рассматриваются вопросы юридического статуса и современного состояния объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Древний город Херсонес Таврический и его хора». Обоснование выдающейся универсальной ценности объекта – важный этап в подготовке номинационного досье. Основные проблемы содержания памятника археологии связаны со сложной процедурой подготовки проектной документации и проведения реставрационных работ.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, объект ЮНЕСКО, реставрация

Abstrakts. This paper considers legal status and current condition of the UNESCO World Heritage Site “Ancient City of Tauric Chersonese and its Chora”. Justification of outstanding universal value of the site is an important stage in preparation the nomination dossier. The major challenges of maintaining an archaeological site are associated with complicated procedures of project documentation preparation and carrying out conservation works.

Key words: Tauric Chersonese, UNESCO site, conservation

Вопрос номинации памятников Херсонеса Таврического в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО рассматривался с 1989 г. В предварительном списке объект именовался «Руины древнего города Херсонес Таврический» [1, с. 10].

На 37-й сессии Комитета Всемирного наследия в Список ЮНЕСКО был внесен объект «Древний город Херсонес Таврический и его хора». Из всего богатого археологического наследия Крыма пока только Херсонес попал в этот престижный список. В номинацию были отобраны восемь участков, входящих в состав заповедника, но в окончательном списке осталось семь. Это Херсонесское городище, участки хоры на высоте Безымянная, в балке Бермана, Юхариной и Стрелецкой балках, а также укрепленное поселение на Маячном полуострове [2, с. 10–12]. Памятник номинирован по двум критериям, наиболее полно отражающим его выдающуюся универсальную ценность.

Полис и хора Херсонеса Таврического являются выдающимся образцом античного архитектурно-технологического ансамбля, состоявшего из го-

рода и его сельскохозяйственной округи, сформировавшегося в результате многогранной хозяйственной и коммерческой деятельности греческих колонистов в IV–III вв. до н. э. и существовавшего без существенных изменений на протяжении почти двух тысяч лет. Херсонес и его хора представляют собой исключительные по сохранности образцы древнего поселения, землепользования и ландшафта, сформировавшиеся в условиях специфических природных условий юго-западной части Крымского полуострова.

Херсонесское городище является единственным в Северном Причерноморье целостно сохранившимся образцом археологических руин древнего города, который был важным политическим и экономическим центром региона во времена греческой колонизации, а также в периоды становления и упадка Римской и Византийской империй с V в. до н. э. по XIV в. н. э.

Сохранившиеся участки хоры Херсонеса Таврического на территории Гераклейского полуострова представляют собой фрагменты системно организованной в IV в. до н. э. сельскохозяйственной округи города, размежеванной в пределах 10 000 га на 400 наделов. Отличительной чертой Херсонесской хоры является ее размежевка с использованием планировочной модели архитектора Гипподама Милетского, что позволяет говорить о композиционной целостности застройки и системы землепользования в пределах города и его округи.

Подготовка памятников к номинации в Список ЮНЕСКО является очень кропотливой системной работой с документами и, что особенно важно, непосредственно с самими номинируемыми объектами. Важнейшим документом для номинации памятника, помимо Номинационного досье, является План управления объектом. В нем дается оценка его современного состояния, описываются проблемы и риски, а также прописываются пути их решения. Подготовка номинационных документов позволила определить место нашего объекта в мировой системе учета; выявить и сформулировать существующие у памятников Херсонеса проблемы и наметить пути их решения.

После воссоединения Крыма и г. Севастополя с Российской Федерацией возникли проблемы с предоставлением отчетности о состоянии сохранности объекта «Древний город Херсонес Таврический и его хора» перед Комитетом Всемирного наследия. Ввиду непризнания ООН Крыма российской территорией, подготовленные музеем-заповедником отчеты в ЮНЕСКО не принимались. Вместе с тем самое первое поручение главы государства, посвященное Херсонесу, сконцентрировано на вопросах сохранения Херсонеса как объекта ЮНЕСКО: «Правительству Российской Федерации совместно с Администрацией Президента Российской Федерации и органами исполнительной власти г. Севастополя обеспечить сохранность объекта Всемирного наследия «Херсонес Таврический и его хора» в соответствии с требованиями ЮНЕСКО» [3].

За последние годы музеем-заповеднику «Херсонес Таврический» удалось провести большую работу по кадастрированию и постановке на учет

большого количества памятников, в том числе расположенных на участках, внесенных в Список ЮНЕСКО.

Среди требований Комитета Всемирного наследия важнейшим является вопрос сохранения (консервации) памятников. Музею-заповеднику рекомендовано незамедлительно предпринять меры по консервации и стабилизации наиболее уязвимой части видимых археологических остатков для предотвращения их разрушения и исчезновения, а также предоставить адекватные финансовые ресурсы для среднесрочной программы по консервации и управлению памятником. Раскопки Херсонесского городища ведутся более 190 лет. За это время открыта примерна третья часть древнего города. Всегда перед исследователями стояла проблема сохранения открытых раскопками архитектурных остатков. За годы существования экспозиции под открытым небом накоплен большой опыт в проведении реставрационных (консервационных) работ. Опробованы различные методики консервации и презентации памятников, в результате чего был выработан подход, основанный на превентивных мерах консервации объектов [4, р. 142]. Планом управления объектом ЮНЕСКО пересмотрена современная философия консервации памятников, соответствующая статье 9 Венецианской хартии ИКОМОС 1964 г., гласящей: «реставрация заканчивается там, где начинаются гипотезы». Главным принципом консервации стало сохранение аутентичного облика объекта [5, с. 161–162].

Ежегодно на участках музея-заповедника проводятся археологические исследования, открываются новые памятники, требующие мер по их сохранению. Согласно действующему законодательству (статьи 41, 43 и 45 Федерального закона № 73), для того чтобы провести работы по реставрации памятника, необходимо пройти долгий путь по выявлению и внесению памятника в реестр, получению задания на проектирование, предполагающего наличие границ и предмета охраны. В дальнейшем на основании конкурсных процедур выбирается проектная организация, разрабатывается проект реставрации. Реализация проекта осуществляется также на основании торгов.

Все эти мероприятия достаточно затратные и долговременные. За время поиска денег и подготовки документации памятники могут быть утрачены. Данная проблема актуальна не только для Херсонеса, с ней сталкиваются многие учреждения археологического профиля, ответственные за сохранение объектов культурного наследия. Для решения задачи целесообразно создать рабочую группу из заинтересованных специалистов, выработать предложения о внесении изменений в действующее законодательство, упрощающих процедуру проведения консервационных работ на памятниках археологии.

Нахождение объекта в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, с одной стороны – является дополнительной защитой для памятника, с другой стороны – предполагает высокую ответственность за состояние его сохранности.

Литература

1. Бобровский Т. А., Седикова Л. В. К номинации Херсонеса в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции. – Севастополь, 2012. – С. 10–11.
2. Бобровський Т. А. Седікова Л. В. Номінаційне дос'є об'єкта «Стародавнє місто Херсонес Таврійський та його хора (V ст. до н. е. – XV ст. н. е.)» для внесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО // Історико – культурні заповідники. – Київ. 2014. – С. 9–112.
3. Перечень поручений по итогам встречи с деятелями культуры, состоявшейся 14 августа 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/46724#sel=4:1:B,4:1:B>.
4. Sedikova L. The History of Site Conservation at Tauric Chersonesos // Archeological Institute of America. 107th Annual Meeting. Abstracts. – Montreal, 2006. – 142 p.
5. Седикова Л. В. История сохранения археологического наследия в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей. – Барнаул, 2017. – Т. III. – С. 159–162.

*Сидорова В. В.,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь*

*Sidorova V. V.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

EDUCATIONAL ACTIVITIES AS A MEANS OF SOLVING THE PROBLEM OF RESTORATION OF ARCHITECTURAL MONUMENTS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Аннотация. В статье сделан анализ сложившейся ситуации с образованием в области реставрации в России в целом и в Республике Крым в частности. Обоснована необходимость открытия специальности для подготовки архитекторов-реставраторов на базе крымского вуза. Рассмотрены проблемы образовательной деятельности и практической реставрации в Российской Федерации.

Ключевые слова: сохранение культурного наследия, реставрация, памятник архитектуры, образование.

Abstrakt. The article analyzes the current situation with education in the field of restoration in Russia as a whole and in the Republic of Crimea, in particular. The necessity of opening a specialty for the preparation of architects-restorers on the basis of the Crimean university is justified. The problems of educational activity and practical restoration in the Russian Federation are considered.

Key words: preservation of cultural heritage, restoration, architectural monument, education.

Республика Крым и г. Севастополь богаты памятниками истории, археологии, архитектуры. На территории полуострова по состоянию на 01.01.2019 г., по данным Государственного Комитета по охране культурного наследия Республики Крым, обнаружено и поставлено на учет 4592 объекта культурного наследия [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Для сохранения этого достояния необходимо привлечение специалистов по направлениям «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» и «Реставрация». Следует отметить, что для ведения деятельности по сохранению объектов культурного наследия, включенных в реестр, или выявленных объектов культурного наследия необходимо иметь соответствующую лицензию. Аттестацией специалистов и лицензированием деятельности в области сохранения и реставрации объектов культурного наследия (за исключением спасательных археологических полевых работ) занимается Ми-

нистерство культуры Российской Федерации. Чтобы пройти аттестацию, необходимо иметь профильное образование. Контракт на реставрацию объекта культурного наследия можно получить только при участии в государственных закупках [11]. Однако тендеры на реставрацию выигрывают в основном крупные строительные фирмы, предлагающие более низкую цену и быстрые сроки. Возможно, что строительные работы вполне реально закончить в сроки, заявленные в задании, но подготовить и провести полноценную реставрацию — нет. Такая ситуация является следствием слабой подготовки самих чиновников, которые планируют и готовят техническое задание и выходят на тендер с завышенными ожиданиями, а исполнители стремятся их ожиданиям соответствовать. При этом не учитывается характер кропотливой работы по реставрации, которую иногда невозможно провести в заявленный срок. Специалисты по реставрации это знают, чиновники — нет [15].

Анализ сложившейся ситуации в Республике Крым и г. Севастополе показывает отсутствие открытых направлений обучения реставраторов. Однако нельзя не отметить попытку кафедры градостроительства «КФУ им. В. И. Вернадского» восполнить эту пустоту открытием профиля «Реконструкция и реставрация градостроительных объектов» направления 07.04.04 – градостроительство, предназначенной для подготовки магистров.

На 2020 г. в Российской Федерации насчитывается 15 вузов со специальностью 54.03.04 «Реставрация», 16 вузов со специальностью 07.03.02 «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» (см. табл. 1).

Каждый регион и даже отдельно взятый населенный пункт характеризуется своей спецификой. Это могут быть как исторические события, характерные архитектурные типы зданий и сооружений, так и особенности природной среды. Поэтому так важно воспитывать крымских реставраторов для сохранения культурной среды, любящих свою Родину, уважающих историю и готовых бережно сохранять индивидуальность.

Таблица 1

Анализ вузов Российской Федерации (бакалавриат/ специалитет)

Список вузов со специальностью 07.03.02 «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия»	Профиль специальности 07.03.02 «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия»	Список вузов со специальностью 54.03.04 «Реставрация»	Профиль специальности 54.03.04 «Реставрация»
НИУ МГСУ – Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет)	–	СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет	–

ИрННТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет	–	ВлГУ – Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых	–
СамГТУ – Самарский государственный технический университет	Реставрационное проектирование	РГГМУ – Российский государственный гидрометеорологический университет	Реставрация живописи
ДГТУ – Донской государственный технический университет	–	СПбГАСУ – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет	Реставрация архитектурных объектов и архитектурной среды
ТГАСУ – Томский государственный архитектурно-строительный университет	–	РГУ имени А. Н. Косыгина – Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина	–
СПбГАСУ – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет	–	СПбГИКиТ – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения	Реставрация кинофото документов
ВГТУ – Воронежский государственный технический университет	–	СПГХПА имени А. Л. Штиглица – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица	–
РГСУ – Ростовский государственный строительный университет	–	СПбГАИЖСА – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина	–
ВГАСУ – Воронежский государственный архитектурно-строительный университет	–	ВоГУ – Вологодский государственный университет	–
КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет	Реставрация объектов культурного наследия	МГХПА – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова	Художественная реставрация мебели
НГАСУ – Новосибирский государственный архитектурно-	–	ГПА – Государственная полярная академия (г. Санкт-Петербург)	–

строительный университет (СИБСТРИН)			
СПбГАИЖСА – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина	–	ИИР – Институт искусства реставрации (г. Москва)	–
АГАСУ – Астраханский государственный архитектурно-строительный университет	–	Железнодорожный филиал МЭБИК (Курского института менеджмента, экономики и бизнеса)	–
ИИР – Институт искусства реставрации (г. Москва)	–	Филиал СФУ в Шарыпово (Сибирского федерального университета)	–
Железнодорожный филиал МЭБИК (Курского института менеджмента, экономики и бизнеса)	–	СПбГИК – Санкт-Петербургский государственный институт культуры	Реставрация живописи
Филиал СФУ в Шарыпово (Сибирского федерального университета)	–	–	–

После присоединения Крыма к России в 2015 г. в рамках федеральной целевой программы было выделено около 2,5 миллиарда рублей для проведения первоочередных противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ на 21 объекте культурного наследия федерального и регионального значения [13]. Такие большие денежные средства привлекли различные компании материковой части России, готовые выполнить любые задания. Однако опыт показал обратную сторону этого процесса, а именно [14; 15]:

- неправильно составленные сметы;
- проблемы субподрядных организаций, не имеющих лицензию на реставрацию и специалистов в сфере работы с памятниками истории и культуры;
- отсутствие профессионалов;
- коррупция и бюрократия.

Средства федерального бюджета, выделенные на реконструкцию объектов культурного наследия, к концу сентября 2018 г. оказались освоенными только на 17,3 процента. Такие данные приводит Министерство финансов Республики Крым [13].

Н. Н. Владыко и О. Л. Фирсова в своей статье еще в 1989 г. обозначили проблемы профессиональной подготовки реставраторов, которые актуальны и в наши дни:

- проблема обучения реставраторов и систематического повышения их квалификации на основе новых требований к методическим принципам охраны и реставрации памятников истории и художественной культуры;
- учебная подготовка в этой области пока крайне ограничена в масштабах и далека от единообразия в различных республиках;
- проблема подготовки высококвалифицированных преподавателей, обеспечения учебного процесса достаточным количеством технических средств и оборудования;
- проблему составляет и материально-техническое оснащение курсов повышения квалификации [16].

О научно-методических и организационно-экономических проблемах профессионального образования реставраторов подробно изложено в статье В. А. Щученко [17]. В 2019 г. проблемы подготовки архитекторов-реставраторов обсудили в рамках научно-практической конференции с международным участием «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Особое внимание в ходе конференции уделено кадровым проблемам в сфере сохранения объектов культурного наследия [18].

Для выбора такой нужной и редкой профессии требуется особый склад ума, характера, поэтому даже не каждый художник, архитектор сможет полноценно работать в ней. Ведь творческим людям свойственно желание создавать что-то новое, а для реставратора это недопустимо; он должен сохранять исходник.

Так, например, чтобы прочувствовать специальность и осознанно выбрать направление высшего образования, можно начинать с колледжей. Отличным примером служит Санкт-Петербургский реставрационный колледж «Кировский» (рис. 1) [19].

а) воссоздание лепнины – слева; б) работа с деревом – справа

Рис. 1. Практические занятия по реставрационному делу

Лучшей образовательной платформой по подготовке реставраторов различных направлений в России является г. Санкт-Петербург. При открытии направлений «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» и «Реставрация» на базе крымских вузов необходимо брать пример с лучших образовательных учреждений России и зарубежья, чтобы перенять опыт.

В Крыму зарегистрирована некоммерческая организация «Союз реставраторов Республики Крым и г. Севастополя» [20]. Члены союза, имеющие профильное образование и опыт реставрации памятников архитектуры Крыма, потенциально могли бы стать преподавателями новых для Республики Крым специальностей по профильным предметам.

Несмотря на жесткие установленные требования к допуску работы с объектами культурного наследия, к сожалению, очень часто встречаются крайне негативные случаи реставрации (рис. 2).

а) реставрация лица ангела на доходном доме Павла Лихачёва на Невском проспекте (г. Санкт-Петербург, 2015 г.) [21];

б) реставрация барельефа на «Доме печального ангела», ул. Восстания, 19, (г. Санкт-Петербург, 2015 г.) [21]; слева – как выглядел исходник, справа – отреставрированный элемент

Рис. 2. Антипримеры реставрации

Представленные на фотографиях примеры антиреставрации еще раз доказывают важность получения образования и практических навыков в сфере реставрационных работ. В первую очередь при получении профильного образования всех причастных к реставрации требуется воспитание ответственности за сохранение объектов культурного наследия. Это относится не только к архитекторам, реставраторам, скульпторам, живописцам, мастерам-реставраторам, строителям, но и к чиновникам, имеющим отношение к контролю над выполнением реставрации и реконструкции объектов культурного наследия. Человек, занимающийся реставрационной деятельностью, должен ставить интересы объекта культурного наследия выше собственной материальной выгоды. Это одно из главных условий, на наш взгляд, решения проблемы современной реставрации памятников архитектуры.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.10.2015 г. № 2073-р.
2. Постановление Совета министров Республики Крым от 20.12.2016 г. № 627.
3. Постановление Совета министров Республики Крым от 24.01.2017 г. № 17.
4. Постановление Совета министров Республики Крым от 20.06.2017 г. № 329.
5. Постановление Совета министров Республики Крым от 24.10.2017 г. № 555.
6. Постановление Совета министров Республики Крым от 06.02.2018 г. № 51.
7. Постановление Совета министров Республики Крым от 06.02.2018 г. № 52.
8. Постановление Совета министров Республики Крым от 11.07.2018 г. № 331.
9. Постановление Совета министров Республики Крым от 12.12.2018 г. № 632.
10. Приказы ГК ОКН РК о включении в Перечень выявленных объектов культурного наследия за период 2017–2018 гг.
11. Петров А. Требования для участия в тендерах на реставрацию объектов культурного наследия // Энтазис. Категория: готовые фирмы с лицензией от Минкульт, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://licenziya-minkult.ru/trebovaniya-dlya-uchastiya-v-tenderah-na-restavratsiyu-obektov-kulturnogo-naslediya>.
12. ВУЗТЕКА.ру Вузы России со специальностью реставрация – 54.03.04. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://vuzoteka.ru/%D0%B2%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%A0%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-54-03-04>.
13. РИА Новости Крым: За фасадом: успеет ли Крым потратить миллиарды на ремонт объектов культуры. Реализация ФЦП в Крыму и Севастополе (207), 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://crimea.ria.ru/history_crimea/20181004/1115329151.html.
14. Объектив. Дрян-team для Крыма и Севастополя – ООО "Меандр", 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://obyektiv.press/node/115725>.
15. Проблемы реставрации памятников архитектуры. Emt consult, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://gotovyefirmy.com/%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D1%8B/>.
16. Владыко Н. Н. Подготовка реставраторов // Художественное наследие: сборник научных трудов. – 1989. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://art-con.ru/node/1691>.
17. Щученко В. А. Профессиональное образование реставраторов: научно-методические и организационно-экономические проблемы // Вестник СПбГУКИ. – 2013. – № 2 (15). – С. 148–153.

18. Роспрофреставрация. В Санкт-Петербурге обсуждают проблемы подготовки архитекторов-реставраторов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://rusrestore.ru/novosti-1/article_post/v-sankt-peterburge-obsuzhdayut-problemy-podgotovki-arkhitektorov-restavradorov.

19. Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Реставрационный колледж «Кировский»: Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://spbrkk.ru/osnovnye-svedeniya>.

20. Крымский архитектурный портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://archiportal-crimea.ru/krim/sozdan-soiuz-restavradorov-respubliki-krim-i-g-sevastopolya.html>.

21. LIFE. Ужасы петербургских «реставраторов»: степные бабы и изуродованные ангелы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://life.ru/p/900087>.

*Скуридин О. А.,
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник "Херсонес Таврический"», Севастополь;
Севастопольская региональная организация
Всероссийского общества охраны
памятников истории и культуры,
председатель Совета специалистов, Севастополь*

*Skuridin O. A.,
Federal State Budgetary Institution of Culture State Historical
and Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonesos», Sevastopol*

**ОПЫТ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИХСЯ
В ОПЕРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС-ТАВРИЧЕСКОЙ»:
ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ**

**EXPERIENCE OF MONTHLY MONITORING OF THE STATE
OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS UNDER THE OPERATIONAL
MANAGEMENT OF THE STATE MUSEUM -PRESERVE «TAURIC
CHERSONESE»: PROBLEMS, TECHNIQUE, RESULTS**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, методика и результаты ежемесячного мониторинга состояния объектов культурного наследия, находящихся в оперативном управлении Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (2017–2020 гг.). Делаются выводы о возможных мерах профилактики нарушений требований к использованию территории объектов культурного наследия, переданных в оперативное управление музея-заповедника.

Ключевые слова: проблемы, методика, результаты, мониторинг, объект культурного наследия.

Abstract. The article considers problems, methodology and results as a synthesis of experience of monthly monitoring of the state of cultural heritage objects in the operational management of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» (2017–2020). Conclusions are drawn on possible measures to prevent violations of the requirements for the use of the territory of cultural heritage objects transferred to the operational department of the museum-reserve.

Key words: problems, methodology, results, monitoring, cultural heritage object.

В течении 2017–2020 гг. Государственным музеем-заповедником «Херсонес Таврической» (далее – музей-заповедник) проводится планомерный мониторинг состояния объектов культурного наследия, находящихся в оперативном управлении. Можно выделить основные проблемы, обобщить методику и подвести некоторые итоги.

Мониторинг проводится согласно требованиям, изложенным в письме от 23.06.2017 г. № 1104 Управления Министерства культуры Российской

Федерации по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам. В этом письме дается понятие мониторинга, который представляет собой деятельность, осуществляемую ответственными и уполномоченными специалистами музеев-заповедников по обследованию территории и зон охраны музеев-заповедников, достопримечательных мест, иных объектов культурного наследия, результатом которого становится подписываемый участниками обследования акт с фотографиями.

Приказом директора музея-заповедника от 23.06.2017 г. № 125 «Об утверждении ответственного лица за проведение ежемесячного мониторинга» утверждено ответственное лицо за проведение мониторинга – заместитель директора по научной работе.

В Концепции развития ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (2016–2026 гг.), одобренной решением коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 21.02.2017 г. № 3 (далее – Концепция развития), мониторингу посвящен специальный раздел 3.3.1, где указано, что мониторинг состояния объектов культурного наследия является одним из важнейших направлений по охране памятников истории и культуры, для проведения которого еще в середине XX в. был создан специальный Отдел охраны и исследования памятников (ныне – Отдел охраны и учета объектов культурного наследия) [1, с. 33–34].

В оперативном управлении музея-заповедника находится 107 объектов культурного наследия федерального значения, 6 объектов культурного наследия регионального значения, 4 выявленных объекта культурного наследия.

При этом в состав музея-заповедника входят 30 земельных участков общей площадью 418,3329 га, переданных в постоянное (бессрочное) пользование. Перечень земельных участков, включая их наименование, адрес, кадастровый номер и площадь, приведен в разделе 2.1 Концепции развития [1, с. 11–13]. Объекты культурного наследия, переданные в оперативное управление музею-заповеднику, находятся на территории этих земельных участков. Указанные земельные участки располагаются на значительной площади в пределах административной территории города Севастополя. Они находятся на территории двух районов города – Гагаринского и Балаклавского, а также городов Балаклавы и Инкермана.

Отметим также, что все земельные участки и объекты культурного наследия музея-заповедника размещены в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита», которые утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 08.06.2016 г. № 1279 «О включении выявленного объекта культурного наследия – достопримечательное место «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита» (город Севастополь) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской

Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения, а также об утверждении его территории» [3].

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 12.08.2016 г. № 1864 «Об утверждении требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения – достопримечательное место «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита», расположенного в городе Севастополе» на земельные участки и объекты культурного наследия музея-заповедника налагаются дополнительные требования по их использованию в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита» [4]. В частности, на некоторых объектах культурного наследия музея-заповедника соответствующими регламентами запрещены динамические нагрузки (например, вызываемые систематическим проездом крупногабаритного транспорта и строительной техники).

Объекты культурного наследия распределены на территории земельных участков крайне неравномерно. К примеру, на территории Херсонесского городища на площади около 42 га расположено 57 объектов культурного наследия федерального значения, а также 6 объектов культурного наследия регионального значения и 3 выявленных объекта культурного наследия, переданных в оперативное управление музея-заповедника. На территории земельного участка с кадастровым номером 91:02:006008:4, по адресу: г. Севастополь, в районе железнодорожной станции «Севастополь-Товарная», на площади около 146 га находится всего 8 объектов культурного наследия федерального значения.

На данный момент только земельный участок «Участок 1. Городище» [1, с. 11], а также два контура «Участок 1а. Некрополь» огорожены забором, имеют физическую охрану, круглосуточно просматриваются камерами наблюдения. Идут работы по сооружению ограды на одном из трех контуров «Участок 6. Комплекс усадеб 49 и 57», местоположение: г. Севастополь, Гагаринский район, западный берег бухты Казачья, в районе СТ «Пилот» и улицы Рубежная.

Таким образом, надежной охраной обеспечено 58 объектов культурного наследия федерального значения, 6 объектов культурного наследия регионального значения и 3 выявленных объекта культурного наследия, переданных в оперативное управление музею-заповеднику.

Остальные 49 объектов культурного наследия федерального значения и один выявленный объект имеют местоположение на земельных участках музея-заповедника, соседствующих с городской застройкой: промышленными, торговыми предприятиями, многоэтажными и частными домами, войсковыми частями.

Указанные обстоятельства повлияли на методику проведения мониторинга состояния объектов культурного наследия, находящихся в оперативном управлении музея-заповедника.

Основным отделом, проводящим мониторинг, является Отдел охраны и учета объектов культурного наследия. При этом за сотрудниками нескольких отделов музея-заповедника закреплены земельные участки, на которых расположены объекты культурного наследия.

С целью проведения мониторинга создается группа в составе сотрудника отдела охраны и учета объектов культурного наследия, сотрудника другого отдела, за которым закреплен тот или иной земельный участок (или земельные участки), а также сотрудника отдела безопасности (при необходимости). В некоторых случаях для проведения мониторинга привлекаются представители общественности, в частности Всероссийской общественной организации «Севастопольская региональная организация Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры».

График мониторинга составляется на текущий месяц. Выезд осуществляется на транспорте музея-заповедника, в исключительных случаях используется транспорт сотрудников или представителей общественных организаций. В случае шаговой доступности осуществляется обход объектов культурного наследия.

По причине отсутствия ограждения, физической охраны и камер наблюдения особое внимание уделяется объектам культурного наследия, расположенным за пределами Херсонесского городища.

Прибыв на место, участники мониторинга проверяют соответствие требованиям к деятельности на территории объектов культурного наследия, состояние предмета охраны и степень их благоустройства.

Основным методом является визуальный осмотр территории объекта культурного наследия, сопровождаемый фотофиксацией элементов, входящих в его предмет охраны. По результатам мониторинга составляется акт визуального осмотра. В акте визуального осмотра указывается: наименование, местоположение, состояние территории и предмета охраны объекта культурного наследия, делается вывод о полноте выполнения охранных обязательств, а также указывается характер благоустроенности (наличие /отсутствие бытового и строительного мусора, стихийной растительности и т. д.). К акту визуального осмотра прилагается фотофиксация и соответствующая графика (схемы, планы и т. д.). Акт подписывается участниками мониторинга и утверждается директором или профильным заместителем директора музея-заповедника.

За месяц проводится в среднем 15 мониторингов объектов культурного наследия. Таким образом, каждый объект культурного наследия, находящийся в оперативном управлении музея-заповедника, становится объектом мониторинга примерно дважды в год.

Кроме планового мониторинга, практикуется также внеплановый мониторинг. Такой вид мониторинга осуществляется по обращению небезразличных граждан, общественности на факты негативного влияния со стороны частных лиц и организаций, осуществляемые на земельные участки и объекты культурного наследия музея-заповедника. В этом случае повторяется ал-

горитм мониторинга, приведенный выше, с дополнением того, что сотрудник отдела безопасности при наличии нарушения вызывает полицию, в адрес которой предоставляются необходимые материалы.

Сведения о количестве произведенных выездов и результатах проведения ежемесячного мониторинга объектов культурного наследия, находящихся в оперативном управлении музея-заповедника, направляются официальным обращением в адрес Управления Министерства культуры Российской Федерации по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам.

Всего за три года (2017–2020 гг.) было проведено 518 мониторингов (по состоянию на 25.05.2020 г.), по результатам которых составлено такое же число актов визуального осмотра.

Выявленные основные нарушения по источнику возникновения можно свести к двум большим разделам: природный и антропогенный.

К природному влиянию следует отнести:

1. Естественный обвал грунта, в том числе у береговой черты.

В актах визуального осмотра зафиксировано, что в опасной зоне, вдоль береговой линии, находится 14 объектов культурного наследия, переданных в оперативное управление музея-заповедника (территория Херсонесского городища). Реализация мероприятий по подготовке проектной документации и строительству берегоукрепительных сооружений Херсонесского городища запланирована на 2021–2023 гг. во исполнение пункта 1 (б) Перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам встречи с представителями общественности Крыма и Севастополя, состоявшейся 18 марта 2020 года № Пр-794 [2].

2. Наличие стихийной растительности, в том числе кустарников и деревьев (фиксируется на большинстве объектов культурного наследия).

Корневая система деревьев и кустарников, согласно пункту 2.2.5 Концепции развития, является ощутимым разрушительным фактором, вызывая повреждение античных и средневековых каменных кладок [1, с. 18]. По результатам мониторинга музеем-заповедником систематически проводится покос травы, корчевание кустарников, а также во исполнение природоохранного законодательства Российской Федерации, при наличии порубочного билета, производится вырубка (или пересадка) деревьев.

3. Жизнедеятельность диких и домашних животных, в частности рытье ими нор.

Этот фактор отличается стихийностью, предупредить и исключить его очень сложно. С целью исключения выпаса домашних животных на территории объектов культурного наследия сотрудниками музея-заповедника проводятся беседы с местными жителями.

Наиболее опасным является антропогенное воздействие, которое проявляется в таких формах:

1. Проведение несанкционированных земляных и строительных работ, что является прямым нарушением требований к использованию территории объектов культурного наследия. При обнаружении подобных фактов участ-

никами мониторинга вызывается полиция, которая проводит оперативные мероприятия. Участники мониторинга предоставляют сотрудникам полиции необходимые документы (копии правоустанавливающих документов на объект культурного наследия, копии приказов об утверждении границ территории, предмета охраны и т. д.).

За три года проведения мониторинга (2017–2020 гг.) сотрудниками музея-заповедника было пресечено несколько случаев подобных нарушений. Зафиксированы также единичные попытки установки временных конструкций (ларьков, сараев и т. д.). Виновные привлечены к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации. При этом несанкционированные раскопки и акты вандализма за три года проведения мониторинга на территории объектов культурного наследия, переданных в оперативное управление музею-заповеднику, выявлены не были.

2. Стихийные свалки бытового и строительного мусора (часть фиксируются на территории около четверти объектов культурного наследия).

Очаги строительного и бытового мусора являются результатом хозяйственной деятельности на территории, прилегающей к земельным участкам музея-заповедника, что согласно пункту 2.2.9 Концепции развития оказывает негативное влияние на объекты культурного наследия [1, с. 19]. Причиной таких нарушений является тот факт, что большинство земельных участков и объектов культурного наследия на них соседствует с частной застройкой, многоэтажными домами и предприятиями.

Сотрудниками музея-заповедника, участвующими в мониторинге, фиксируются очаги строительного и бытового мусора, оценивается причиненный ущерб, полученные материалы направляются в полицию, а также проводится разъяснительная работа среди местного населения. Музеем-заповедником регулярно организуется уборка мусора с территории земельных участков и объектов культурного наследия, периодически объявляются субботники с участием сотрудников музея-заповедника и общественности.

3. Динамическое воздействие грузового транспорта и строительной техники, перемещающихся по несанкционированным грунтовыми дорогам (фиксируется на территории нескольких объектов культурного наследия).

Этот негативный фактор имеет те же причины, что и предыдущий. Участниками мониторинга проводятся мероприятия по фотофиксации транспортных средств (с номерами) и дальнейшему направлению материалов в организации, проводящие хозяйственную деятельность, и полицию, проводится разъяснительная деятельность среди местного населения.

Как показала практика за три года проведения мониторинга, наиболее эффективными мерами профилактики нарушений требований к использованию территории объектов культурного наследия, переданных в оперативное управление музею-заповедника, являются:

- огораживание земельных участков, на которых расположены объекты культурного наследия;
- установка камер наблюдения;

- сотрудничество с местным населением по пресечению нарушений;
- популяризация сведений о местоположении и охране объектов культурного наследия.

Для реализации первых двух мер необходимы значительные финансовые средства, при этом для второй меры (установка камер наблюдения) существуют также технические ограничения. Несмотря на указанные препятствия, музеем-заповедником планируется реализация этих мер в ближайшие несколько лет.

Последние два пункта мер успешно реализуются музеем-заповедником, профильными общественными организациями путем размещения информации на официальный сайт музея-заповедника, выступлений руководителей и сотрудников в электронных и традиционных СМИ, установки информационных обозначений и стендов.

Литература

1. Концепция развития ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (2016–2026 гг.), одобренная решением коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 21.02.2017 г. № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://docplayer.ru/26857097-Koncepciya-razvitiya-federalnoe-gosudarstvennoe-byudzhethoe-uchrezhdenie-kultury-fgbuk-gosudarstvennyy-istoriko-arheologicheskij-muzezapovednik.html> (обращение от 28.05.2020 г.).

2. Перечень поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам встречи с представителями общественности Крыма и Севастополя, состоявшейся 18 марта 2020 года, № Пр-794. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/63343> (обращение от 28.05.2020 г.).

3. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 08.06.2016 г. № 1279 «О включении выявленного объекта культурного наследия – достопримечательное место «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита» (город Севастополь) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения, а также об утверждении его территории». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/20035> (обращение от 25.05.2020 г.).

4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 12.08.2016 г. № 1864 «Об утверждении требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения – достопримечательное место «Древний город Херсонес Таврический и крепости Чембало и Каламита», расположенного в городе Севастополе». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/20902> (обращение от 28.05.2020 г.).

*Смирнова Т. Б.,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, Омск;
Smirnova T. B.,
F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

*Подопригора Ю. И.,
Казахстанско-Немецкий университет, Алматы;
Podoprighora Y. I.,
The Kazakh-German University, Almaty*

**ПАМЯТНИКИ, ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И СИМВОЛИЧЕСКИЕ
ТЕРРИТОРИИ В ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ
РОССИИ И КАЗАХСТАНА¹²**

**MONUMENTS, MEMORIAL PLACES AND SYMBOLIC AREAS
IN THE IDENTITY OF ETHNIC GERMANS
IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN**

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли памятников, памятных мест и символических территорий в идентичности немцев России и Казахстана, начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени. Определяется влияние исторических и политических процессов, в частности, депортации, на формирование мест памяти и символических территорий у немцев данных стран. Анализируется процесс установки различных категорий памятников, посвященных немцам России и Казахстана.

Ключевые слова: памятники, символические территории, этнические немцы России и Казахстана, депортация, историческая память.

Abstrakt. The article is devoted to the research of the role of monuments, memorial places and symbolic areas of ethnic Germans in Russia and Kazakhstan, since the early 1990s until present. The authors also consider the influence of the historical and political processes on the formation of memorial places and symbolic areas in Russia and Kazakhstan, which are connected with the deportation of ethnic Germans. The authors analyze the process of the installation of different monuments devoted ethnic Germans in Russia and Kazakhstan.

Key words: monuments, symbolic areas, ethnic Germans of Russia and Kazakhstan, deportation, historical memory.

Памятниковедение уделяет внимание в основном выдающимся объектам культурного наследия, к которым в первую очередь относятся монументы в честь грандиозных исторических событий или великих исторических деятелей. Но есть памятники, вызывающие бурные споры, вплоть до конфликтов и низвержений. В последние годы в их число стабильно вошли па-

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-00177 А – Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана).

мятники, посвященные истории депортированных народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Первыми среди депортированных народов были советские немцы.

28 августа 1941 г. немцев, проживающих в районе Поволжья, депортировали [1, с. 159]. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) определяли районы их расселения в Сибири и Казахстане, а также численность групп, которые должны были принять конкретные области [2, с. 173]. Из Поволжья было выселено около 450 тыс. немцев. Почти три четверти их было переселено в Сибирь, около 25% – в Казахстан. Но немцы Поволжья оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. В последующий период, с осени 1941 г. и вплоть до января 1942 г., были депортированы почти все немцы в Европейской части СССР. Основной территорией, на которой они размещались, стала Казахская ССР. Всего из Европейской части СССР в Сибирь и Казахстан было депортировано 805 тыс. немцев [3, с. 74]. Таким образом, Сибирь и Казахстан стали основной территорией проживания «наказанных народов».

С января по октябрь 1942 г. происходит массовый призыв немцев (мужчин от 17 до 50 лет) в трудовую армию; первоначально тех, кто подвергся переселению, а затем и всех остальных, постоянно проживавших в восточных районах страны. С октября 1942 по декабрь 1943 гг. проведена самая массовая мобилизация советских немцев, к которой привлекались не только мужчины, но и женщины. Затем, до ликвидации трудармии (в основном в 1946 г.), пополнение рабочих отрядов шло за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, репатриированных из освобожденных Красной Армией стран Европы, в том числе из Германии. В связи с тем, что военная промышленность и добывающие отрасли народного хозяйства были сосредоточены в восточных районах страны, подавляющая часть рабочих отрядов и колонн оказалась на Урале и в Сибири. Достаточно большое их количество числилось на севере европейской части СССР и в Казахстане [4, с. 8–9].

В годы войны и сразу после нее оформился режим спецпоселений, который закреплял немцев в местах, куда они были депортированы, и там, где находились трудовые лагеря. Несмотря на смягчение этого режима после смерти И. В. Сталина, возвращение из лагерей и частичную реабилитацию, запрет на возвращение в Поволжье был снят только в 1972 г. [5, с. 178–179].

Таким образом, в результате указанных трагических событий сформировались территории, на которых немцы стали жить компактно – в Сибири, Казахстане, на Урале. Поволжье в воспоминаниях депортированных немцев, в сознании их детей и внуков приобрело черты идеальной республики, где развивались культура и образование на немецком языке, работали музеи, театры, издательства; села были чистыми и ухоженными, а люди – веселыми и зажиточными. В 1990-х гг., когда началась борьба за восстановление Поволжской немецкой республики, ее стереотипное восприятие как процветающего края с высоким уровнем развития национальной культуры стало

незыблемым. Лишь немногие историки в это время пытались говорить о том, что АССР НП была на самом деле типичной советской республикой своего времени, где существовали коллективизация, репрессии, страшный голод в 1930-е гг.

В результате всех этих исторических и политических процессов в коллективном сознании немцев, живших и живущих сейчас на постсоветском пространстве, произошло оформление мест памяти, символических территорий российских/советских немцев. Поволжье стало символической территорией прекрасного прошлого, насильно отнятой, утраченной Родины, а Сибирь, Казахстан и Урал – символами депортации, насилия, смерти [6, с. 304–316].

Очевидно, что маркерами символической территории являются памятники. Установка памятника является важным символическим актом. В 90-е гг. XX в. в связи с реабилитацией советских немцев в России и Казахстане начинается установка памятников, посвященных их судьбам. Яркими примерами подобных монументов являются памятник Екатерине II в г. Марксе и памятник депортированным поволжским немцам в г. Энгельсе Саратовской области.

Наиболее резонансной была установка в г. Энгельсе 26 августа 2011 г. памятника российским немцам – жертвам репрессий в СССР. Монумент возведен на пожертвования жителей России и Германии к 70-летию депортации немцев с берегов Волги. Памятник представляет собой стену из черного мрамора, разделяющую жизнь немцев на две части – до депортации и после нее. На фоне этой стены два человека: один – уходящий в нее, другой – возвращающийся. На фронтальной части основания памятника приведен отрывок из книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Установка памятника проходила на фоне выступлений части местных жителей, протестующих против возвращения немцев в Поволжье даже в таком символическом виде.

С начала 1990-х гг. подобные памятники, посвященные депортированным и репрессированным немцам, трудармейцам и спецпоселенцам, установлены в Санкт-Петербурге, Калининграде, Воркуте, Нижнем Тагиле, Алматы и др. Например, в 1990 г. в Нижнем Тагиле, возле ограды Рогожинского кладбища, был установлен памятник «Бойцам стройотряда ГУЛАГа. 1942–1944 гг.» (на русском и немецком языках). Несмотря на то, что это был наиболее распространенный вид памятников немцам на постсоветском пространстве, в Казахстане, который принял свыше 400 000 депортированных советских немцев и где размещались их многочисленные трудовые колонны, подобных монументов немного. Один из них находится в г. Алматы, где во второй половине 1990-х гг. на территории Немецкого дома установили мемориальный камень с надписью «Памяти немцев, ставших жертвами войн, изгнаний и лишений» (на русском и немецком языках).

Вторая категория памятников посвящена немцам, которые внесли большой вклад в экономику, политику, науку и культуру Российской империи, СССР, Российской Федерации и Республики Казахстан. Чаще всего они связа-

ны с конкретным историческими личностям – Екатериной II (Санкт-Петербург, Краснодар, Севастополь, Симферополь, Маркс и др.), С. Ю. Витте (Омск, Москва), Ф. Ф. Беллинсгаузеном (Кронштадт, станция Беллинсгаузен в Антарктиде), Б. В. Раушенбахом (Москва), А. Г. Шнитке (Энгельс).

В Казахстане первый подобный памятник-бюст в честь Г. Э. Фогелера (1872–1942) был установлен в Караганде в 1999 г. перед офисом Карагандинского областного немецкого центра «Wiedergeburt». Надпись на памятнике гласит: «Heinrich Vogeler Künstler» («Генрих Фогелер Художник»), но в действительности художник, рисовальщик, создатель Jugendstil (югендстиля) в немецком модернизме. Это лишь одна из сторон Г. Э. Фогелера, яркой одаренной личности. Ярый антифашист и последователь идеи всеобщей справедливости, этот немецкий художник, переехавший в СССР по идеологическим соображениям в конце 1920-х гг., в сентябре 1941 г. был депортирован из Москвы в с. Корнеевское Ворошиловского района Карагандинской области, где в июне 1942 г. скончался от тяжелого заболевания. Его непростая судьба и творчество оставались многие годы в забвении и оказались вновь широко известны во многом благодаря многолетним усилиям исследователей [7]. Позже, в 2015 г., на предполагаемом месте захоронения Г. Фогелера в п. Белагаш (*быв.* Корнеевка) Карагандинской области, установлен надгробный памятник, на мраморной плите которого высечены следующие строки: «Der Träumer ging verloren, sein Träume bleiben» («Мечтатель ушел, а его мечты остались»). Примечательно, что открытие данного памятника состоялось 28 августа 2015 г., в день, когда немцы Казахстана и России отдают дань памяти жертвам депортации. В своем выступлении А. Ф. Дедерер, на тот момент возглавлявший республиканское объединение немцев Казахстана «Wiedergeburt», сказал об увековечивании памяти Г. Фогелера как «...нашего единокровного соплеменника, пережившего свою трагедию, свое разочарование сродни страданиям, перенесенным всем немецким народом» [8].

28 августа 2016 г., в день 75-летия насильственного переселения советских немцев, часть немецкого сообщества Караганды провело панихиду на территории мемориального комплекса в г. Спасске, где среди 28 памятников в том числе установлен мемориальный камень «Умершим вдали от родины военнопленным и интернированным немцам II Мировой войны». Несмотря на то, что современное немецкое население Караганды не является потомками военнопленных и интернированных немцев, памятные мероприятия прошли возле данного мемориала. «А какая разница? Мы один народ, и боль у нас одна...» [9]. При всей спорности и неоднозначности этого события можно сделать следующее предположение. Из-за отсутствия памятника немцам, жертвам депортации и трудармейцам в Карагандинской области, в регионе, куда было насильственно переселено свыше 35 000 немцев и где размещался один из крупнейших лагерей – Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг), Спасский мемориал стал в этническом сознании казахстанских немцев памятным местом, символической территорией. И в данном случае Спасское мемориальное кладбище рассматривается как символиче-

ская территория незаконных репрессий по отношению ко всему немецкому населению, а не только к отдельной категории военнопленных и интернированных немцев.

В 2018 г. был открыт еще один надгробный мемориальный памятник в Караганде, на территории кладбища Второго рудника [10], накануне официального в Казахстане Дня памяти жертв политических репрессий – 31 мая. Он посвящен депортированному немцу, уроженцу Поволжья, художнику, возглавлявшему Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), – В. А. Эйферту (1884–1960). Находясь в депортации в отдаленном сельском поселке Карагандинской области, Владимир Эйферт долгое время отрицал сам факт своего принудительного переселения и считал, что «... товарищи, решавшие вопрос об обыске у меня, и товарищи, решившие необходимость моего переселения, поторопились и забыли постановление Пленума ЦК ВКП(б) от января 1938 года о большевистской бдительности... Я прошу восстановить справедливость, восстановить мои гражданские права в полном объеме, чтобы я мог вернуться домой, в родную, любимую красавицу Москву, где я жил по вызову ЦК ВКП(б) с 1926 года. Я прошу восстановить мне право жить. Без полноты доверия партии и государства трудящихся я жить не могу...» [11]. Вернуться разрешили, но только в Караганду, где ему предстояло организовать первую шахтерскую студию живописи и стать одним из основателей школы изобразительного искусства и карагандинской организации Союза художников. Стоит обратить внимание, что деньги на памятное надгробие В. Эйферту собраны с помощью пожертвований равнодушных карагандинцев и соплеменников, проживающих в Германии.

Следует отметить, что в настоящее время памятные мемориальные надгробия (Г. К. Бельгеру – в Алматы, Я. Герингу – в Павлодарской области и др.) становятся все более распространенным видом сохранения исторической памяти народа о знаменитых немцах Казахстана, чем крупные памятные монументы. И это несмотря на то, что в истории Казахстана есть примеры немцев, сыгравших значительную роль в становлении региона и его промышленного развития. Например, Филипп Риддер, памятник которому в восточноказахстанском городе, носящем его имя, Риддере до сих пор вызывает много вопросов. В вопрос о памятнике этому горному офицеру, первым обнаружившему в местных горах месторождение свинца и цинка и основавшему поселение в 1786 г., поднимался в г. Лениногорске (с 1786 по 1941 гг. – г. Риддер, с 1941 по 2002 гг. – г. Лениногорск, с 2002 г. вновь г. Риддер) еще в начале 1970-х гг. В середине 1980-х гг. здесь был проведен конкурс на создание памятника [12]. В итоге в 2002 г. на освободившийся постамент в центре города, с которого был убран памятник В. И. Ленину, водружен большой камень с барельефами и памятными табличками по сторонам постамент. Одна из них содержит следующую надпись: «Прииск сей был открыт мною в самый Троицын день мая 31 дня». До сих пор часть горожан считает, что эта каменная глыба, являющаяся современным символом горо-

да, должна быть заменена на более монументальный бронзовый или каменный памятник его отцу-основателю.

Если вопрос с монументальным памятником Ф. Риддеру – дело будущего, то в истории немцев Казахстана есть яркий пример того, как депортированный немец, впоследствии ставший известным общественным деятелем, Героем Социалистического Труда (1986 г.), председателем совхоза Малиновка (в 2007 г. переименован в село Акмол Целиноградского района Акмолинской области), И. И. Шарф в конце 1980-х гг. инициировал создание крупного памятника жертвам политических репрессий. В 1936–1953 гг. на территории данного поселка размещалось Акмолинское спецотделение Карлага НКВД, или Акмолинский лагерь жён изменников Родины (А.Л.Ж.И.Р.). Осенью 1989 г. на открытие памятника, который сделан в виде расколотой звезды, опоясанной колючей проволокой (как символа разорванной человеческой души), были приглашены 20 женщин – бывших узниц «Алжира», которые заложили Аллею слез, или Аллею памяти жертв политических репрессий [13]. И. И. Шарф сам испытал всю трагедию насильственного переселения. В 11-летнем возрасте он вместе со своей семьей был депортирован в с. Кенес Восточно-Казахстанской области; отец репрессирован и расстрелян, мать отправлена в трудовую армию, а сам он – в школу-интернат. Таким образом, И. Шарф, депортированный немец, создал монумент на печально памятной территории и тем самым внес вклад в увековечение памяти всех жертв незаконных политических репрессий советского режима. Осенью 2018 г. в центре этого же поселка Акмол торжественно открыт памятник-бюст уже самому И. И. Шарфу (автор – скульптор Т. Бинашев) [14]. Инициатором установки выступил А. Лоренц, крупный казахстанский бизнесмен, в настоящее время проживающий в Германии.

Таким образом, вторая категория памятников, посвященных немцам, которые внесли большой вклад в экономику, политику, науку и культуру Российской империи, СССР, Российской Федерации и Республики Казахстан, сейчас достаточно распространена. Вероятно, к ней стоит отнести и многочисленные мемориальные доски в честь знаменитых немцев того или иного региона в России и Казахстане (например, Г. К. Бельгеру, Э. Ф. Айриху – в Алматы, А. Герман – в Таразе).

Более редкими являются памятники, посвященные немецкому народу в целом. Это, например, памятник «250 лет служения России», открытый осенью 2015 г. в г. Томске. Он представляет собой бронзовый монумент на стилизованном изображении тележного колеса. В центре колеса – земной шар с изображением Евразии, из которого «выходят» две ленты, образующие спираль – одна из России, другая – из Европы, что символизирует развитие и напоминает о генетическом коде российских немцев. Примечательно мнение экс-губернатора Томской области Виктора Кресса, который отметил, что «открытие такого памятника – особенное событие для россиян в целом, так как по стране такие монументы можно пересчитать по пальцам» [15].

Исторические и политические процессы влияют на формирование символических территорий и мест памяти в коллективном сознании этносов. Для этнических немцев России и Казахстана Поволжье является символической территорией утраченной Родины, Сибирь, Урал и Казахстан прежде всего – символом их депортации. Начавшийся в 1990-х гг. процесс установки памятников немцам России и Казахстана продолжается до настоящего времени, являясь важным символическим актом осмысления своего исторического прошлого, сохранения достойной памяти о нем.

Литература

1. История российских немцев в документах. – М., 1993. – Т. 1: (1763–1992 гг.). – 480 с.
2. Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 172–180.
3. Ремпель П. Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 69–97.
4. Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). – М., 1998. – 208 с.
5. История российских немцев в документах. – М., 1993. – Т. 1: (1763–1992 гг.). – 480 с.
6. Киссер Т. С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. – СПб., 2019. – 372 с.
7. Последний приют Генриха Фогелера: [Электронный ресурс] // DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung). 2014. 24 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://daz.asia/ru/poslednij-priyut-genriha-fogelera> (дата обращения: 20.05.2020).
8. «Der Träumer ging verloren, sein Träume bleiben». [Электронный ресурс] // DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung). 2015. 27 сентября. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://daz.asia/ru/der-trdumer-ging-verloren-seine-trdume-bleiben> (дата обращения: 18.05.2020).
9. Жизнь в изгнании. Немцы в Казахстане спустя 75 лет после депортации РИА Новости. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2016. 28 августа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://ria.ru/20160828/1475482096> (дата обращения: 23.05.2020).
10. Андриук Л., Ясинская О., Забара Ю. Из плена забвения. // DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung). 2018. 1 июня. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://daz.asia/ru/iz-plena-zabveniya> (дата обращения: 20.05.2020).
11. Попов Ю. Г. Владимир Эйферт: «Прошу восстановить мне право жить» // DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung). 2015. 17 сентября. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://daz.asia/ru/vladimir-efert-proshu-vosstanovit> (дата обращения: 20.05.2020).
12. Троценко Л. Камень преткновения. // Риддерский городской портал. 2014. 11 августа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://infor.kz/novosti/kamen-pretknovenija> (дата обращения: 20.05.2020).
13. Мусагалиева А. Иван Шарф: «Прожить достойную жизнь» // DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung). 2018. 31 августа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://daz.asia/ru/ivan-sharf-prozhit-dostojnyu-zhizn> (дата обращения: 17.05.2020).
14. Бран Г. Шарф Иван. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://wiedergeburt.kz/ivan-sharf-uchites-delat-kachestvo-zhizni-dlya-lyudej> (дата обращения: 20.05.2020).
15. Памятник российским немцам «250 лет служения России» открыт в Томске. // РИА Томск. 2015. 30 октября. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20151030/nemci-pamyatnik-otkritie-tomsk>.

*Струнина В. Н.,
Крымское республиканское отделение
Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны памятников
истории и культуры», Евпатория*

*Strunina V. N.,
All-Russia Public Society
for the Protection of Historical and Cultural Heritage,
the Crimea Republic branch, Yevpatoriya*

АДАМ ГЕНРИХ: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЕДКО ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЭТОМ МИРЕ

ADAM HENRYCH: A PERSON SO HARD TO MEET IN THIS WORLD

Аннотация. Статья приурочена к 150-летию городского архитектора Евпатории Адама Генриха; приведены ранее не публиковавшимся свидетельства современников о работе зодчего в России, а также с 1919 г. в Польше. Более 20-ти расположенных в Евпатории памятников архитекторы – объектов культурного наследия регионального значения, один – федерального, проектировал А. Л. Генрих. В Польше таковых обнаружено на сегодня три.

Ключевые слова: Адам Людвигович Генрих, Польша, Евпатория, городской архитектор, гражданский инженер, объекты культурного наследия

Abstract. The article marks 150 years since the birth of Yevpatoria's city architect. It includes testimonies of contemporaries never previously published in Russia, shedding light on the architect's work in Russia and then, from 1919 on, in Poland. Adam Henrych engineered more than 20 buildings in Yevpatoria which are currently preserved as monuments of regional significance; one of them is rated as a federal cultural heritage site. By now three more buildings, designed by Adam Henrych, were found in Poland.

Key words: Adam Ludwig Henrych, Poland, Yevpatoriya, city architect, civil engineer, cultural heritage sites

Евпаторийцам лишь недавно стали известны детали о многообразном творчестве первого городского архитектора А. Л. Генриха (1869–1944), работавшего в городе с 1894 по 1919 гг. Однако его судьба и биография после 1920-х гг. остаются малоизвестными.

Братоубийственное противостояние в ходе Гражданской войны, интервенция и неоднократный переход власти в Крыму из одних рук в другие круто изменили судьбу А. Л. Генриха. Известно, что в ноябре 1919 г. он возвращается на свою историческую родину в Польшу, где успешно работает.

Из документов Центрального Военного архива Военного исторического бюро имени генерала брони Казимежа Соснковского, переведенных на русский язык и публикуемых впервые [1], в частности, автобиографии, кото-

рую А. Л. Генрих написал 15.09.1933 г., известно, что он прибыл в Варшаву в день своего 50-летия: «При первой же возможности вырваться из большевистского хаоса я приехал в Варшаву 30.11.1919. Я поставил на первый план наиболее полезное использование своих знаний и многолетней практики для возрождения Родины». Евпаторийцы провожали своего первого городского архитектора с большим уважением. 05.07.1919 г. исполнилось 25 лет безупречной службы А. Л. Генриха в Евпатории, и члены городской управы ходатайствовали о его вознаграждении [3]. Ранее в российской историографии не было документальных свидетельств, полученных от современников, в которых освещался бы вклад архитектора в развитии Евпатории. С учетом этого приводим документ из польского архива полностью:

*«Министерство внутренних дел
Управа города Евпатории Таврической губернии
14 октября 1919 г., № 2334
Свидетельство.*

Данное свидетельство выдается из управы г. Евпатории гражданскому инженеру Адаму сыну Людвика Генриха в том, что 5 июля 1894 года он был принят на службу городским архитектором, которую исполнял без перерыва до 11 октября 1919 года. На протяжении этой службы он исполнял такие работы: организация плана города Евпатории с последующими изменениями и планировка прилегающих к городу территорий, которые были присоединены, регуляция пригорода, строительство шоссейных дорог и тротуаров из брусчатки на всех улицах, планирование и благоустройство городских парков и бульваров, строительство опорных стен на морском берегу, трёх городских пристаней. По его проектам были исполнены многие городские здания: гимназия мужская, гимназия женская, семь начальных школ, здание Управы, театр, Пушкинская аудитория, госпиталь для заразных больных, здания пожарной службы и городской тюрьмы, городские купальни на пляжах, приют имени Дувана, водохранилища при артезианских колодцах и многие другие городские здания. Также построил следующие здания: церковь греческая, церковь гимназическая, церковь католическая, две синагоги, три мусульманские мечети, санаторий «Приморский», санаторий для глухонемых, перестроил грязевую лечебницу и караимскую кенасу, по его проектам были построены многие жилые дома.

Так называемый «Новый город» площадью до 12 десятин, отличающийся современным оборудованием и красивейшими зданиями, был построен при непосредственном участии Генриха на территории давно недоступной и нежилой: большинство выдающихся домов этой части города были построены по его проектам. Строительство в Евпатории района с виллами на площади до 500 десятин шло на бывших ползучих песках, где сейчас лечатся десятки больных. На правильно распланированных улицах находится большое количество великолепных санаториев и вилл с садами и прекрасными цветниками — всё это благодаря работе Генриха. Вообще, вследствие

своей деятельности, он много значительного сделал для становления города как курорта. На протяжении 25 лет службы в Евпатории Генрих выказал особенное рвение и добросовестное исполнение обязанностей, а имея обширные знания в архитектуре, очень много, в избытке сделал для развития и украшения города.

В своей деятельности Генрих отличался особенной бескорыстностью, всегда защищал интересы города, не жалея собственных материальных средств, и трудился, исключая собственную выгоду. За свою деятельность Генрих получил высокую оценку и заслуженное уважение, симпатию и доверие жителей Евпатории и был избираем городским гласным на три четырёхлетия. На протяжении нескольких лет Генрих был председателем Евпаторийского товарищества заботы над глухонемыми, находящимся под патронатом царицы Марии Фёдоровны, членом правления Императорского человеколюбивого общества, почётным членом Евпаторийского русского товарищества благотворительности и иных благотворительных обществ. Со службы уволился по собственному желанию по причине выезда на свою родину — Польшу.

Голова Б. Сарач. Члены городской управы А. Тизон, Ю. Ходжаши, И. Пахалов, Е. Монаджиев. Печать. Секретарь Рождественский».

В городских газетах фамилия Генриха указана во многих, связанных с благотворительностью, списках. Он являлся действительным членом Евпаторийского комитета Российского общества Красного Креста и членом-сотрудником Евпаторийского уездного комитета помощи больным, раненым и нуждающимся воинам, членом правления Евпаторийского благотворительного общества ведомства Императорского человеколюбивого общества. Во время Первой мировой войны общество заготавливало и отправляло в действующую армию тёплые вещи, решало задачу строительства дешёвой столовой в память 300-летия Царствования Дома Романовых. Городская газета «Евпаторийские новости» писала: «29.12.1914 в помещении Благородного собрания под председательством полковника В. А. Макаревича состоялось общее собрание членов <...> общества. Присутствующий на заседании член правления А. Л. Генрих предложил безвозмездно свои труды, как по составлению проекта и сметы здания для дешёвой столовой, так и технический надзор при её постройке. Собрание с благодарностью приняло предложение А. Л. Генриха».

Из публикуемого впервые документа из Польши становится ясным, что А. Л. Генрих построил в городе католическую церковь, здание которой было разрушено ещё до Великой Отечественной войны; более ранние документальные сведения о храме были обрывочны и полной картины не давали. Также в этом документе содержится важная информация, характеризующая Адама Людвиговича как государственного чиновника. Городской архитектор Евпатории имел непререкаемый авторитет у жителей многонационального города:

*«Петроградское польское общество помощи жертвам войны
Отделение в Евпатории
23 октября 1919 года, № 270*

*Его превосходительству председателю
Польского благотворительного общества в Евпатории
Господину Адаму Генриху*

Свидетельство.

Управление Польского благотворительного общества в Евпатории, по просьбе местной диаспоры, на заседании своём 19 октября 1919 года по причине отъезда уважаемого Господина на Родину, выражают Тебе почёт и признательность за Твою усердную работу и самопожертвование для соотечественников. Твои заслуги перед нашей диаспорой огромны: как только нашу Родину охватила война, при участии очень малочисленной группы поляков Ты собирал средства для жертв войны, организуя лотереи, концерты, сборы и т. д., и благодаря Твоей популярности и особому расположению к Тебе жителей разных вероисповеданий и национальностей удалось собрать весьма существенные средства, которые были отправлены в Варшаву. В 1915 году, когда диаспора поляков в Евпатории заметно увеличилась, Ты организовал отдел Польского благотворительного общества помощи жертвам войны, будучи его единогласно избранным председателем, работал энергично, выполняя от безвыходности обязанности других членов правления до самого своего отъезда. Одновременно совместно с Его Высокопреосвященством священником Станиславом Грухальским принялся осуществлять давнее свое намерение строительства в Евпатории католической церкви. Будучи избранным председателем строительного комитета, Ты получил от властей города великолепную и обширную площадь под строительство, много работая как администратор и строитель, делая значительные пожертвования деньгами и строительными материалами, отказываясь от любой оплаты за свои труды, чем привлек к пожертвованиям и разных местных иноверцев. За неполных полтора года Ты построил Дом Божий, а при нём жильё для священника, ризницу с запасным помещением для воскресной школы и детского сада.

Затем ты организовал общество «Польский Дом», получив от губернских властей регистрацию составленного Тобой довольно свободного устава, на основании него мы ещё при царской власти могли укреплять патриотический дух посредством вечеров, концертов, чтений, слушанием польских произведений и песен. Для этого «Польского Дома» Ты жертвовал средства для аренды и обстановки помещения, а также отдал свою ценную библиотеку. Наконец, когда осенью 1918 года большинство соотечественников возвратились на Родину, Ты организовал Польское благотворительное общество, в нём были сосредоточены функции всех польских обществ — выбранный председателем стал заботливым духом для оставшихся соотечественников до самого отъезда. Для выполнения вышеописанных дел Ты отодвинул на второй план собственные интересы, оказывал помощь советом,

делом, щедрой милостыней и, будучи в хороших отношениях с властью, как с бывшей царской, так и с республиканской, и более того, Ты пользовался признанием даже большевистских властей, и благодаря Твоим стараниям ни один из проживающих в Евпатории поляков не ощутил на себе никакого ущемления. За всё, что Ты сделал для соотечественников, от имени польской диаспоры желаем Тебе старопольское «Бог заплачь» (да воздаст Тебе Бог) и желаем счастливого возвращения на Родину, прося об оставлении Твоей фотографии для размещения в построенном Тобой костёле.

*Вице-председатель Яциньски. Подписались члены правления: Аполли-
нарий Кремер, К. Бжежиньски, В. Косюра. Секретарь: Чехович».*

Согласно новым данным, 03.12.1919 г. А. Л. Генрих, проживающий в Варшаве на ул. Злотой, 39, кв. 39, обращался с заявлением о желании занять должность инженера-строителя в Управлении военного строительства Командования генерального округа. «Учётная карточка» и «Квалификационный список» из личного дела говорят о том, что с 10.12.1919 по 20.08.1920 гг. он в качестве гражданского инженера работал руководителем работ в отделе строительства и квартирования Командования генерального округа Варшава по контракту, утверждённому по интендантству округа, а далее, в соответствии с Приказом Главнокомандующего № 2289 от 14.10.1920 г., вступил в Войско Польское в августе 1920 г. в качестве вольнонаёмного гражданского служащего — инженера, а не военного, в гражданском чине VIII класса.

Командование генерального округа Варшава (регион I) на первое время назначило А. Л. Генриха руководителем работ в Комиссии перлюстрации, затем он стал начальником технического отдела в Департаменте V строительства и квартирования. С 05.11.1921 по 14.04.1922 гг. Адам Людвигович прошёл пятимесячный курс обучения в Великопольской школе подхорунжих в Быдгоще, а 27.03.1924 г. был произведён в кадровые офицеры в чине подполковника и назначен заместителем начальника административной службы Инженерно-саперного управления Командования окружного корпуса (I-го, там же, в Варшаве).

В чине инженера-подполковника Генрих перестроил войсковую часовню (Маримонт, Варшава). 01.07.1925 г. она внесена в Реестр недвижимых памятников Варшавы. О торжественном её открытии 16.11.1924 г. в присутствии высокопоставленных лиц писали газеты: «На фронтальной стене построили невысокую башню звонницы. Новый фасад храма объединил два стиля: классический и барокко, в результате чего объект приобрел монументальность».

А. Л. Генрих возвёл множество храмов. Приводим свидетельство из архива Польши высокопоставленного священника, иллюстрирующее взаимоотношения Адама Людвиговича с людьми во времена тяжёлых испытаний: «Настоящим подтверждаю, что инженер-полковник архитектор Адам Генрих знаком мне лично с начала Мировой войны как самоотверженный

деятель во благо беженцев в Евпатории в Крыму. <...> Я не в силах перечислить все заслуги господина инженера Адама Генриха. Скажу в общем, что если бы не труды этого предусмотрительного подвижника в Евпатории, то не было бы сделано даже сотой части того, что там было сделано. Он был душой нашей души, любимым, в наивысшей степени услужливым, дружелюбным; был нашим спасителем, опекуном и утешителем; был таким человеком, который редко встречается в этом мире. Сделать такое свидетельство меня заставляет моя совесть и как священника, и как поляка. Отец-доктор Станислав Грухальский, Прелат Его Святости и кафедральной базилики во Влоцлавеке, а также профессор Духовной Семинарии там же. Влоцлавек, 04.09.1933».

Говоря о новых фактах биографии, стоит привести слова В. И. Вернадского: «Возможность восстановления свободной и независимой большой Польши не рисовалась ни мне, ни одному из реальных мыслителей. Она только была предметом веры для очень немногих. Но оказались правы эти немногие» [2].

А. Л. Генрих нашёл применение своему таланту и на родине. Сведения о нём есть в справочнике «Знаете ли вы, кто это? Польские биографии XIX–XX вв.», опубликованном в Варшаве в 1938 г. Текст в переводе с польского сообщает: «Генрих Адам. Инженер-архитектор. Родился 30.11.1869 г. в г. Варта Серадзкого повята [Лодзинское воеводство]. Сын Людвика и Фелиции, урождённой Тыменецкой. Женился 15.10.1895 г. на Ванде Карской. Окончил гимназию в Калише, Высшее ремесленное училище в г. Лодзь (1888), Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге (1894) с дипломом 1-й степени и серебряной медалью. В 1894–1918 годах — городской архитектор Евпатории (Крым), где был среди прочего: председателем Общества помощи жертвам войны, организатором и председателем Польского Дома и Польского общества благотворительности, председателем комитета по строительству католического храма, руководителем группы эмигрантов по переезду в Польшу. В 1919 г. вступил в Войско Польское. С 1925 г. полковник в отставке. Выполнил около 2000 зданий и храмов разных конфессий в России. Получил 7 конкурсных наград. Адрес: Варшава, ул. Коперника, 12, кв. 16. Тел. 2–12–66» [6].

Выйдя в отставку, А. Л. Генрих продолжал плодотворно возделывать архитектурную ниву. Известна не сохранившаяся до нашего времени постройка зодчего — особняк в усадебном парке посёлка Чижев-Сутки (Подляское воеводство), 16.12.1985 г. внесённый в Каталог памятников (№ 217). Одноэтажный особняк с оригинальной штукатуркой, в плане прямоугольный, с крышей, покрытой листовым металлом и имеющей треугольные слуховые окна, с жилой мансардой и оригинальным крыльцом был построен в 1926 г. для семьи Марианны и Антония Ньемыских. По традиционным технологиям деревянного строительства дом был собран в конструкции сруба.

А. Л. Генрих был автором застройки в духе популярных с конца XIX в. городов-садов. Это дома-виллы, свободно поставленные на озеленённых

участках кварталов с криволинейными улицами в жилищных кооперативах «Военный корпус» в Варшаве, район Жолибож и «Общая крыша», п. Млочины, Варшавский район. Польским исследователем М. Наперальским опубликована видеолекция «Городской сад Млочины» с материалами об этом. В польском архиве новых актов найдено 13 проектов домов, на одном особняке (г. Варшава, ул. А. Дыгасиньского, 9) обнаружена доска, текст в переводе с польского гласит: «Дом Запалов проект архитектора А. Генриха построен жилищным кооперативом «Военный корпус» в 1930 году в усадебном стиле».

Фамилия зодчего упоминается в довоенных выпусках архитектурно-строительного журнала «Строительное обозрение». Деятельный характер А. Л. Генриха проявлялся и в общественном поведении, по отношению его к людям, их проблемам и чаяниям. Будучи на заслуженном отдыхе в силу возраста, он работал окружным инспектором по строительству в Городском правлении магистрата Варшавы. В разделе хроники журнала «Техническое обозрение» сообщается, что 07.12.1935 г. состоялось ежемесячное заседание общества гражданских инженеров. Основной докладчик А. Л. Генрих рассказал о правительственных постановлениях по надзору за ведением строительных работ.

Важные сведения относительно гражданской позиции и высоких человеческих качеств А. Л. Генриха и его супруги относятся ко времени Великой Отечественной войны. В период гитлеровской оккупации они спасали людей из Варшавского гетто. В книге «Спасение евреев во время войны польским католическим духовенством. Свидетельство выживших и спасателей», которую составил и отредактировал Марк Пол, приведена выдержка из воспоминаний Францишека Кавецкого: «Покинув Варшавское гетто в начале 1943 года, Мария Касман (1881–1971, урожденная Браунер) воспользовалась приютом польских семей в Варшаве, среди которых были <...> Адам и Ванда Генрих, которые также приютили и несколько других евреев. Скрываясь у Генрихов, она встретила еврейскую женщину по имени Клайнман, которую приютили их соседи Зигмунт Маевский и его жена». Запись о семье Генрихов входит в список «Спасение в Холокосте»: Wanda Henrych, hid Jews in her home (Bartoszewski, 1969, p. 173) – Ванда Генрих спрятала евреев в своем доме (Бартошевский, 1969, С. 173). Генрихи сильно рисковали. Со стороны фашистского режима помощь евреям, которых было легко узнать (как правило, они отличались внешне, многие из них не знали польского языка и говорили на своём диалекте), каралась смертью. В годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) тысячи поляков были убиты за это. При этом стоит учитывать, что к началу войны Адаму было 70 лет, а Ванде 64 года. Генрихи без поддержки детей (дочь Янина умерла в 1921 г., сын с 1939 г. жил в Бразилии) сами оказались лишенными средств к существованию, находясь в преклонном возрасте.

Поздней осенью 1944 г., после подавления Варшавского восстания, 75-летний Адам Генрих, спасаясь от неминуемой гибели в собственном до-

ме, в числе других варшавян, вероятно, в сопровождении 69-летней Ванды Николаевны, вышел из города, подлежащего уничтожению по решению оккупантов. Супругам удалось пройти четыре десятка километров в юго-западном направлении. Выбившийся из сил, голодный и замерзший А. Л. Генрих умер 3 ноября 1944 г. неподалёку от Варшавы, в городе Гродзиск Мазовецкий. Похоронен на территории приходской церкви святой Анны.

Новые данные о творческом пути А. Л. Генриха свидетельствуют о том, что он смог вписаться в профессиональный контекст Польши как опытный архитектор, инженер-практик. Адам Людвигович был сторонником архитектурных традиций и работал в русле актуальных концепций своего времени. Это хорошо видно на примерах его деятельности в Евпатории, где он также стал автором множества различных по типологии и стилистике зданий периода модерна, создателем генерального плана города, не потерявшего своей актуальности в XX в. Проживая в Польше, он смог в конце 1920-х — начале 1930-х гг. вписаться в общепринятую стилистику городов-садов, популярных с конца XIX в., сумел соответствовать пониманию различными заказчиками роли архитектора, призванного реализовать их идеи.

Литература

1. Автобиография, квалификационный список, учётные документы и свидетельства // Военное историческое бюро имени генерала брони Казимежа Соснковского. Фонд Центрального Военного архива. А. Л. Генрих. – Откл. 23.10.1933. – АП 1671, АП 51.
2. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: [В 2 т.]. – Киев, 1997.
3. Переписка земских управ с Таврической губернией об упразднении городских земств. 1919–1920 // ГАРК. – Ф. Р–2235. – Оп. 1. – Д. 131. – Л. 60.
4. Путеводитель по г. Евпатории. Малый Иерусалим. Сборник исторических очерков / Автор-составитель, ред. В. Н. Струнина. – Евпатория, 2018. – 384 с.
5. Струнина В. Н. Первый городской архитектор Евпатории А. Л. Генрих. [Электронный ресурс]. – Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 4(45). – С. 102–125. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/06_strunina/index.php (08.12.2019)
6. Czy wiesz kto to jest? Biografie Polska 19–20 w. / Red. Stanisław Łoza. – Warszawa, 1938.

Филимонов С. Б.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь
Filimonov S. B.,
Crimean Federal University V. I. Vernadsky, Simferopol

О СУДЬБАХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ И РЕЛИКВИЙ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОМ КРЫМУ

ON DESTINIES OF ORTHODOX CHURCHES AND RELICIONS IN POST-REVOLUTIONARY CRIMEA

Аннотация: в статье, основанной на архивных и малоизвестных печатных источниках (в частности, на крымских газетах времен Гражданской и Великой Отечественной войн, давно ставших библиографической редкостью), автор сообщает о результатах своих поисков пребывавших в досоветском Крыму православных святынь и реликвий – мощей святых, чудотворных икон, а также предметов церковного обихода, пожертвованных в храмы и монастыри Тавриды выдающимися деятелями Российской империи. В заключение приведена намеченная автором программа дальнейших поисковых работ.

Ключевые слова: Крым постреволюционный, Русская Православная Церковь, храмы, монастыри, мощи святых, чудотворные иконы, православные реликвии.

Abstract: in an article based on archival and little-known printed sources (in particular, on Crimean newspapers of the Civil and Great Patriotic Wars, which have long become a bibliographic rarity), the author reports on the results of his searches of Orthodox shrines and relics that were in pre-Soviet Crimea – relics of holy, miraculous icons as well as church articles donated to the temples and monasteries of Tauris by prominent figures of the Russian Empire. In conclusion, the program of further exploratory work outlined by the author is given.

Key words: post-revolutionary Crimea, Russian Orthodox Church, churches, monasteries, relics of saints, miraculous icons, Orthodox relics.

100 лет назад, в ноябре 1920 года, в многонациональном и многоконфессиональном Крыму победой «красных» завершилась братоубийственная Гражданская война. С тех пор и Крымом, и страной в целом долгие годы правили большевики. Как они сами себя характеризовали, атеисты. То есть безбожники. В результате так называемый советский период истории конфессий в СССР есть история мучений, страданий, подвигов и утрат... Храмы и монастыри подвергались разграблению, поруганию, закрытию, а нередко и полному уничтожению, их недоразграбленное в годы революции и Гражданской войны имущество – конфискации, священнослужители – глумлению, гонениям, ссылкам, заключению в лагеря и тюрьмы, казням...

В истории конфессий в Крыму немало малоизученных вопросов. К их числу следует отнести и такой: а каковы постреволюционные судьбы многочисленных конфессиональных святынь и реликвий? Я имею в виду не материальные ценности, не изделия из драгоценных металлов и камней, изы-

мавшиеся большевиками у различных конфессий в 1922 – 1923 годах якобы на борьбу с голодом. Этот-то вопрос в последнее время энергично разрабатывается; вырисовывается картина, для власти постыдная... Мой вопрос применительно к истории Русской Православной Церкви в Крыму означает: что случилось с мощами святых, чудотворными иконами, предметами, пожертвованными в храмы и монастыри Тавриды выдающимися деятелями Российской империи?

Попытки найти ответ на этот вопрос в литературе результатов не дали. Пришлось приступить к изучению печатных и архивных источников. И вот какие истории о судьбах православных святынь и реликвий они поведали.

История первая. Курская Коренная Чудотворная икона Божией Матери «Знамение» в Крыму. На картине знаменитого русского художника Ильи Ефимовича Репина «Крестный ход в Курской губернии» изображен крестный ход с Курской Коренной Чудотворной иконой Божией Матери «Знамение». Осенью 1920 года, незадолго до прихода в Крым большевиков, эта великая православная святыня пребывала в наших краях. Вот, что сообщала об этом севастопольская газета «Крымский вестник».

«Крымский вестник», 11(24) августа 1920 года:

«День покаяния. Высшее Церковное Управление на юго-востоке России имело суждение о мерах к поднятию в тылу религиозно-нравственного чувства. С этой целью решено: назначить на 14 сентября день показания, подготовив христиан к этому дню трехдневным постом – 12, 13 и 14 сентября. По этому поводу решено обратиться с воззванием к народу и красноармейцам, текст воззвания будет выработан профессором священником С.Н.Булгаковым. Духовенству предложено подготовить паству ко дню покаяния. Кроме того, поручено председателю Высшего Церковного Управления преосвященному Димитрию, архиепископу Таврическому и Симферопольскому, обратиться с ходатайством к Главнокомандующему и начальнику управления внешних сношений о доставлении к этому времени из Сербии вывезенный туда образ Чудотворной иконы Божьей Матери».

«Крымский вестник», 16(29) сентября 1920 года:

«Иерархи в Крыму. В Крыму, в Симферополе и Севастополе, в настоящее время проживают следующие иерархи Русской Православной Церкви: митрополит Платон, архиепископы: Димитрий-Таврический, Феофан-Полтавский, Агапит-б[ывший]Екатеринославский, епископы: Вениамин-Севастопольский, Никодим-Чигиринский, Андрей-Мариупольский, Дамиан-Царицынский, Феофан-Курский».

«Прибытие Знаменской иконы Божьей Матери. В понедельник (т.е. 14(27) сентября. – С.Ф.) на пароходе «Цесаревич Георгий» был доставлен из Сербии образ Знаменской (Курской) Божьей Матери, высокочтимый чудотворный образ, вывезенный при эвакуации Курска местным еписко-

пом Феофаном сначала в Таганрог, а затем в Сербию. Для встречи образа прибыли к паровой пристани крестные ходы из всех городских церквей, крестные ходы шли в сопровождении войск с оркестрами музыки. К пристани прибыл Главнокомандующий генерал П.Н.Врангель, члены правительства и масса народа. Прибыла икона в сопровождении епископа Феофана Курского. С пристани икона была перенесена во Владимирский собор, а затем ее носили в лазарет № 10 Белого Креста. Вечером епископы Вениамин и Феофан совершили торжественную всенощную. Вчера утром после ранней литургии чудотворная икона была перенесена в Никольский собор, а сегодня она будет в Михайловской церкви. Постоянное пребывание Чудотворной иконы Знаменской Божьей Матери будет во Владимирском соборе».

«Крымский вестник», 21 октября (3 ноября) 1920 года:

«Чудотворная икона Курской Божьей Матери вчера (т.е. 2 ноября. — С.Ф.) перевезена из Севастополя в Ялту».

14 ноября 1920 года, накануне вступления в Ялту частей Красной Армии, икона вновь была эвакуирована за пределы России. Ныне она пребывает в США, в нью-йоркском соборе Знамения Божией Матери.

История вторая. Святыни Херсонесского монастыря. 15 ноября 1920 года части Красной Армии вошли в Севастополь. Немедленно на территории Херсонесского Свято-Владимирского монастыря — одного из самых почитаемых, основанного в 1850 году на месте, где в 988 году крестился креститель Руси Святой Равноапостольный Князь Владимир — был организован концлагерь. Об этом малоизвестном факте свидетельствует выявленный мною в архиве крымских спецслужб документ — «Протокол № 12 заседания Чрезвычайной Тройки Крымской ударной группы Управления Особотделов Южюгзапфронтов при председателе В.Чернобризовом и членов: тов. Кростынь и тов. Чистяков. 1 января 1921 года». В графе «Слушали» перечислены фамилии, имена, отчества, должности или род занятий 66 человек. 30 из них — врангелевские офицеры, одна, Туркевич Т.Е., — сестра милосердия Дроздовской дивизии, еще 5 женщин — жены офицеров, остальные 30 — монахи Херсонесского монастыря во главе с 73-летним архимандритом Зосимой (Иосифом Бондаревым).

В графе «Постановили» указан приговор. Против фамилий офицеров — «Расстрелять», против фамилии сестры милосердия — «В концлагерь на 10 лет», против фамилий жен офицеров и монахов — общая резолюция: «Монахи и жены офицеров передаются в распоряжение [руководства] концлагеря на их усмотрение».

Концовка протокола: «Постановление о расстрелянных привести в исполнение в течение 24 часов, а осужденных в концлагерь немедленно направить таковых в Херсонесский концлагерь. Монахов и всех жильцов, укрывающихся в монастыре, передать в распоряжение заведующего отделом Управления тов. Салтыкову».

Напомню, что процитированный документ датирован 1 января 1921 года. Как видим, свой первый Новый год в Крыму большевистская власть ознаменовала весьма символично – расстрелами и заключением в концлагерь...

С того времени монастырь как таковой уж более не существовал. Не восстановлен он и до сих пор...

А какова судьба хранившихся в монастыре святынь? Вот о чем свидетельствуют документы, приведенные в интереснейшей книге протоиерея Николая Доненко (ныне – владыка Нестор) «Наследники Царства» (Симферополь, 2000. – Кн. I).

1 февраля 1926 года Севастопольский райгорисполком сообщал в Административный отдел Центрального Административного Управления Крыма, что «по описи собора бывшего Херсонесского монастыря числится мощей: 1) Палец Владимира (напомню читателям, что эта частица мощей Святого Равноапостольного Князя Владимира, хранившихся в Малой церкви Зимнего дворца, была передана Херсонесскому монастырю по указанию императора Александра II в июле 1859 года. – С.Ф.), 2) Доска с разными частями (в количестве 94 частиц) и 3) Маленький металлический крест, в котором хранится частица неизвестного святого».

10 декабря 1926 года под председательством председателя КрымЦИК Вели Ибраимова состоялось заседание Центральной Церковной (культовой) Комиссии при Президиуме КрымЦИК, на котором было заслушано «ходатайство верующих о передаче им вскрытых мощей из бывшего Херсонесского монастыря – ныне музей для посещения – в одну из церквей г. Севастополя». Постановили: «Ходатайство верующих отклонить».

Что случилось с мощами в дальнейшем, выяснить не удалось [4, с.391–392].

История третья. Реликвии кафедрального Александро-Невского собора. Крупнейшим храмом Тавриды был симферопольский кафедральный Александро-Невский собор, освященный в 1829 году, в 1929 году закрытый, в 1930 – снесенный, а недавно восстановленный.

В соборе хранилось Евангелие, пожертвованное в 1794 году императрицей Екатериной II. Вот какой документ, проливающий свет на судьбу этой православной реликвии, мне удалось отыскать. В отчете Таврической ученой архивной комиссии за 1922 год читаем: «По просьбе приходского совета Симферопольского кафедрального собора Комиссия ходатайствовала перед Крымфинотделом о возвращении в кафедральный собор или передаче ему на хранение реквизированного в числе церковных ценностей Евангелия, пожертвованного в 1794 г. императрицей Екатериной Великой, ввиду его художественного и исторического интереса. К сожалению, ходатайство Комиссии было безуспешно, металлические (серебряные. – С.Ф.) части Евангелия были сорваны, а само Евангелие решено передать в Центральный музей Тавриды, куда оно, однако, не поступило». Нет этого Евангелия в Центральном музее Тавриды и сегодня... [4, с. 392–393].

В кафедральном Александро-Невском соборе были погребены архиепископ Гурий (Карпов, 1814–1882), еще при жизни отмеченный высокими наградами за заслуги перед Отечеством и Церковью и епископ Таврический Михаил (Грибановский, 1856–1898), крупный богослов и философ, воспетый А. П. Чеховым в рассказе «Архиерей» [2; 4, с. 10–36]. О поспешном перезахоронении их останков после закрытия собора свидетельствует выявленная мною в архиве директива, датированная 7 марта 1930 года: «Секретно. Начальнику Симферопольского Адмотдела. Около здания бывшего Александро-Невского собора, а также в самом здании находятся могилы служителей культов. Так как эти могилы не находятся на установленных для погребения местах, Адморготдел НКВД Кр. АССР предлагает немедленно принять меры к перевозу умерших на кладбище (не допуская перевоза их в другие культовые здания). Об исполнении сообщить. Нач. Адморготдела НКВД Кр. Сагиров. Нач. Адмотделения Бекиров. Зав. столом религиозных культов Файнберг» [4, с. 393–394].

До недавнего времени останки этих выдающихся церковных деятелей покоились в одной братской могиле близ Всехсвятской церкви на Первом гражданском кладбище Симферополя. Но в 2008 году мощи архиепископа Гурия, причисленного к лику святых, были перенесены в кафедральный Александро-Невский собор и возвратились, таким образом, к первоначальному месту упокоения. Хочется верить, что такая же судьба уготована и епископу Михаилу и его останкам; этому должна поспособствовать, думается, промыслительно изданная в 2011 году книга «Епископ Михаил (Грибановский): сочинения, письма, жизнеописание» [1].

Как свидетельствуют документы, вопрос о сносе Александро-Невского собора был решен на заседании Объединенного Президиума КрымЦИК и СНК 10 мая 1930 года. На этом заседании был заслушан доклад наркома НКВД Крымской АССР Монатова «Об использовании ликвидируемого в Симферополе Александро-Невского собора». Постановили: «1. Разрешить Симферопольскому Горсовету снос ликвидированного Александро-Невского собора и передачу земельного участка НКПросу для сооружения музея-панорамы «Взятие Крыма» (точнее, Перекопа. – С.Ф.); 2. НКВД Кр. и Симферопольскому Горсовету установить срок окончания работы; 3. Поручить редакции газеты «Красный Крым» до начала приступления к сносу осветить соответствующим образом через газету настоящее решение».

Вот, какую информацию о процессе сноса собора удалось отыскать в статье некоего Р. Кудьминского «Список святотатств», опубликованной 23 августа 1942 года, т.е. в период немецко-румынской оккупации Крыма, в издававшейся коллаборантами газете «Голос Крыма»:

«Следует особо остановиться на судьбе лучшей церкви города [Симферополя] – соборе св. Александра Невского.

Была поднята соответствующая “кампания”, пущен для подписи лист, на котором граждане должны были дать свою подпись, что они требуют закрытия собора. Сбор подписей обставлялся обычной для большевиков “доб-

ровольностью”: отказывающихся “убеждали”, т.е. запугивали, прозрачно намекая, что собор все равно будет закрыт.

По окраинам шныряли подозрительные личности, собиравшие подписи под якобы заявками на галоши; действительно, в верхней части листа стояли сточки заявления о снабжении галошами; доверчивые люди подписывались, а ловкачи отрезали верхнюю часть подписного листа и подклеивали подписи под заявления о закрытии собора. Собор был закрыт. Хулиганы превратили его в уличную уборную. Надо был уничтожить самое здание собора, одно из красивейших сооружений города.

Этому предшествовало снятие колоколов. Руководил этим начальник пожарной охраны Крыма. Через несколько часов после падения последнего колокола этот святотатец умер от кровоизлияния в мозг. В городе эта смерть произвела огромное впечатление. А 13 сентября 1930 года, в канун двенадцатого праздника Воздвижения, здание собора было взорвано» [3, с. 51–53].

Конечно же, эта информация, содержащаяся в профашистской газете, требует к себе критического отношения, перепроверке ее по другим источникам. Но и вовсе игнорировать подобного рода информацию, как это практиковалось в советские времена, не следует.

В Александро-Невском соборе, помимо уже известного нам Евангелия, хранились и другие предметы, пожертвованные Екатериной II (крест, потир, два копия, кадило), а также Высочайшая грамота императора Александра II, в которой он выражал благодарность жителям Таврической губернии «за жертвы святому делу Отечества» во время Крымской войны. Где сегодня эти реликвии?

Поиски ответа привели меня в Государственный архив Республики Крым, где хранятся дела о «ликвидации» (закрытии) в 1920-е годы храмов. По этим делам удалось установить, что имущество ликвидируемых церквей распределялось, как правило, следующим образом: 1) имущество, имеющее историко-художественную и научную ценность, передавалось в «ведение Крымохриса» (Крымского комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы); 2) имущество культового характера, не имеющее историко-художественной ценности, передавалось «в центральное хранилище НКВД»; 3) все прочее имущество, имеющее «хозяйственную ценность», передавалось в распоряжение Отделов Управления исполкомов «на предмет распределения» по их «усмотрению» [4, с. 394].

Нетрудно предположить, сколь ценную информацию по интересующему нас вопросу содержал архив Крымохриса. Но порыться в его документах мне не довелось: выяснилось, что архив Крымохриса погиб в годы Великой Отечественной войны...

Тем не менее, поиск утраченных святынь и реликвий необходимо продолжить. Сегодня мы находимся лишь в начале пути. А путь этот представляется мне следующим. Прежде всего, следует выявить те печатные и архивные источники, которые содержат информацию о крымских святынях. Такими источниками могут служить церковные и светские газеты и журналы

(в первую очередь – издававшиеся Таврической консисторией «Таврические епархиальные ведомости» и «Таврический церковно-общественный вестник»), опубликованные и неопубликованные дневники, воспоминания, записки путешественников, письма, путеводители по святым местам, описания церквей и монастырей, описи их имущества, книги учета поступлений и отчеты музеев, делопроизводственная документация советских и партийных органов и т.д. Затем, опираясь на эти источники, надо будет составить полный перечень святынь и реликвий, пребывавших в дореволюционном Крыму, и вычленив из него то, что в свое время удалось спасти. И, наконец, приступить к целенаправленному поиску утраченного. Верю, что многие святыни и реликвии удастся отыскать.

Литература

1. Епископ Михаил (Грибановский): сочинения, письма, жизнеописание / Сост. Н. Н. Лисовой, свящ. Павел Хондзинский. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Издательство Московской патриархии Русской Православной Церкви, 2011 (Русская богословская библиотека). – 920 с.
2. Святитель Гурий (Карпов), архиепископ Таврический: сборник статей, документов и архивных материалов. – Симферополь: Н. Оріанда, 2015. – 400 с.
3. Филимонов С. Б. Запретно-забытые страницы истории Крыма: поиски и находки историка-источниковеда. – Симферополь: Н. Оріанда, 2012. – 152 с., илл.
4. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Оріанда, 2010. – 408 с., илл.

*Храпунов Н. И.,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

*Khrapunov N. I.,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

**КРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА РИСУНКАХ АНГЛИЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.¹³**

**CRIMEAN MONUMENTS AND SITES ON THE DRAWINGS BY
THE LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURY
ENGLISH TRAVELLERS**

Аннотация. В докладе рассмотрены рисунки английских путешественников и художников, побывавших в Крыму в первые десятилетия после его присоединения к России – Уильяма Хадфилда, Уильяма Хейсти, Эдварда-Даньела Кларка, Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хейя. Они представляют интерес для изучения и сохранения культурного наследия полуострова, поскольку они сохранили облик памятников разных эпох и культур, разрушившихся от старости, действия осадков, ветра, перепадов температур, а также деятельности человека. Некоторые изображения позволяют реконструировать планы российского правительства по реставрации различных архитектурных памятников Крыма. Наконец, рисунки внесли свой вклад в создании специфического образа полуострова в российском и западном общественном сознании.

Ключевые слова: записки путешественников, рисунки путешественников, Крым, историческая имагология, архитектурно-археологические памятники.

Abstract. This paper addresses drawings by English travellers and painters who visited the Crimea during the first decades after it was absorbed by Russia – William Hadfield, William Hastie, Edward Daniel Clarke, Reginald Heber, and Robert William Hay. These drawings are of interest for researches and preservation for the cultural heritage of the peninsula for they are keeping the image of monuments and sites of various periods and cultures destroyed by age, precipitation, wind, temperature fluctuation, and human activities. Some of these pictures allow the one to reconstruct the plans of the Russian government for the restoration of different architectural monuments in the Crimea. Finally, these images contributed to the shaping of the specific image of the Crimea both in Russian and Western minds.

Key words: travelogues, travellers' drawings, Crimea, historical imagology, architectural and archaeological monuments.

После первого присоединения к России в 1783 г. Крым превратился в важный этап большого образовательного путешествия (*grand tour*), которое предпринимали западноевропейцы, и прежде всего англичане, для получения практических знаний. Среди многих обстоятельств, сделавших Крым столь привлекательным для европейских туристов, были находившиеся

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX вв.».

здесь бесчисленные архитектурные и археологические памятники самых разных эпох, от классической античности до раннего Нового времени. Это были оборонительные сооружения и культовые здания, принадлежавшие разным конфессиям, резиденции правителей и жилые постройки, склады и учебные заведения, водопроводы и сельскохозяйственные сооружения. Многие из них до наших дней не сохранились, другие сильно пострадали от времени, природных факторов и деятельности людей. Поэтому для изучения и подготовки проектов научной реставрации таких памятников первостепенную роль играют графические материалы, зафиксировавшие их состояние в конце XVIII – начале XIX вв. В докладе речь пойдет о рисунках, выполненных английскими путешественниками и художниками, значительная часть которых пока не введена в научный оборот. Она продолжает исследование в рамках проекта РФФИ, начатое анализом рисунков из коллекции Ричарда Уэрсли [11].

Важные материалы связаны с именем английского художника Уильяма Хадфилда (1761 – до 1818 г.), очевидно, прибывшего в Крым в 1787 г. в свите Екатерины II. Судя по всему, ему было поручено вести своего рода «живописный дневник» южного путешествия императрицы. Во всяком случае, лейб-медик императрицы Мельхиор-Адам Вайкард (1742–1803) упомянул, не назвав по имени, *«английского художника-пейзажиста, который должен был отправиться в путешествие, чтобы зарисовать прекрасные места, которые должны были стать свидетелями истории»* [20, S. 144].

Сохранилось 11 акварелей Хадфилда с видами Крыма, среди которых несколько представляющих интерес для данного доклада, например, вид с юга на комплекс Ханского дворца в Бахчисарае после прибытия туда императрицы. На другом рисунке мусульманские общественные бани – возможно, это сооружение, построенное в Бахчисарае ханом Мухаммед-Гиреем [5, с. 98–99]. Изображенное на третьей картине мусульманское кладбище предположительно находилось на окраине Бахчисарая. Еще на одной акварели представлены, возможно, мечеть и медресе хана Сахиб-Гирея в селении Улаклы, ныне Глубокий Яр Бахчисарайского района [6, с. 18–20]. Для изучения топографии Каффы (Феодосии) представляет интерес панорама города с восточной стороны. Исследования показали высокий источниковый потенциал рисунков Хадфилда для реконструкции укреплений генуэзской крепости Чембало в Балаклаве [1], а также татарского селения у подножия Инкерманских скал и дороги, специально построенной к приезду российской императрицы [2].

Еще один рисунок Хадфилда изображает окрестности Георгиевского монастыря – мыс Айя в Юго-Западном Крыму. И хотя здесь изображены постройки в античном стиле, они, вероятно, относятся к области фантазий, а не реальности. Одним из спутников Екатерины II был принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814), выходец из австрийских Нидерландов (совр. Бельгия). Императрица подарила ему имение на Южном берегу, который он описал как истинный рай на земле. *«Пресытившись почти всем известным, почему*

бы мне не поселиться здесь? Я обращаю этих татар-мусульман, научив их пить вино и придав своему жилищу вид дворца, который будет издалика замечен мореплавателям; я выстрою восемь домов для виноградарей с колоннами и балюстрадой...» [16, р. 70]. Кажется, именно этот фантастический дворец и дома для виноградарей в виде башен изобразил на рисунке Хадфилд. Одному из своих корреспондентов де Линь сообщил, что соорудил на живописном утесе, где некогда исполняла обряды Ифигения, храм, посвященный российской императрице, а также жертвенник в честь дружбы князя Потёмкина [17, р. 449]. Хадфилд изобразил на морском берегу колоннаду – очевидно, вариант этого храма. Такого рода рисунки создавали виртуальные памятники и способствовали мифологизации крымских ландшафтов [см. напр.: 11].

Ценнейший альбом, состоящий из 34 чертежей крымских памятников архитектуры, создал в 1798 г. Уильям Хейсти (1755–1832), поступивший на русскую службу архитектор-шотландец. Очевидно, российское правительство планировало какие-то мероприятия по сохранению ряда архитектурных объектов, которые, однако, не были реализованы [9]. Анализ чертежей Хейсти показывает, что среди них есть как фиксирующие реальное состояние памятников, так и проекты их восстановления. К первой группе относятся планы Ханского дворца в Бахчисарае, чертежи фасадов отдельных жилых, культовых, погребальных построек этого комплекса, нескольких надгробий на ханском кладбище. Сюда же следует включить планы и один фасад феодосийских церквей (в том числе армянских), а также зарисовку одной генуэзской надписи. Далеко не все эти планы можно отождествить с сохранившимися до наших дней храмами. Заслуживает внимания панорама Феодосии с востока, позволяющая реконструировать планировочную структуру города. Проблематична ситуация с чертежами главной феодосийской мечети (Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами, она же Султан-Селим-Джами), которые показывают не то два строительных периода этого памятника, не то варианты его реконструкции.

Вторая группа включает, вероятно, чертежи так называемой мечети хана Узбека в Старом Крыму и соборной мечети Татар-Хана в Кёзлеве (Евпатории), которые представляют собой, очевидно, планы по реконструкции этих сооружений. Сложнее сделать какие-то определенные выводы относительно чертежей малой мечети и фонтана в Кёзлеве. Если на плане мусульманского храма довольно распространенного типа изображена мечеть Шукурла-Эфенди, входившая в комплекс местной суфийской обители (*текке* или *текие*), то Хейсти и здесь изобразил не актуальное состояние памятника, а план его реставрации. Аналогично нельзя быть уверенным в том, что британец представил текущее состояние фонтана, некогда входившего в систему водоснабжения города, а не реставрационный проект.

Британец Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) окончил Кембриджский университет и стал наемным гувернером, отправившись в длительное путешествие по Европе и Ближнему Востоку в обществе своего воспитанника. В

1800 г. он побывал в Крыму. Через десять лет Кларк опубликовал описание полуострова, ставшее частью многотомного рассказа о его странствиях и неоднократно переиздававшееся. Материалы дорожных дневников автор дополнил сведениями, собранными в результате кабинетной работы. Книгу украсили гравюры на меди и дереве – некоторые из них выполнены по рисункам самого Кларка. Это нумерованные таблицы, в разных копиях вклеенные между разными страницами, а также виньетки, помещенные в начале глав. Подписи к гравюрам и виньеткам приведены на отдельных листах между предисловием и содержанием книги.

Более всего англичанина интересовала история, особенно античная. На одной из таблиц, выполненной английским художником Дж.-Э. Карром, представлены несколько приобретенных автором монет чеканки Боспорского царства [14, р. 424–425]. В тексте книги даны их определения, более или менее точные [14, р. 423–424]. Где они находятся сегодня, неизвестно. Зато приобретенные в Крыму и на Тамани, в Греции и Турции древние и средневековые надписи и скульптуры путешественник подарил родному Кембриджу. В благодарность за это университет присвоил Кларку степень доктора права [13].

На другом рисунке Кларка изображена крышка беломраморного античного саркофага [14, р. 417], встроенная в фонтан крепости Ени-Кале в качестве водосборной емкости. По словам путешественника, очевидно, опиравшегося на сведения местных информаторов, ее привезли из Тамани. Возмущение англичанина вызвало то, что местные жители стирали в ней белье, но попытки выкупить памятник потерпели неудачу [14, р. 399, 421; 18, р. 293]. Кларка очень заинтересовал так называемый Золотой курган (Алтын-Оба), в котором, по словам его местных информаторов, похоронили знаменитого понтийского царя Митридата VI Евпатора [14, р. 428–429, 432–433]. Путешественник высмеял эту историю, очевидно, потому, что знал: по свидетельству древних, Митридат погиб в Пантикапее (нынешней Керчи), но его тело перевезли в фамильную усыпальницу в Синопе на южном берегу Черного моря. Путешественник воспроизвел и другие связанные с памятником легенды. По словам крымских татар, в кургане было заключено сокровище, которое охраняла девушка, причитавшая по ночам. Русские же якобы говорили о том, что прославленный Александр Васильевич Суворов, чтивший воинскую доблесть царя Митридата VI, преклонил здесь колени и рыдался [14, р. 428–430]. На рисунках Кларка показана регулярная каменная кладка в западной части кургана. Еще один рисунок изображает комплекс искусственных пещер мыса Ветров (Тешкли-Бурун) на Мангупе [14, р. 558–559].

Заслуживает внимания «весьма несовершенная», по словам автора, карта юго-западной оконечности Крыма – Маячного полуострова, где показаны остатки античных построек, в частности, оборонительных стен на перешейке, древних дорог, построек на островке в Казачьей бухте, других сооружений и плантажных стен [14, р. 553]. В тексте травелога помещено

краткое описание местности [14, р. 567–569]. Гораздо хуже получилось у Кларка разобраться с местоположением древнего Херсонеса. Его современники локализовали древний город в разных местах на Крымском полуострове и за его пределами [8, с. 238–242; 12, с. 413, прим. 2]. В книгу Кларка вклеены нумерованные карты Ахтиарской (Севастопольской) бухты и Крымского полуострова («Древности Крыма»), где «Новый Херсонес» и «Карантинная бухта» показаны восточнее их реального положения. Обращение к тексту травелога может разве что еще более запутать читателя [14, р. 505–507]. Это показательно, ведь консультантом и спутником Кларка был прославленный ученый Петер-Симон Паллас (1741–1811), в то время постоянно живший в Крыму, которому удалось точно локализовать Херсонесское городище [4, с. 40–41, 47].

Кларк был в хороших отношениях с Реджинальдом Хебером (1783–1826), известным религиозным поэтом, впоследствии ставшим англиканским епископом Калькутты в Индии. Хебер побывал в Крыму в 1806 г. в ходе длительной поездки, предпринятой им после окончания университета для получения практических знаний о мире. В дороге он вел дневник и делал зарисовки увиденного. Кларк получил разрешение использовать дневниковые записи Хебера в примечаниях к своему труду, а в качестве иллюстраций взял несколько его рисунков. Один из них – вид Балаклавской бухты с севера. В центре изображения помещена средневековая крепость Чембало, некоторые крепостные стены и башни которой впоследствии разрушилась [14, р. 512–513]. Второй рисунок показывает вид Ханского дворца в Бахчисарае с северо-запада [14, р. 482–483]. Сравнение оригинальных графических набросков с гравюрами из книги Кларка показывает разницу в мелких деталях, возникшую «благодаря» усилиям гравера Джозефа Скелтена, то ли не разобравшегося в рисунках Хебера, то ли пожелавшего «улучшить» их. На третьей иллюстрации показаны, по словам Кларка, развалины греческой (то есть православной) церкви и монастыря близ Дерекоя на Южном берегу [14, р. 540–541]. Сам Хебер писал, что изобразил находившийся на холме над Ялтой Дерекойский фонтан, расположенный между одноименным селением и мысом Никита [19, р. 257]. Развалины на рисунке не очень выразительны. Судя по тексту Кларка, он решил, что Хебер зарисовал руины монастырской церкви с еще сохранявшимися тогда росписями [14, р. 540]. Возможно, это остатки так называемого монастыря св. Иоанна [см.: 7, с. 187, рис. 53.6; с. 194–195].

Знакомым Хебера был Роберт-Уильям Хей (1786–1861), решивший совершить образовательную поездку по Востоку Европы через год после него. В письме к своему товарищу Хебер предложил краткие сведения об особенностях путешествия по региону, рассказав о возможном маршруте и ожидающих путешественника трудностях [19, р. 308–316]. Впоследствии Хей занимал высокие посты в службе снабжения британского флота и в Министерстве по делам колоний. Впрочем, его деловые качества значительно уступали эпистолярным талантам. Выйдя в отставку, он поселился на Мальте. Сделанные в поездке на Восток наброски он передал священнику Даньелу

Финчу (1757–1840), который расцветил их акварелью, придав законченный вид. У Хей оказалась часть рисунков Хебера и его рукописный дневник. Соединив их со своими материалами, он создал альбом, названный «Живописное путешествие по Крыму». В альбом включены 24 рисунка Хей и 12 Хебера, однако не на всех из них имеются старинные постройки.

Рассказывая о том, что изображено в альбоме, Хей использовал цитаты из дневников обоих путешественников, а также из английского издания травелога Палласа. Если дневник Хебера отличается неэмоциональным и рационалистическим взглядом на вещи, то Хей гораздо больше склонен некритически воспринимать местные легенды. Поэтому его записки транслируют возникшие в российскую эпоху интерпретации древних памятников, о прошлом которых тогда почти ничего не знали. Так, рассказывая о поездке в Керчь, Хей писал о погребении Митридата VI Евпатора в кургане близ Пантикапея, видимо, испытывая по этому поводу меньше сомнений, чем Кларк. Далее он указал, что церковь Иоанна Предтечи в древности была языческим храмом. Рассказывая о Бахчисарае, он упомянул о легенде, связывавшей караимов Чуфут-Кале с Геродотовыми меланхленами («черными плащами»), впрочем, оговаривается, что совпадение может быть и случайным. Этот сюжет может быть навеян отрывком из книги Маттью Гатри [15, р. 84]. Рассказ о долгой борьбе генуэзцев за власть над Чуфут-Кале отражает традицию связывать «пещерные города» Крыма со средневековыми итальянцами, весьма распространенную в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX вв. [10, с. 418–421].

Один из рисунков Хей назван «Могила графини Потоцкой», фиксируя легенду о польской возлюбленной хана Крым-Гирея, связанную с мавзолеем Диляры-Бикеч в комплексе Ханского дворца в Бахчисарае [см.: 3, с. 13–31]. На рисунках Хей представлены развалины генуэзских укреплений и мечети в Каффе, в том числе храм Кишла-Джами, приморская часть Керчи с церковью Иоанна Предтечи, руины оборонительных сооружений Судака и Инкермана, различные элементы комплекса бахчисарайского дворца, а также мавзолеев Джанике-ханум на Чуфут-Кале, вокруг которого четко видны могилы древнего мусульманского кладбища. Хебер также рисовал остатки генуэзской фортификации в Каффе и Судаке, а кроме того изобразил мечети в Туаке (Рыбачьем) и Кореизе, крепость и жилые кварталы в Балаклаве, пещерные сооружения и оборонительные сооружения в Инкермане, а также Бахчисарайский ханский дворец.

Вряд ли можно сомневаться в том, что качественная публикация и подробный анализ данных рисунков даст исследователям культурного наследия Крыма и потенциальным авторам реставрационных проектов доступ к новой, любопытной и информативной группе источников.

Литература

1. Гинькут Н. В. Крепость Чембалло. Приморская линия обороны на рисунках конца XVIII – первой половины XIX вв. и археологический контекст // IV Уваровские Тавриче-

ские чтения «Древности Юга России»: материалы Международной научной конференции. – Севастополь, 2019. – С. 60–67.

2. Гинькут Н. В. Окрестности Севастополя (Инкерман и Балаклава) в конце XVIII в. глазами английского художника Уильяма Хадфилда // XI Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: материалы научной конференции. – Симферополь, 2019. – С. 87–94.

3. Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2015. – 303 с.

4. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А. Л. Бертъе-Делагард, С. Л. Белявская. – М., 1999. – 244 с.

5. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I. Бахчисарай. – Симферополь, 2016. – 168 с.

6. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. II. Бахчисарайский район. – Симферополь, 2016. – 184 с.

7. Фирсов Л. В. Исары: очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. – Новосибирск, 1990. – 472 с.

8. Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. – 2016. – Вып. 44. – С. 236–251.

9. Храпунов Н. И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. – Симферополь, 2017. – С. 188–195.

10. Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 412–433.

11. Храпунов Н. И. Ричард Уэрсли и Крым // БИ. – 2019. – Вып. XXXIX. – С. 378–403.

12. Храпунов Н. И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале российской эпохи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2: Миры Византии. – Симферополь, 2019. – С. 409–430.

13. Clarke E. D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. – Cambridge, 1809. – 81 p.

14. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First: Russia, Tartary, and Turkey. 3rd ed. – London, 1813. – 800 p.

15. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, Through the Taurida, Or Crimea. – London, 1802. – 446 p.

16. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. / ed. [A.-L.] de Staël Holstein. – Paris, 1809. – 336 p.

17. Ligne, Ch.-J. de. Correspondances russes / éd. A. Stroev, J. Vercruysse. – Paris, 2013. – 1021 p.

18. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. – New York, 1827. – 528 p.

19. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. I. – New-York, 1830. – 638 p.

20. [Weikard M. A.] Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. – Koblenz [=Frankfurt am Main], 1799. – 211 S.

*Шалак М. Е.,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

*Shalak M. E.,
Southern Federal University, Rostov-on-Don*

ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОСМАНСКИХ ХРОНИК

STUDY OF THE CRIMEAN TATAR CULTURAL HERITAGE BASED ON THE MATERIALS OF THE OTTOMAN CHRONICLES

Аннотация. Статья посвящена анализу крымской хроники середины XVI в. «Тарих-и Сахиб Гирей хан» выдающегося османского ученого Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде, известного под прозвищем Реммаль Ходжа. Нами будет осуществлен поиск сведений, относящихся к культуре Крымского ханства времени правления хана Сахиб Гирея (1532–1551). Реммаль Ходжа был личным астрологом этого правителя и провел в Крыму всё время пребывания Сахиб Гирея у власти. Поэтому он являлся непосредственным очевидцем описываемых событий. В этом, как представляется, и состоит ценность информации, содержащейся в хронике османского историка. В исследовании использовалась публикация «Тарих-и Сахиб Гирей хан», выполненная турецким ученым О. Гёкбилгином в 1973 г. Она содержит текст Реммал Ходжи на тюркском языке и его французский перевод XVIII в.

Ключевые слова: Крымское ханство, Реммаль Ходжа, «Тарих-и Сахиб Гирей хан».

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Crimean chronicle of the XVI century. "Tarikh-i Sahib Giray Khan" by the prominent Ottoman scholar Mohammad Nidai Kaysuni-zade, known by the nickname Remmal Khoja. We will search for information related to the culture of the Crimean khanate during the reign of Khan Sahib Giray (1532–1551). Remmal Khoja was the personal astrologer of this ruler and spent the entire time of Sahib Giray's stay in power in Crimea. Therefore, he was a direct witness to the events described. This, it seems, is the value of the information contained in the chronicle of the Ottoman historian. In the study, we used the publication "Tarikh-i Sahib Giray Khan", made by the Turkish scientist O. Gokbilgin in 1973. It contains the text of Remmal Khoja in the Turkic language and its French translation of the XVIII century.

Key words: Crimean khanate, Remmal Khoja, "Tarikh-i Sahib Giray Khan".

Историческая хроника «Тарих-и Сахиб Гирей хан» («История хана Сахиб Гирея») написана в середине XVI в. турецким врачом, ученым и придворным крымским историографом Бадр ад-Дином Мухаммедом б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди [4, с. 69]. Поступив на службу к Сахиб Гирею в качестве придворного геоманта-предсказателя, Нидаи-эфенди получил в Крыму прозвище Реммаль Ходжа, что означает «Господин предсказатель» или «гадатель по кучкам песка» [4, с. 70; 3, с. 203].

Труд Реммал Ходжи содержит ценные исторические сведения различного характера. Будучи непосредственным свидетелем многих описы-

ваемых событий, придворный ученый написал историю правления Сахиб Гирея, которая, по сути, является его панегириком [2, с. 244]. Хотелось бы отметить, что относительно недавно Р. Р. Абдужемилевым опубликован русский перевод этого ценнейшего источника по истории Крымского ханства первой половины XVI в. [1]. Надеемся, что он даст возможность познакомиться с этим интересным источником большому кругу специалистов по истории и культуре крымских татар.

Перевод А. А. Абдужемилева сделан на основе единственного издания источника, выполненного турецким ученым О. Гёкбильгином в Анкаре в 1973 г. [12]. Оно представляет собой сводный текст в современной турецкой транскрипции, за основу которого взяты два самых ранних списка рукописи XVII в., хранящихся в Париже и Санкт-Петербурге, с приложением к нему французского перевода, выполненного еще в 1740 г. [12, s. 11–14]. В нашей статье мы будем пользоваться французским переводом с привлечением русского перевода при возникновении разночтений.

Время написания хроники указывает сам Реммаль Ходжа. Он сообщает, что взялся за написание истории правления Сахиб Гирея уже после убийства хана, по просьбе его дочери – Нур-Султан Хани, которая хотела таким образом увековечить имя своего отца [12, s. 275]. Закончил работу над книгой Реммаль Ходжа в 960 г. х. (1552–1553 гг.) [12, s. 277].

Первым из отечественных ученых стал использовать рукопись «Тарих-и Сахиб Гирей хан» В. Д. Смирнов, работая над своей монографией по истории Крымского ханства [7, с. 414–422, 425]. В своем исследовании он главное внимание уделил поиску у Реммалю Ходже подтверждений о том, что вся внутренняя и внешняя политика Сахиб Гирея проводилась под контролем Османской империи [7, с. 415]. Турецкий исследователь Х. Инальджик, привлекая данные из хроники «Тарих-и Сахиб Гирей хан», сумел показать всю сложность внутривластической борьбы в Крымском ханстве между ханом и племенной аристократией [11].

Используя данные по черкесским походам Сахиб Гирея, содержащиеся в трактате Реммалю Ходжи, А. М. Некрасов сумел подробно осветить историю взаимоотношений Крымского ханства и адыгских народов в первой половине XVI в. [5]. С точки зрения развития военного дела в Крымском ханстве исследовал хронику Реммалю Ходжи канадский историк В. Остапчук [6]. Как он справедливо заметил, «Тарих» является сокровищницей информации не только по крымской политике, институтам, военному делу, но и быту населения ханства и даже его соседей (особенно народов северокавказского региона)» [6, с. 395].

В качестве источника использовал трактат Реммалю Ходжи В. В. Трепавлов в своей монографии по истории Ногайской Орды [8]. Подробный источниковедческий анализ «Тарих-и Сахиб Гирей хан» сделал И. В. Зайцев [4, с. 69–83]. Он определил вероятные источники, которыми мог пользоваться Реммаль Ходжа при написании своей хроники. К ним он относит так называемые хикайаты (рассказы или истории) о битвах и походах,

фетх-наме и зафер-наме, официальную переписку Сахиб Гирея с османским двором, а также документы ханской канцелярии [4, с. 76–78].

В статьях Р. Р. Абдужемилева хроника Реммаля Ходжи исследуется в качестве памятника художественной литературы. Автор анализирует ее сквозь призму восточного повествовательного искусства и традиций османской историографии [2].

С. Х. Хотко привлекал труд Реммаля Ходжи в качестве источника по изучению усиления военного давления Османской империи и Крымского ханства на народы Северо-Западного Кавказа [9, с. 277–300]. Стоит согласиться с выводом исследователя о том, что «История хана Сахиб Гирея» «совершенно уникальный по информативности источник, который не только позволяет оценить степень угрозы, исходящей от Османской империи и Крымского ханства в 30–50-е гг. XVI в., но и выявить целый ряд интересных историко-этнографических сведений о Черкесии этого времени» [9, с. 277–278].

В наших исследованиях мы анализировали сведения Реммаля Ходжи на предмет исторической географии Крымского ханства и сопредельных с ним территорий в период правления хана Сахиб Гирея [10].

Из приведенного краткого историографического обзора видно, сколь разноплановая информация содержится в историческом сочинении Реммаля Ходжи. В представленной статье мы попытаемся проанализировать сведения, относящиеся к культуре Крымского ханства во время правления Сахиб Гирея (1532–1551).

Свое повествование Реммаль Ходжа начинает с описания своего прибытия в Стамбул, где он впервые увидел молодого Сахиб Гирея в свите султана Сулеймана I [12, s. 153]. Будущий крымский хан привлек внимание автора своей красотой и своей одеждой. Реммаль Ходжа специально отметил, что Сахиб Гирей был облачен в красные татарские одеяния [12, s. 154]. Можно предположить, что татарская одежда, о которой пишет османский хронист, выделяла татарского принца из окружения турецкого султана. Что именно было надето Сахиб Гиреем, Реммаль Ходжа в своем сюжете не уточняет. В дальнейшем он неоднократно будет обращать внимание на одеяния хана и его окружения, что позволит нам примерно представить одежду крымской аристократии XVI в.

Так, в описании выступления Сахиб Гирея из Стамбула в Крым после провозглашения его ханом Реммаль Ходжа пишет о золотом цвете одеяний крымского правителя «с головы до ног» [12, s. 156]. В момент встречи с крымской знатью на реке Озю (Днепр) – границе своих первоначальных владений, Сахиб Гирей облачен в одежду из «шелкового кумача» [1, ч. 1 (2018, № 1), с. 183], подаренную султаном Сулейманом, а на голове его был парадный колпак, надетый поверх черной шапки [12, s. 157]. В переводе Р. Р. Абдужемилева уточняется, что шапка была «из черного меха», но ничего не говорится о колпаке [1, ч. 1 (2018, № 1), с. 183]. Скорее всего, здесь речь идет о высокой цилиндрической меховой шапке, похожей на папаху,

которая у турок называлась колпаком. Ещё раз о меховой шапке Реммаль Ходжа упоминает при описании аудиенции у Сахиб Гирея Баки-бея, предводителя крымских мангытов, который опустился перед ханом на колени, «сняв меховую шапку с головы» [1, ч. 1 (2018, № 1), с. 185].

Многokrатно в тексте «Тарих-и» упоминаются халаты, которыми одаривал своих приближенных Сахиб Гирей во время приемов или в благодарность за выполненное поручение.

Интересно описание Реммалем Ходжи того, как Сахиб Гирей стал крымским ханом. Хронист сообщает, что недовольное правлением Саадет Гирея население Крыма отправило турецкому султану письмо с просьбой прислать в качестве нового хана именно Сахиб Гирея. Когда об этом желании татарского народа визири доложили Сулейману Кануни, тот якобы ответил, что не имеет такого права – смещать крымских правителей, поскольку они являются наследственными владетелями, их имена читаются во время молитвы и они имеют право чеканить собственную монету. Единственный возможный вариант – это добровольный отказ от власти. Что в скорости и произошло. Саадет Гирей внезапно и добровольно, как сообщает Реммаль Ходжа, оставляет крымский престол и передает его младшему брату [12, s. 155]. Так, очень мирно, согласно нашей хронике, произошла смена власти в Крыму; при этом инициатором замены хана выступил не сам Сахиб Гирей, не османский падишах, а татарский народ. Как представляется, это сообщение может служить ценным подтверждением особого отношения к ханской власти среди крымских татар. Не оспаривая наследственного права Гиреев на крымский престол, в народном сознании существовало убеждение, что неугодного хана можно было сместить. И главным арбитром между народом и правителем в этом вопросе выступал османский султан. По крайней мере, такое впечатление возникает у нас при чтении хроники османского историка XVI в.

Ценные сведения сообщает нам Реммаль Ходжа в плане описания ханских приемов и пиров. В этой связи интересно сообщение о первой встрече Сахиб Гирея с татарской знатью, которая произошла на Днепре. Важно отметить, что, входя в ханскую свиту, османский ученый передавал события, непосредственным участником которых он был. При этом Реммаль Ходжа обращал пристальное внимание на детали придворного церемониала [2, с. 252–253]. Так, разбив в степи большой шатер, Сахиб Гирей ожидал прибытия подданных, восседая на троне из слоновой кости. У дверей дивана в две линии выстроились 600 стрельцов, составляя почетный караул. Всякий входящий в шатер хана должен был поклониться ему и сказать: «Будь благословен». Завершал ханскую аудиенцию роскошный пир, на котором все «ели и пили», а Сахиб Гирей одаривал прибывших беев ценными халатами, осыпал их милостями и лестными комплиментами. По прибытии в Крым хан расположился во дворце своего отца в Салачике, где его гостями стали все, кто приехал поприветствовать нового правителя [12, s. 157].

Еще один прием у Сахиб Гирейя описывает Реммаль Ходжа во время прибытия ногайского лидера Баки-бея. Вначале вошли беи, члены дивана, в строгом порядке и, пав на колени, заняли каждый свое место, согласно обычаю. У дверей дивана была выстроена стража [12, s. 158]. Когда все члены ханского дивана собрались, ички-беи доложили, что прибыл Баки-бей. Хан приказал ему войти. Тот вошел с «несколькими храбрецами», и все они поклонились. Сахиб Гирей приветствовал ногайского «богатыря», обняв и поцеловав «его глаза». Затем хан разрешил Баки-бею сесть напротив себя рядом с карачи-беями. Сахиб Гирей спросил о здоровье гостя, в ответ Баки-бей ещё раз поклонился. Тогда в диван была подана еда. Напитки пили из кубков, всевозможные кушанья разносились на столы. По окончании пира прочитаны молитвы, и люди разошлись. Хан удалился в свои покои и пригласил Баки-бея следовать за ним для разговора тет-а-тет [12, s. 159].

Относительно того, что ели и пили на ханских пирах, у Реммаля Ходжи не всегда есть точные указания. Тем не менее, во время пира по случаю отправки в поход на Русь в 1539 г. ханского сына Эмин Гирейя хронист сообщает, что принесли изысканный мед, «который приносит радость в сердце». О. Гёкбилгин считает, что здесь идет речь о медовухе [12, s. 187]. Из кувшинов мед процеживали в красивые кубки. Те, кто не пил, покинули собрание. Музыканты взяли в руки свои инструменты, и началось веселье. Кто-то играл, кто-то танцевал, все присутствующие исполнились радости и удовольствия. Во время пиршества Сахиб Гирей осыпал троих своих сыновей – двадцатилетнего Эмин Гирейя и семилетних Адиль Гирейя и Гази Гирейя, акче и золотом. Пир продолжался до вечера. Не было ни одного участника этого собрания, который не был бы пожалован ханом. «Опьяневшие от радости и наслаждений» присутствующие разошлись, а Сахиб Гирей продолжил поить своих сыновей [12, s. 187].

Наутро веселье продолжилось с новой силой. Виночерпии снова разливали в чаши медовуху, музыканты играли красивую музыку на чагане, танцовщицы пустились в пляс, и всё было настолько замечательно, что, как замечает Реммаль Ходжа, «даже во сне ни один падишах не видел подобного» [12, s. 187].

Сахиб Гирей снова всем раздавал подарки. Первым попросил разрешение уйти Эмин Гирей. Он отправился спать, а пиршество продлилось до утра. Когда хан отправился отдыхать, собрание закончилось. Завершает описание этого двухдневного разгула Реммаль Ходжа такими словами: «каждая из девушек вернулась домой» [12, s. 188].

Таким образом, нами была предпринята попытка показать, сколь разноплановую информацию содержит историческая хроника османского ученого Реммаля Ходжи «Тарих-и Сахиб Гирей хан». Здесь мы привели лишь некоторые её сюжеты, связанные с культурным наследием крымских татар. Безусловно, представленная статья не претендует на всеобъемлющий характер. Но предлагает продолжать исследование этого литературного источника в заданном культурологическом направлении.

Литература

1. Абдужемилев Р. Р. Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 1–4 // Крымское историческое обозрение. – 2018. – № 1–2; 2019. № 1–2.
2. Абдужемилев Р. Р. Художественно-повествовательная структура хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» Реммалъ Ходжи // Золотоордынское наследие: Материалы VI Золотоордынского Форума. – Казань, 2019. – С. 244–255.
3. Веселовский Н. И. [Рец. на:] Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – Ч. 261, январь.
4. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. – М., 2009. – 304 с.
5. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // Некрасов А. М. Избранные труды. – Нальчик. – С. 45–140.
6. Остапчук В. Хроника Реммалъ Ходжи «История Сахиб Гирей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001. – С. 391–421.
7. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – 772 с.
8. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – Казань, 2016. – 764 с.
9. Хотко С. Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп, 2017. – 544 с.
10. Шалак М. Е. Историко-географический анализ сочинения Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде «История хана Сахиб Гирея» // Крымское историческое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 146–169.
11. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. – 1979–1980. – Vol. 3–4. – P. 445–466.
12. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551) / Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. – Ankara, 1973. – 313 s.

*Шаманаев А. В.,
Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

*Shamanaev A. V.,
Ural Federal University, Ekaterinburg*

**ЭВАКУАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ:
ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹⁴**

**CHERSONESOS MUSEUM COLLECTIONS EVACUATION:
INTERAGENCY COOPERATION SPECIFICITY DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. Автор рассматривает аспекты взаимодействия различных учреждений в ходе эвакуации коллекций Херсонесского музея в сентябре – декабре 1941 г. Исследование основано на архивных материалах из фондов Государственного архива Свердловской области. Выявлены основные проблемы, возникавшие в процессе эвакуации, показаны пути их решения представителями разных учреждений и организаций. Отмечается значительная роль личностного фактора в административной работе советских органов власти, партийных структур, учреждений культуры и науки. Автор полагает, что эффективная система междуведомственного взаимодействия для обеспечения эвакуации культурных ценностей в СССР не была подготовлена до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музейное дело, охрана культурного наследия

Abstract. The author considers aspects various institutions interaction during the evacuation of the Chersonesos Museum collections in September – December 1941. The study is based on archival materials from the funds of the State Archives of the Sverdlovsk Region. The author identified the main problems of the evacuation process, methods of their solutions by different institutions and organizations. The personality factor are showed as significant in the administrative work of the Soviet authorities, party structures, cultural and scientific institutions. The author believes that an effective system of interagency cooperation to ensure the evacuation of cultural property in the USSR was not prepared before the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, museum affairs, cultural heritage protection

В настоящее время остро осознается проблема сохранения культурного наследия мировой цивилизации [1, р. 67–94]. К сожалению, актуальными остаются задачи обеспечения безопасности памятников истории и культуры в военных условиях. Локальные военные конфликты современности неизбежно оказывают разрушительное воздействие на культурные ценности (Сербия, Афганистан, Сирия и др.) [2; 3; 4; 5]. В годы Великой Отечествен-

¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106.

ной войны в СССР был накоплен беспрецедентный опыт спасения национального культурного достояния, требующий серьезного научного анализа.

Эффективным способом спасения собраний музеев, библиотек, архивов является эвакуация коллекций из зоны ведения боевых действий в тыл. В отечественной историографии проблема изучения истории сохранения культурных ценностей в военные годы, как особого направления исследований, была поставлена А. М. Разгоном [6]. Долгое время обобщающие публикации по этому направлению были представлены книгами преимущественно публицистического характера [7; 8]. Существенным научным вкладом в развитие темы стала монография Ю. З. Кантор, созданная с опорой на значительный массив архивных документов и материалов личного происхождения [9].

История эвакуации коллекций музеев Крыма, как правило, рассматривалась в широком контексте проблем сохранения музейных ценностей как в советском тылу, так и на оккупированной территории [7, с. 107–123; 10]. Деятельность сотрудников Херсонесского музея по спасению бесценных материалов раскопок долгое время была отражена только в научно-популярных очерках [11, с. 78–79; 12]. Развернутое представление об организации эвакуационных работ в Херсонесском музее дает статья Т. В. Диановой, основанная на использовании архивных источников [13].

Ценнейшим источником по истории вывоза музейных ценностей Херсонеса является «Отчет об эвакуации Государственного историко-археологического Херсонесского музея (сентябрь – декабрь 1941 года)», написанный С. Ф. Стржелецким в декабре 1942 г. в Свердловске (экземпляр Государственного архива Свердловской области, фонд Свердловского областного совета краеведения) [14]. Вероятно, создание этого документа было связано с деятельностью Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (декабрь 1941 – декабрь 1945 гг.) [15, с. 50–61; 16].

Анализ документа позволяет получить представление о механизмах взаимодействия С. Ф. Стржелецкого с различными ведомствами и учреждениями в процессе эвакуации коллекций Херсонесского музея.

Административно музей подчинялся Наркомпросу РСФСР, непосредственно – Наркомпросу Крымской АССР. Именно с последним согласовывались детали транспортировки ценностей Херсонеса и кандидатура сопровождающего их научного сотрудника [14, л. 2]. 18 сентября 1941 г. транспорт «Волга» покинул Севастополь, увозя в эвакуацию археологические находки, архив и библиотеку музея. Предполагалось, что груз будет доставлен в Новороссийск, откуда по железной дороге его отправят в Свердловск (совр. Екатеринбург) [14, л. 4–5].

Обстоятельства военного времени привели к тому, что транспорт изменил маршрут, коллекции оказались в Поти (Груз. СССР). При этом была потеряна связь с Наркомпросами РСФСР и Крымской АССР. С. Ф. Стржелецкий оказался без административной и финансовой

поддержки своего ведомства, которое до конца декабря 1941 г. не имело сведений о судьбе музейных ценностей [14, л. 7, 9, 10, 31]. Только в Свердловске С. Ф. Стржелецкий смог получить реальное содействие Областного отдела народного образования и Краеведческого музея, обеспечивших размещение эвакуированного имущества и их сопровождающего [14, л. 31].

Существенная помощь С. Ф. Стржелецкому была оказана Наркоматом просвещения Груз. ССР и республиканской Академией наук. Руководство Академии содействовало выделению вагона и 4,5 тыс. руб. для оплаты транспортных расходов. Проблема заключалась в том, что Херсонесский музей юридически не имел отношения к НКП Грузии, выделение денежных средств потребовало сложной и длительной процедуры согласований. Благодаря содействию грузинских коллег 10 октября 1941 г. С. Ф. Стржелецкий смог выехать из Тбилиси [14, л. 8–14].

В середине октября 1941 г. вагон с херсонесскими коллекциями оказался блокирован в районе Баку. В отличие от Грузии, С. Ф. Стржелецкому не удалось достичь взаимопонимания с сотрудниками Наркомпроса Аз. ССР и Азербайджанского филиала Академии наук (АзФАН). С одной стороны, они не смогли оказать помощь в решении транспортной проблемы, с другой – препятствовали стационарному размещению ценностей в Баку. Потребовались 1,5 месяца, содействие начальников спецчастей АзФАН и Каспийского флота для вывоза ценного груза морем и дальнейшего следования железнодорожным транспортом до Свердловска [14, л. 18–23].

Эвакуация херсонесских коллекций была осуществлена по сложному маршруту, состоявшему из двух морских перевозок – Севастополь – Потти, Баку – Красноводск, нескольких железнодорожных – Потти – Тбилиси, Тбилиси – Баку, Красноводск – Арысь – Чкалов (совр. Оренбург) – Челябинск – Свердловск. Взаимодействие с учреждениями Народного комиссариата путей сообщения СССР складывалось сложно. Уже в Потти С. Ф. Стржелецкий столкнулся с проблемой получения вагона для транспортировки груза. Без поддержки НКП Крымской АССР проблема оказалась неразрешимой. Вагон для имущества Херсонесского музея предоставил Севастопольский завод № 45 (оборудование которого также вывозила «Волга»). Поскольку вагон числился за предприятием, С. Ф. Стржелецкий был вынужден следовать до Тбилиси, где снова пришлось решать вопрос с транспортом [14, л. 6–7].

В столице Грузии С. Ф. Стржелецкому пришлось «добывать» новый вагон, средства для оплаты транспортных расходов и столкнуться с проблемой железнодорожных тарифов. Оказалось, что перевозка музейных ценностей оплачивается существенно дороже обычных вещей. По расчетам сотрудника Закавказской железной дороги, Херсонесский музей должен был заплатить более 30 тыс. руб. В Севастополе С. Ф. Стржелецкий получил ССР. Вагон удалось получить вполне официально благодаря содействию первого заместителя председателя СНК Грузии Г. Ф. Стуруа. Вопрос оплаты был урегулирован при поддержке начальника железной дороги (вероятно, не

обошлось без связей местных коллег Станислава Францевича) – по документам С. Ф. Стржелецкий вез учебники, бытовые вещи и т. д. Такой подход позволил снизить расходы более чем в 6 раз. Кроме того, руководство Закавказской дороги отказалось взимать большую часть штрафов за простой вагона [14, л. 6–14]. Очередной вагон в Красноводске С. Ф. Стржелецкий смог получить при содействии сотрудников местного НКВД [14, л. 25].

В особенно сложных ситуациях, сопровождавших эвакуацию ценностей Херсонеса, С. Ф. Стржелецкий обращался в партийные органы и к представителям исполнительной власти. Так, в Потти, не получив помощи в местном музее, С. Ф. Стржелецкий обратился в горком ВКП(б), правда, безрезультатно [14, л. 7]. Как отмечалось выше, в Грузии содействие Станиславу Францевичу оказал первый заместитель председателя СНК Грузии Г. Ф. Стуруа [14, л. 8–10]. В Баку Станислав Францевич активно взаимодействовал со специальным уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР по эвакуации для решения вопроса о дальнейшей транспортировке груза [14, л. 18–21]. В дороге С. Ф. Стржелецкому оказывали поддержку местные органы власти. Так, на станции Арысь, обратившись в местный горсовет, он смог получить 60 кг хлеба. Нужно отметить, что это не было проявлением особой заботы со стороны сотрудников учреждения – С. Ф. Стржелецкий предоставил фиктивный список лиц, якобы сопровождавших груз. Чкаловский областной исполнительный комитет выделил 75 руб. (сумма не значительная, если учесть цены черного рынка на продукты питания) [14, л. 29].

Таким образом, история эвакуации ценностей Херсонесского музея в сентябре – декабре 1941 г. показывает различные аспекты междоуведомственного взаимодействия в условиях военного времени. Нужно отметить, что эти отношения складывались на фоне отсутствия разработанных планов эвакуации учреждений культуры, а также быстро изменявшейся обстановки на фронте. В этих условиях сотрудникам музея удалось подготовить и осуществить вывоз коллекций в тыл. В то же время Наркомпрос Крымской АССР фактически потерял контроль над ситуацией. Взаимодействие с профильными наркоматами союзных республик, республиканскими музеями и академическими центрами не было подготовлено и выстраивалось произвольно. При этом большую роль играл личностный фактор. Некоторые сотрудники проявляли корпоративную солидарность и ответственность за судьбу объектов культурного наследия, другие – равнодушие и стремление избежать дополнительных проблем. Партийные и советские органы исполнительной власти могли оказать необходимую поддержку и ускорить решение организационных и финансовых вопросов. При этом негативное влияние на оперативность их действий оказывали бюрократические процедуры, сохранившие свое значение после начала Великой Отечественной войны. Существенной проблемой стало отсутствие налаженного взаимодействия учреждений НКП с НКПС. Условия предоставления транспорта, тарифная политика плохо соответствовали условиям военного времени и не позволяли оперативно решать трудности, возникавшие в ходе вывоза музейных ценностей в тыл.

Анализ истории эвакуации коллекций Херсонесского музея наглядно показывает проблемы сохранения культурных ценностей в условиях войны: отсутствие мобилизационного плана, неправильная оценка рисков военного времени, плохая организация междуведомственного взаимодействия, слабая подготовка материального обеспечения вывоза и др. Каждый из этих факторов мог привести к невосполнимой утрате ценнейших объектов культурного наследия. В то же время опыт спасения ценностей Херсонесского музея демонстрирует роль личности, значение человеческого фактора в деле сохранения исторической памяти и достижений российской и мировой цивилизации.

Литература

1. Harrison R. Heritage: critical approaches. – Abingdon, 2013. – 268 p.
2. Roberts B. O. War emergencies: coordination and preparedness do pay off — an international perspective // Museum management and curatorship. – 1997. – Vol. 16. – No. 2. – P. 160–163.
3. Manhart C. The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan // American journal of archeology. – 2001. – Vol. 105. – No. 3. – P. 387–388.
4. Wenzel M. Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war // Museum management and curatorship. – 2001. – Vol. 19. – No. 3. – P. 316–331.
5. АлАсаад Ш. Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // Поволжская археология. – 2018. – № 4(26). – С. 222–234.
6. Разгон А. М. Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона). – М., 1999. – С. 122–133.
7. Бакуменко М. Н. Сокровища в огне войны. – Минск, 1990. – 231 с.
8. Петровский Н. В. По следам утраченных шедевров. – М., 2007. – 304 с.
9. Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941—1945 гг. – М., 2017. – 334 с.
10. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 6–7. – С. 171–180.
11. Шевченко В. И. Сокровища исчезнувших городов. – Л., 1948. – 87 с.
12. Кончин Е. Не предам Херсонеса! // Вокруг света. – 1981. – № 10. – С. 32–35.
13. Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. – 2015. – № 4(19). – С. 47–58.
14. Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГАСО). – Ф. Р-678. Свердловский областной совет краеведения Народного комиссариата просвещения РСФСР. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 1–35.
15. Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / авт. текста и коммент. А. Г. Гуськов и др.; отв. ред. С. В. Журавлев. – М.; СПб., 2015. – 383 с.
16. Шаманаев А. В., Мохов А. С. «Самый интереснейший основной источник – это сам человек»: совещание музейных работников в Свердловске 9–11 октября 1942 г. // Великий подвиг народа / под общ. ред. С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. – Екатеринбург, 2020. – Ч. 2. – С. 325–330.

*Шинтяпина Е. С.,
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург*

*Shintyapina E. S.,
Herzen Russian state pedagogical University,
Saint Petersburg*

**САНАТОРНО-КУРОРТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
БОЛЬШОЙ ЯЛТЫ 1930–1950-Х ГОДОВ КАК ОБЪЕКТЫ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА**

**SANATORIUM COMPLEXES OF BOLSHAYA YALTA
IN THE 1930S AND 1950S AS OBJECTS OF CULTURAL
AND HISTORICAL HERITAGE OF THE CRIMEA**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости изучения, охраны и популяризации советских санаторно-курортных комплексов 1930–1950-х гг., расположенных на территории Большой Ялты. Автором анализируется современное состояние выявленных объектов рекреационного назначения – архитектурных памятников монументального сталинского неоклассицизма в Крыму середины XX столетия.

Ключевые слова: санаторно-курортные комплексы, советская архитектура, культурно-историческое наследие, Большая Ялта.

Abstract. The article deals with the need to study, protect and popularize sanatorium soviet complexes of the 1930s and 1950s, located on the territory of Bolshaya Yalta. The author analyzes the current state of the identified objects of recreational purposes-architectural monuments of monumental Stalinist Neoclassicism in the Crimea of the mid-twentieth century.

Key words: sanatorium complexes, Soviet architecture, cultural and historical heritage, Bolshaya Yalta.

Среди архитектурных достопримечательностей Южного берега Крыма наиболее активно историками и искусствоведами исследуются дворцы и усадьбы, возведенные в конце XIX – начале XX вв. Дворцовые и усадебные комплексы, выстроенные по проектам известных российских и зарубежных архитекторов Н. П. Краснова, М. Е. Месмахера, В. Гунта, Ф. Ф. Эльсона и др. для великокняжеской фамилии Романовых и их приближенных, популяризируются путем включения их в туристические программы и экскурсионные маршруты по Южному берегу Крыма. Однако кроме этих объектов в данном регионе располагаются не менее ценные в художественно-историческом смысле сооружения. Среди достойных изучения и популяризации в сфере туризма – санаторно-курортные комплексы, чья архитектура и монументально-декоративные особенности по стилевым и художественным характеристикам не уступают царским дворцам.

Рассматриваемые санаторно-курортные сооружения возводились в период с 1930-х по 1950-е гг. по проектам выдающихся советских зодчих –

И. В. Жолтовского, М. Я. Гинзбурга, Б. В. Ефимовича и других, в стиле советского монументального неоклассицизма. Эти здравницы до сих пор не получили статуса исторически значимых охраняемых объектов, и поэтому забота о поддержании их оптимального состояния, реставрация экстерьеров и интерьеров проводится только за счет самих здравниц. Большинство санаторных комплексов находилось в ведении профсоюзных организаций, и на их содержание выделялся минимум средств, что, соответственно, сейчас отразилось на их состоянии. С годами нуждающиеся в реставрации архитектурные комплексы, вторящие стилю итальянского Возрождения, постепенно утратили свой былой блеск: фасадный декор и интерьерная пластика претерпели изменения в худшую сторону, в связи с чем некоторые здравницы вошли в число невостребованных.

Стоит также отметить, что судьба шедевров архитектуры советского санаторного строительства после ввода их в эксплуатацию в 1950-х гг. сложилась по-разному. Первоначально санаторные комплексы возводились по заказу министерств и ведомств, переходя затем на баланс других учреждений для формирования лечебно-профилактических баз. Природно-климатические и функциональные особенности территории Большой Ялты в течение нескольких десятков лет формировали фундамент оздоровительной базы курорта. Архитектурная привлекательность санаторных комплексов, монументальность конструкций, декоративная и скульптурно-пластическая оригинальность фасадов являлись вспомогательным художественно-стилевым и эмоционально-выразительным фоном в процессе предоставления лечебно-реабилитационных и оздоровительных услуг [1].

В наиболее выгодном положении оказались санаторные комплексы, первоначально созданные и затем эксплуатируемые по целевому заказу:

- «Россия» («Россия», 1950 г., архитекторы И. Г. Кузьмин и А. Я. Лангман). Первое время санаторий входил в состав профсоюзных курортов, но уже через два года, в 1959 г., после дополнительной реконструкции, был переподчинен Управлению делами ЦК КПСС и функционировал как Дом отдыха для приема и оздоровления работников советского партийного аппарата и зарубежных гостей ЦК КПСС;
- «Горный» (1953 г., архитекторы И. В. Жолтовский и П. И. Скокан). Здравница, возводимая под патронатом прокуратуры СССР. Позднее санаторный комплекс перешел под патронат Министерства среднего машиностроения СССР, в ведении которого в то время была секретная атомная отрасль – ОАО «Атомпрофздравница». В здравнице, ставшей главным рекреационным центром ведомства, проходили лечение и профилактические процедуры работники атомной промышленности и многочисленных советских электростанций;
- «Родина» (до 2014 г. – «Украина»; 1955 г., архитектор Б. Е. Ефимович). Санаторий Министерства лесной и бумажной промышленности СССР, позднее передан объединенным украинским профсоюзам «Укрпрофздравница».

В советское время санаторий принимал делегации коммунистических партий и профсоюзов из капиталистических стран;

- «Нижняя Ореанда» (1958 г., архитектор М. Я. Гинзбург). Здравница, возведенная по заказу И. В. Сталина. С 1995 г. санаторий принадлежал Управлению делами аппарата Верховной Рады Украины. Долгое время здравница оставалась местом отдыха советской партийной элиты. Лечение в санатории было доступно интеллектуальной, управленческой и творческой элите Советского Союза. Здесь бывали в гостях и на отдыхе многие выдающиеся деятели прошлого и современности [2].

На содержание уникальных интерьеров и экстерьеров вышеперечисленных санаторных объектов выделялись необходимые средства, а реставрационные работы проводились в запланированный срок. И сегодня они принимают на оздоровление сотрудников министерств и ведомств Российской Федерации, поэтому их физическое состояние на должном уровне поддерживается соответствующими специалистами. Эти санаторные комплексы представляют собой не только развитые рекреационные центры, но и прекрасно сохранившиеся архитектурные комплексы, культурно-историческая привлекательность которых с годами только возрастает. Так, например, уже сегодня в случае включения в туристические и экскурсионные маршруты Большой Ялты санаторных комплексов «Горный», «Россия», «Родина» и «Нижняя Ореанда» можно ожидать значительного интереса к ним как тематическим объектам, наряду с другими историко-культурными достопримечательностями Ялты.

В менее выгодном материальном положении оказались санатории и дома отдыха, созданные в тот же временной период, но переданные в эксплуатацию в малофинансируемые организации, в основном в систему профсоюзов: «Сосняк» (1938 г.), «Имени В. Куйбышева» (1948 г.), «Алупка» (1950 г.), «Энергетик» (1950 г.), «Севастополь» (1950 г.) и др.

За годы функционирования санаторно-курортных комплексов происходил постепенный износ конструкций и архитектурных элементов. Вследствие недостаточного финансирования и непринятия необходимых решений о реставрации здравниц, а также халатности со стороны управленческого и административного аппарата на рубеже 1990–2000-х гг. были варварски утрачены и уничтожены прекрасные образцы архитектуры, облик которых вторил богатой крымской природе советским неоренессансом.

В рамках проведенного анализа и фактического исследования состояния санаторных комплексов выявлены: полностью утраченные санаторные ансамбли – в городе Ялта санатории «Золотой пляж», «Курпаты» (1936–1938 г., архитектор В. Ковальский); нуждающиеся в капитальном ремонте и реставрации – в Ялте санатории «Жемчужина» (1935 г.), «Сосняк» (1938 г.), «Имени В. Куйбышева» (1948 г.), «Энергетик» (1950 г.), «Запорожье» («Металлург», 1955 г.), в Алупке санаторий «Шахтер» (1950 г.) и др.

К проблеме утраченной советской курортной архитектуры городов Крыма в проекте «Курортград», направленном на возвращение «утраченных элементов идеального города», обращались архитектор А. Комов, искусствовед Н. Васильев, художник А. Ягубский. Целью проекта является «изучение и восстановление советских курортов, способное вернуть городам не только инфраструктуру, но и статус самостоятельных культурных брендов с собственными маршрутами, экспозициями и даже фестивальными площадками» [3].

В результате рассмотрения проблематики по популяризации санаторно-курортных комплексов Большой Ялты представляется необходимым включить архитектурные ансамбли исторически и художественно значимых здравниц в перечень объектов культурного наследия Крыма с целью привлечения внимания к ним не только как к рекреационным центрам, но и как к объектам, достойным всестороннего внимания и изучения, потенциальным экскурсионным достопримечательностям.

Литература

1. Бобр В. И. Формирование архитектурного образа рекреационно-оздоровительных центров в современной России [Электронный ресурс] // Мир современной науки. – 2011. – № 4. – С. 31–34.
2. Сергеев В. С., Аваков А. В. Берег Ялтинского амфитеатра. Архитектурно-исторические очерки. – Симферополь, 2013. – 300 с.
3. Квасок Ю. Авторы проекта «Курортград»: «Мы хотим романтизировать советскую архитектуру». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://archi.ru/world/51130/avtory-proekta-kurortograd-my-khotim-romantizirovat-sovetskuyu-arkhitekturu>.

*Шлегель Е. А.,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, Омск*

*Shlegel E. A.,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НЕМЦЕВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹⁵

THE EXPERIENCE OF PRESERVING OF CULTURAL DIVERSITY OF RUSSIAN GERMANS AT PRESENT STAGE

Аннотация. Различные этнические группы немцев, проживающие в России, сложились благодаря множественному характеру их этнической идентичности. На разных исторических этапах на процесс формирования этнической идентичности российских немцев оказывали влияние различные факторы: места переселения, религия, языковые особенности. Сегодня на самосознание немцев влияет и ряд других факторов, например, активная деятельность общественных организаций и научных подразделений, историко-краеведческие музеи и Интернет-сообщества. В настоящей статье освещаются аспекты формирования этнической идентичности различных групп российских немцев, а также представлен опыт сохранения культурного и языкового многообразия народа, который уже сформирован Самоорганизацией российских немцев, научными структурами и органами власти России и Германии.

Ключевые слова: российские немцы, этническая идентичность, этнические процессы, общественные организации, музеи.

Abstract. Various ethnic groups of Germans in Russia emerged due to the variation of their ethnic identity. At different historical stages, the ethnic identity of Russian Germans was formed under the influence of factors: place of relocation, religion, peculiarities of language. Today, the identity of Germans is influenced by other factors, such as the active activities of public organizations and scientific institutions, local history museums and Internet communities. The article presents the factors of formation of ethnic identity of various groups of Russian Germans, as well as the experience of Self-organization of Russian Germans, scientific structures and government of Russia and Germany on preservation of culture and language of the people.

Key words: Russian Germans, ethnic identity, ethnic processes, public organizations, museums.

В настоящее время, по данным Федерального агентства по делам национальностей, на территории Российской Федерации проживает 193 народа. Среди многочисленных этносов, населяющих нашу страну, немцы всегда играли особую роль в жизни государства. С XVIII в., после массового переселения немцев-колонистов в Российскую империю, ведется история

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)».

одного из многочисленных народов страны со своей уникальной культурой, языком и традициями. Сегодня немцев насчитывается более 394 тыс. человек, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [1]. С вхождением полуострова Крым в состав России к общей численности немцев в 2014 г. добавилось еще 1844 человека [2, с. 108]. На предстоящую перепись 2020 г. исследователи и общественные деятели Самоорганизации российских немцев возлагают большие надежды, в связи с проделанной работой по актуализации и сохранению этнической идентичности немцев России за последние годы.

В рамках современных реалий неизменно происходит трансформация этнических характеристик народа, однако немцы и сегодня сумели сохранить культуру и язык предков, некогда прибывших из различных земель Германии. Начиная с массового переселения немецких крестьян в Россию, основным принципом формирования этнической идентичности народа становится территориальный. При упоминании об истории своей семьи респонденты называют места, из которых происходило изначальное переселение их предков – голландских немцев (Голландия), саксонских (Саксония), баварских (Бавария), франконских (Франкония) и т. д. Сегодня поколение, родившееся уже в России, идентифицирует себя как поволжские, украинские, волынские, кавказские, причерноморские или сибирские немцы [3, с. 48].

В этническое самосознание немцев прочно вошло место их изначального поселения или образования колоний. Так, в Поволжье сложилась одна из крупнейших территориальных групп немцев, несмотря на неоднородность в религиозном, языковом и этническом плане. Здесь впоследствии было создано национально-государственное образование – Республика немцев Поволжья, просуществовавшее до 1941 г.

Своеобразные территориальные группы немцев складывались в Новороссии и Крыму, на Кавказе и Волыни, причем в Новороссию и на Волынь изначально переселялись группы меннонитов, а первыми путь на Кавказ прокладывали преимущественно швабы. У различных групп немцев не было единого самосознания, а отличия присутствовали в языковом, религиозном плане и в повседневной жизни.

Стоит отметить, что конфессиональные различия, даже в рамках одного народа, накладывали отпечаток и на этническое самосознание отдельных групп немцев. Так, меннониты, названные в честь основателя одного из религиозных течений Менно Симонса, имеют общинный характер проживания, в силу чего их культурные, языковые особенности и образ жизни сохранились лучше, чем у других групп. Замкнутый характер проживания меннонитов позволил на долгие годы сформировать устойчивую религиозную общность.

Сегодня крупнейшей территориальной группой остаются сибирские немцы. Многие ныне живущие здесь представители этноса не были депортированы из Поволжья, а переселились сюда в начале XX в. в поисках плодородных земель. Сегодня немцы Сибири составляют этнический костяк наро-

да, сохраняя в большей мере традиционные черты материальной и духовной культуры.

Места проживания немцев в России оказывали влияние на понимание своей традиционной культуры. Всем группам приходилось адаптироваться к местным природным и климатическим условиям, что сказывалось на традиционной пище, хозяйстве и т. д. [4, с. 41]. С местным населением происходили культурные и языковые контакты, что свидетельствует о наличии многих заимствованных элементов материальной культуры и слов в языках двух соседствующих народов.

Нужно сказать, что язык в жизни народа всегда играл особую роль. На протяжении различных периодов в истории немецкого этноса он являлся одним из основных факторов, влияющих на определение своей этнической идентичности. В различных масштабных этносоциологических опросах язык входит в тройку маркеров, благодаря которым немцы осознают свою общность друг с другом [5, с. 37]. В то же время в языке можно выделить «языковые острова» или диалекты, которые дифференцируют немцев в этническом плане. Например, владение диалектом «платтдойч» (Plattdeutsche) свидетельствует, что человек принадлежит к меннонитам, обладающим этноконфессиональной идентичностью. Сами менониты иногда используют название своего диалекта в качестве этнонима.

Немцы, владеющие швабским диалектом, в этническом плане идентифицируют себя со швабами, то есть частью этнических немцев, некогда проживавших в южной части Германии, а затем преимущественно на Украине. Потомки волынских немцев, то есть выходцев из Волынской губернии, и сегодня сохранили особое этническое самосознание. Сами себя они называют «волинеры». Подобный этноним созвучен и с используемым ими в повседневной жизни диалектом – «волиния» [6, л. 54].

Несмотря на различия в конфессиях, местах проживания, во владении диалектами, современные российские немцы осознают себя в то же время как единый народ благодаря общей истории, судьбе и культуре. Особенно ввиду массовых миграций, усиленной ассимиляции со стороны соседствующих народов у самих российских немцев и заинтересованных структур есть понимание необходимости сохранения одного из уникальных народов, проживающих на территории России.

Существенную помощь в сохранении культуры и языка российских немцев оказывают общественные организации, которые в рамках государственных программ выстраивают каналы финансовой и социальной помощи представителям национального меньшинства. Они на сегодняшний день наравне с институтом семьи, а в некоторых случаях даже в большей мере, взяли на себя ответственность по развитию и сохранению этнического самосознания у представителей немецкого этноса.

Самоорганизация российских немцев в лице Ассоциации общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (МСНК) на федеральном, региональном и локальном уровне централизует деятельность

различных организаций, основная работа которых направлена на сохранение этнической идентичности немцев через проектную деятельность.

Ежегодно в рамках реализации программы поддержки российских немцев, которая принимается на заседаниях Российско-Германской Межправительственной комиссии, проводятся различные проекты этнокультурной, языковой, социальной и молодежной направленности. Проекты по каждому полю реализуются в так называемых Центрах встреч российских немцев, которые функционируют практически в каждом населенном пункте, где на сегодняшний день проживают немцы.

Местные Центры встреч являются конечным звеном в структуре Самоорганизации российских немцев, так как именно на этих площадках у немцев из любой глубинки есть возможность реализовывать свой этнокультурный потенциал. На сегодняшний день насчитывается более 450 Центров встреч, куда входят Российско-немецкие дома, культурно-деловые центры в крупнейших городах России и сельские Центры немецкой культуры [7].

В языковом поле реализуются разнообразные по своим типам проекты. Например, для российских немцев бесплатно организовываются Клубы любителей немецкого языка, где каждый желающий может свободно общаться на языке или разучивать его с азов. Устраиваются кинопоказы с последующим обсуждением, театральные представления с использованием немецкого языка и др. Языковые проекты на федеральном уровне чаще всего являются сетевыми, что позволяет немцам из самых разных частей страны принимать в них участие. К примеру, Центры немецкой культуры ежегодно становятся площадками Всероссийской акции «*Tolles Diktat*». Каждый желающий, и прежде всего российский немец, имеет возможность написать открытый диктант на немецком языке. В феврале 2020 г. в подобном проекте приняло участие более 67 тыс. человек [8].

Не у всех немцев имеется возможность отмечать немецкие народные праздники в своих семьях ввиду утраты этой традиции по разным обстоятельствам. В рамках этнокультурного поля Центры становятся тем местом, где можно отметить народный праздник, познакомиться с элементами обрядности и традициями, принятыми у большинства немцев. На подобные мероприятия приглашается старшее поколение, которое делится своим опытом и знаниями, проводит различные творческие мастер-классы, использует в своей речи диалектные слова. Тем самым происходит передача языка и в целом культурного кода народа.

Некоторые проекты, одним из которых является межрегиональный проект «Мои этнические корни», направлены на развитие интереса к истории своей семьи, участие в них предполагает обращение к своим родственникам, старожилам сел, к активистам общественных организаций, которые делятся историей народа и таким образом развивают в младшем поколении чувство этнического самосознания.

Социальная поддержка в виде гуманитарной, медикаментозной и санаторно-курортной помощи пожилым немцам осуществляется в рамках соци-

ального поля. Здесь же реализуются семейные проекты с участием трех поколений российских немцев. В течение нескольких дней участники делятся традициями своих семей, занимаются совместным творчеством, готовят блюда национальной кухни, разучивают народные песни.

Этническую идентичность молодого поколения поддерживают в рамках молодежного поля. С подросткового возраста немцы являются членами молодежных клубов, деятельность которых является разносторонней в этническом плане. Ежегодно в летний период проходят молодежные площадки на региональном и федеральном уровнях. Активистов молодежных клубов, победителей языковых и этнокультурных конкурсов поощряют участием в молодежном лагере, проходящем в Германии, где у молодых людей есть возможность пообщаться со сверстниками на немецком языке, узнать больше об истории своих предков и получить мотивацию на дальнейшее сохранение своей этнической идентичности.

Необходимость привлекать именно молодое поколение к вопросам своей этничности привело к разработке множества виртуальных проектов. Так, например, Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) вот уже более 25 лет занимается популяризацией истории и культуры немцев России. Сегодня основная деятельность направлена на научное изучение истории и культуры народа и перенос полученных знаний в виртуальное пространство. На информационном портале российских немцев «RusDeutsch» представлены виртуальные проекты, которые могут удовлетворить любые запросы этнических немцев. Это и онлайн выставки, и электронная библиотека, и пособие по истории немцев России в электронном формате, и энциклопедия российских немцев, и реестр немецких поселений, в котором представлены места компактного проживания немцев в России.

Одним из последних разработанных проектов является виртуальный музей российских немцев [9]. В связи с миграцией немцев в Германию или оттоком в крупные города России масса предметов материальной культуры, используемых в семьях российских немцев, бесследно исчезла. Сельские музеи, принимающие в дар уникальные предметы, к сожалению, имеют массу проблем с возможностью реставрации, хранения, демонстрации экспонатов. Данная проблема подтолкнула исследователей к разработке сайта виртуального музея российских немцев как одного из возможных путей сохранения предметов в Интернет-пространстве. На сайте представлены разнообразные материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций. Информация структурирована по тематическим блокам: музеи (представлена карта музеев и дается описание тех музеев, в коллекциях которых имеются предметы материальной культуры немцев), коллекции (фото экспонатов с их описанием и указанием мест хранения), архив (совокупность архивных материалов по историческим периодам), экскурсии и выставки (размещена онлайн-выставка «Немцы в российской истории»), экспедиции (описание экспедиций в места компактного проживания немцев), культурное наследие (описание обрядов,

традиций), памятники и памятные места (описание значимых мест для российских немцев), язык и фольклор (записи народных песен, речи носителей диалектов), семейная и личная история (собрание генеалогий и т. д.).

Подобный проект является ярким примером сохранения культурного, языкового и духовного наследия российских немцев на современном этапе, ведь материалы для наполнения сайта собираются профессиональными историками и этнографами в исторически сложившихся местах компактного поселения российских немцев. Но главное, что все материалы находятся в свободном доступе для широкого круга лиц, желающих прикоснуться к истории и культуре своего народа или народа, проживающего по соседству.

Для эффективного выстраивания программы поддержки российских немцев МСНК периодически проводит массовые социологические опросы российских немцев, отражающие реальное положение народа и результативность проектной деятельности. В 2009 г. в рамках федеральной целевой программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.» при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации и Министерства внутренних дел Германии был проведен опрос, ставивший своей целью выявление тенденций этнокультурного развития российских немцев. Объем выборки составил 1500 респондентов [5, с. 7]. Результаты опроса позволили оценить эффективность программ поддержки российских немцев и выявить актуальные запросы в сфере языка и культуры народа. Так, было выявлено, что в последующие годы приоритетным направлением деятельности должна стать языковая работа, так как владение немецким языком и признание его в качестве родного существенно снизилось среди российских немцев. В 2020 г., спустя 10 лет, было принято решение вновь провести подобное исследование для уточнения существующего положения народа. В нынешнем исследовании объем выборки составил 1000 человек. По результатам опроса будет подготовлен ряд рекомендаций для увеличения продуктивности работы общественных организаций.

Помимо опроса периодически проводятся языковые мониторинги и мониторинги общественных организаций, научные конференции и образовательные семинары. Широко распространена издательская деятельность. Для изучения немецкого языка и культурных особенностей российских немцев разработаны специальные пособия для детей и молодежи, такие как журналы «Schrumdi», «Schrumdirum», «WarumDarum», для взрослого населения выпускается общественно-политическое издание «Московская немецкая газета» [10].

Таким образом, вся текущая деятельность Самоорганизации российских немцев направлена на создание комфортных условий для реализации этнических потребностей народа – общения на родном языке, соблюдения традиций, изучения истории своего народа и своей семьи и т. д. Российских немцев всех возрастов на различных жизненных этапах сопровождает этнокультурный компонент, который формирует их этническую идентичность. И, несмотря на то, что лютеране в рождественскую ночь ожидают приход пер-

сонажа Пельцникеля, католики – Рупрехта, а меннониты – Вайнахтсмана, что в одних семьях младшему поколению передается диалект «платтдойч», а в других – швабский, российские немцы еще долгое время просуществуют на карте национальностей России как единый народ.

Литература

1. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 13.04.2020).
2. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе // Федеральная служба государственной статистики. – М., 2015. – 279 с.
3. Смирнова Т. Б., Киссер Т. С. Многообразие немцев России // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 2 (55). – С. 44–53.
4. Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. – М., 2012. – 316 с.
5. Смирнова Т. Б. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции. – М., 2010. – С. 6–59.
6. Шлегель Е. А. Трансформация родного языка как фактора этнической идентичности (на примере немцев Омской области). Материалы интервью // МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 226–1. – Л. 1–101.
7. О нас // Международный союз немецкой культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://ivdk.ru/> (дата обращения: 14.04.2020).
8. Подведены итоги акции «Tolles Diktat – 2020!» // Информационный портал российских немцев «RusDeutsch». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://rusdeutsch.ru/Nachrichten/12422> (дата обращения: 14.04.2020).
9. Виртуальный музей российских немцев // Информационный портал российских немцев «RusDeutsch». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://museum.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 14.04.2020).
10. Периодика // MAWI GROUP. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.mawi-publish.ru/periodicals.html> (дата обращения: 15.04.2020).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ** – Античная древность и средние века
АНИБ – Археологическое научно-исследовательское бюро
БИ – Боспорские исследования
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВВИА – Вопросы Всеобщей истории архитектуры
ВДИ – Вестник древней истории
ГАРК – Государственный архив Республики Крым
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГК ОКН РК – Государственный Комитет охраны культурного наследия Республики Крым
ГХМ (ГХИАМ) – Государственный Херсонесский историко-археологический музей
ЗКОЕЛП – Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы
ЗООИД – Записки Одесского Общества любителей истории и древностей
ИАК – История и археология Крыма
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИТОИАЭ – Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ГКУ АГС – Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФУ – Крымский федеральный университет В. И. Вернадского
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского Государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
ПА – Поволжская археология
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
СПбГУКИ – Санкт-Петербургский Государственный университет культуры и искусств
ТНУ – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
ХСб. – Херсонесский сборник

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипенко Анна Витальевна, младший научный сотрудник отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Блинова Анна Николаевна, доцент кафедры антропологии, этнологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук

Васильев Николай Юрьевич, доцент кафедры архитектуры Института строительства и архитектуры ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», генеральный секретарь Российского отделения DoCoMoMo, кандидат искусствоведения

Ганцев Валентин Константинович, ассистент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков.

Герцен Александр Германович, декан исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук

Гинькут Наталия Виталиевна, ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”»

Гогунская Татьяна Александровна, доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук

Гончаров Алексей Вячеславович, аспирант кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Демидов Артем Геннадьевич, председатель Центрального совета Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»

Дружинина Надежда Сергеевна, аспирантка кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Зайцева Ольга Михайловна, старший научный сотрудник ТОГАУК «Историко-культурный музейный комплекс “Усадьба Асеевых”»

Зиливинская Эмма Давидовна, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор исторических наук

Зинько Алексей Викторович, старший научный сотрудник отдела истории археологии древнего и средневекового Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат исторических наук

Зинько Виктор Николаевич, ведущий научный сотрудник отдела истории археологии древнего и средневекового Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук

Зинько Елена Алексеевна, старший научный сотрудник отдела истории археологии древнего и средневекового Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат исторических наук

Исак Иван Александрович, аспирант кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Кармазина Наталья Валерьевна, начальник управления организационно-административной политики ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», председатель совета Крымского республиканского отделения ВОО «ВООПИиК», кандидат исторических наук

Каткова Ирина Анатольевна, заведующий сектором по культурно-просветительской работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”»

Ларенок Оксана Павловна, аспирантка Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Малая Елена Владимировна, доцент кафедры градостроительства ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (государственная академия)», кандидат архитектуры

Манаев Александр Юрьевич, доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук

Науменко Валерий Евгеньевич, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук

Новиченкова Наталья Георгиевна, доцент кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук

Овсянникова Елена Борисовна, профессор кафедры истории советской и современной зарубежной архитектуры ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (государственная академия)», главный научный сотрудник Института развития города Севастопольского государственного университета, кандидат архитектуры

Подопригора Юлия Ивановна, кандидат исторических наук, член научно-экспертного совета Общественного фонда казахстанских немцев «Возрождение»

Прохорова Татьяна Александровна, заведующий научно-архивным отделом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”»

Прохоров Дмитрий Анатольевич, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», старший научный сотрудник отдела новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат исторических наук

Саенко Владимир Леонидович, ассистент кафедры хирургической стоматологии Медицинской академии им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат медицинских наук

Саенко Таисия Станиславовна, ассистент кафедры терапевтической стоматологии Медицинской академии им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Седикова Лариса Васильевна, заместитель директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”», кандидат исторических наук

Сидорова Виктория Витальевна, доцент кафедры градостроительства архитектурно-строительного факультета Академии строительства и архитектуры ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат архитектуры

Скуридин Олег Александрович, научный сотрудник отдела охраны и учета объектов культурного наследия ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”», председатель Совета специалистов Севастопольского регионального отделения ВОО «ВООПИиК»

Смирнова Татьяна Борисовна, проректор по учебной работе, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», доктор исторических наук

Стрекалова Наталья Валерьевна, профессор кафедры всеобщей и российской истории, заместитель декана факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат исторических наук

Струнина Виктория Николаевна, ведущий менеджер Муниципального автономного учреждения городского округа Евпатория Республики Крым «Евпаторийский культурно-этнографический центр “Малый Иерусалим”», кандидат психологических наук

Филимонов Сергей Борисович, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук

Храпунов Никита Игоревич, ведущий научный сотрудник отдела новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат исторических наук

Шалак Максим Евгеньевич, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений ФГАОУ. ВО «Южный федеральный университет», кандидат исторических наук

Шаманаев Андрей Васильевич, доцент кафедры археологии и этнологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат исторических наук

Шинтяпина Евгения Сергеевна, магистрант кафедры художественного образования и декоративного искусства факультета изобразительного искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Шлегель Елена Александровна, помощник проректора по учебной работе ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов-составителей.....	3
Антипенко А. В. МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЛЫХ СФЕРИЧЕСКИХ ПУГОВИЦ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН	6
Блинова А. Н. МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ.12	
Васильев Н. Ю., Овсянникова Е. Б. УНИКАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ А. Л. ШЕФФЕРА (1924–2020) В Г. СЕВАСТОПОЛЕ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	17
Ганцев В. К. СКАЛЬНЫЕ ВИНОГРАДОДАВИЛЬНИ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» КАЧИ-КАЛЬОН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	22
Гинькут Н. В. «ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ» ВЗГЛЯД АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖНИКА У. ХАДФИЛДА НА ФЕОДОСИЮ 1787 Г	28
Гогунская Т. А., Кармазина Н. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	33
Гончаров А. В. ИЗ ИСТОРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И УЧЕТА УЩЕРБА, НАНЕСЕННОГО КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ КРЫМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	40
Демидов А. Г. СОПРИЧАСТНОСТЬ К ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ – ЗАДАЧА ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	45
Дружинина Н. С. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТЫ КРЫМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (1966–1969).....	50
Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА «УСАДЬБА АСЕЕВЫХ» (Г. ТАМБОВ) НА ПРИМЕРЕ ОСОБНЯКА СУКОННОГО ПРОМЫШЛЕННИКА В. Т. АСЕЕВА.....	57
Зиливинская Э. Д. МЕЧЕТИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ОПЫТ ПЕРВИЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ.....	66

Зинько Е. А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РАННЕ-ХРИСТИАНСКИХ БОСПОРСКИХ СКЛЕПОВ	72
Зинько В. Н., Зинько А. В. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ В СОХРАНЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА	77
Исак И. А. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ В КРЫМУ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ ЧИСЛА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ	82
Каткова И. А. К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕЗЕНТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДИЩА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО.....	87
Ларенок О. П. КАМЕНСКО-ЛИВЕНЦОВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА И ТАМАНИ.....	94
Малая Е. В. ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИМЕИЗА.....	97
Манаев А. Ю. ПАМЯТНИКИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ СЕВАСТОПОЛЯ И ВОЛГОГРАДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	99
Науменко В. Е., Герцен А. Г., Ганцев В. К. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО (АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО) НАСЛЕДИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2018–2019 ГГ.)	104
Новиченкова Н. Г. ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ЯЛТИНСКОГО РЕГИОНА ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И МУЗЕИФИКАЦИИ.....	118
Прохорова Т. А. ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ В УСЛОВИЯХ МИРА И ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ОПЫТ 1940–1960-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»)	125
Прохоров Д. А. МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	135

Саенко В. Л., Саенко Т. С. ХИРУРГИЧЕСКИЙ КОРПУС БОЛЬНИЦЫ Н. А. СЕМАШКО КАК ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	142
Седикова Л. В. «ДРЕВНИЙ ГОРОД ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЕГО ХОРА» – ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО	149
Сидорова В. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕД- СТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИ- ТЕКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ	153
Скуридин О. А. ОПЫТ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО МОНИТОРИНГА СОСТО- ЯНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОПЕРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ- ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС-ТАВРИЧЕСКИЙ»: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИ- КА, РЕЗУЛЬТАТЫ	161
Смирнова Т. Б., Подопрigора Ю. И. ПАМЯТНИКИ, ПАМЯТНЫЕ МЕ- СТА И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА	168
Струнина В. Н. АДАМ ГЕНРИХ: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЕДКО ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЭТОМ МИРЕ	175
Филимонов С. Б. О СУДЬБАХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ И РЕ- ЛИКВИЙ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОМ КРЫМУ	183
Храпунов Н. И. КРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА РИСУНКАХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ	190
Шалак М. Е. ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОСМАНСКИХ ХРОНИК	197
Шаманаев А. В. ЭВАКУАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ХЕРСОНЕССКОГО МУ- ЗЕЯ: ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	203
Шинтяпина Е. С. САНАТОРНО-КУРОРТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БОЛЬ- ШОЙ ЯЛТЫ 1930–1950-Х ГОДОВ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА	208
Шлегель Е. А. ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРА- ЗИЯ НЕМЦЕВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	212

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
VII Всероссийской
научно-практической конференции**

**«Актуальные вопросы охраны и использования
культурного наследия Крыма»**

г. Симферополь, 21–22 октября 2020 года

Сборник печатается в авторской редакции

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 300 экз. Заказ № 09А/24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru